

Л. П. ЛИПИНСКИЙ

**КЛАССОВАЯ
БОРЬБА
В БЕЛОРУССКОЙ
ДЕРЕВНЕ
1907—1914**

Минск
Издательство БГУ им. В. И. Ленина
1981

ББК 63.3(2)523
Л 61

Рецензент
Т. Е. Солодков, доктор исторических наук,
профессор

Липинский Л. П.
Л 61 Классовая борьба в белорусской деревне,
1907—1914.— Мн.: Изд-во БГУ, 1981.— 176 с.
В пер.: 1 р. 60 к.

Монография посвящена малоизученному прошлому крестьянства Белоруссии. Читатель найдет в книге много сведений о состоянии сельского хозяйства и жизни дореволюционной белорусской деревни. Широко освещается вторая социальная война в деревне, показано отношение крестьянства к новой аграрной политике царизма и столыпинской хуторизации.

Впервые дается полная статистика крестьянских выступлений по всем уездам и губерниям Белоруссии, составленная на основе архивных и других материалов, в частности дореволюционной печати. Показан рост большевистского влияния на крестьянскую массу.

Рассчитана на преподавателей, аспирантов, студентов, пропагандистов.

Л $\frac{10604-017}{М 317-81}$ рез.— 81 0505040000

ББК 63.3(2)523
9(С)176

ВВЕДЕНИЕ

Классики марксизма-ленинизма придавали большое значение изучению революционного движения масс, опыт которого обогащает теорию марксизма и используется в практической деятельности Коммунистической партии. В. И. Ленин писал, что история всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником знаний по вопросу о диктатуре пролетариата и дает необходимые уроки исторического опыта «для нашей непосредственной практической деятельности»¹. В этой связи борьба белорусского крестьянства против эксплуататоров в период 1907—1914 гг. также представляет большой интерес.

После поражения революции 1905—1907 гг. в России началась новая полоса исторического развития, которую В. И. Ленин называл «контрреволюционной эпохой». Он писал: «Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость...<...>

Без революции 1905—1907 годов, без контрреволюции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года»².

Ленинская характеристика «контрреволюционной эпохи» 1907—1914 гг. показывает, какое важное значение В. И. Ленин придавал социально-политическим и революционным событиям, происходившим в то время. Он

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 369; т. 39, с. 342.

² Там же, т. 31, с. 12.

указывал, что после 1907 г. царизм стал на путь бонапартистской политики. Бонапартизм в России представлял собой форму диктатуры реакционной крупной буржуазии и помещиков, которые, опираясь на армию, из-за непрочности своего положения были вынуждены лавировать между различными классами, прикрывать свою контрреволюционную сущность демагогией, политикой обмана масс, мелкими подачами и реформами, создававшими видимость «надклассового», «беспартийного» правительства и т. п. «Бонапартизм,— писал В. И. Ленин,— есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке... демократической революции»³.

Однако бонапартистская политика не спасла и не могла спасти старый режим от краха. Она лишь на время отстрочила падение монархии, способствуя в конечном счете вызреванию тех революционных сил, которые были призваны историей повернуть Россию на путь социализма.

Следует отметить, что белорусские историки-националисты (В. Игнатовский, А. Смолич, Ф. Турук и др.) отрицали классовую борьбу в белорусской деревне. Они утверждали, будто деревня в революционное время была однородной в социально-классовом отношении, так как внутри крестьянства не было социального расслоения и антагонистических классов. Отсюда делался антинаучный и антимарксистский вывод об отсутствии второй социальной войны в белорусской деревне.

Из этой неверной посылки конструировалась и надуманная, политически вредная теория об «особом», «самобытном» пути развития белорусской нации. По мнению В. Игнатовского, Белоруссия почти не знала типа русского кулака-миродея, который, как паук, оплетал все село долговыми обязательствами. Игнатовский и другие считали, что в Белоруссии классовый и национальный состав совпадали, так как белорусы в основном представляли собой крестьянскую массу, которая прозябала в бедности и подвергалась эксплуатации со стороны русских и польских помещиков, чиновников и еврейской буржуазии, обосновавшейся в городах и местечках; Белорусов-помещиков и буржуазии, полагали Игнатовский

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 83.

и его единомышленники, вообще не существовало, так же как и рабочего класса. «Если крестьянство в Белоруссии,— писал Игнатовский,— было представлено белорусами, то пролетариат и мелкие ремесленники почти исключительно евреями»⁴.

Весьма сходных взглядов придерживались белорусские историки В. Щербаков, М. Довнар-Запольский и др. Последний писал, что в Белоруссии «ремесленник, как и рабочий, в огромном большинстве случаев был еврей по национальности». В свою очередь, Ф. Турук считал, что социально-классовые различия в Белоруссии в начале XX в. еще только зарождались. «Белорусы,— писал он,— не имеют ярко выраженных социальных группировок с крепко выраженной классовой борьбой»⁵.

Неверная трактовка социально-экономического развития дореволюционной Белоруссии приводила к крупным ошибкам в области политической истории. Это выражалось не только в непризнании классовой борьбы внутри белорусской нации, но и в искажении истории национально-освободительного и социал-демократического движения. Почти все историки-националисты отрицали влияние большевизма на революционное движение в Белоруссии и преувеличивали роль мелкобуржуазных партий. Разница между белорусскими и еврейскими националистами состояла в основном в том, что первые преувеличивали роль Белорусской социалистической громады (БСГ), а вторые — Бунда и других еврейских партий. Так, Н. Бухбиндер писал, что массовое рабочее движение в Белоруссии началось в 90-х гг. XIX в. как движение еврейского пролетариата под влиянием Бунда. Ему вторил В. Игнатовский, также утверждавший, что «рабочее марксистское движение нашего края было связано с городом и местечком, которые были переполнены еврейским населением»⁶.

⁴ *Игнатоўскі У.* Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя.— Мінск, 1928, с. 191.

⁵ *Щарбакоў В. К.* Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя.— Мінск, 1930; *Довнар-Запольскі М. В.* Народное хозяйство Белоруссии. 1861—1914.— Минск, 1926, с. 164; *Турук Ф.* Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов.— М., 1921, с. 26.

⁶ *Бухбиндер Н. А.* История еврейского рабочего движения в России.— Л., 1925, с. 54; *Игнатоўскі У.* Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя, с. 191.

Бундовец М. Шульман считал, что до 1904 г. в Белоруссии Бунд был монополистом, т. е. единственной партией в рабочем движении, причем еврейский рабочий якобы получал в его рядах «превосходное воспитание». На той же позиции стоял Л. Меньшиков, который писал: «Еврейское рабочее движение переросло намного и русское... Нет ни одного города в России, за исключением Петербурга и Москвы, где не было бы большинства бундовских рабочих. Почти все нелегальные типографии устраивались ими. Вся развозка и доставка литературы исполняется ими же»⁷.

В свою очередь, В. Игнатовский и З. Жилунович преувеличивали роль БСГ. По мнению В. Игнатовского, в лице БСГ явилась первая социалистическая партия в Белоруссии. Жилунович и Бурбис утверждали, что БСГ уже в 1906 г. выросла в массовую партию. Между тем известно, что эта партия никогда не была массовой и большого влияния на революционное движение не оказала.

Столь же противоречивы и ошибочны были взгляды относительно возникновения организаций РСДРП в Белоруссии. Одни историки (С. Агурский, Л. Майзель, М. Шульман, В. Игнатовский) считали, что социал-демократия выросла из Бунда; другие (З. Жилунович, А. Бурбис) пытались изобразить БСГ предшественницей и носительницей большевизма в Белоруссии⁸.

Ф. Турук, С. Агурский, В. Игнатовский и их сторонники отрицали влияние большевизма и революционных событий в России на «белорусское национальное движение», особенно после революции 1905—1907 гг.⁹ В крестьянском движении они признавали только борьбу против польских и русских помещиков и чиновников. В. Игнатовский, А. Смолич, Ф. Турук и др. опровергали факт руководства рабочего класса крестьянством, а также из-

⁷ Шульман М. 1905 г. в Белоруссии: Сб. статей, воспоминаний и материалов / Под ред. М. Шульмана.— Минск, 1925, с. 6—7; Меньшиков Л. П. Охрана и революция.— М., 1928, с. 125.

⁸ Игнатовскі У. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя, с. 207; Жылуновіч З. Бурбіс А.: Рэвалюцыйная характарыстыка.— Польша, 1927, № 2, с. 181—182.

⁹ Жылуновіч З. Бурбіс А.: Рэвалюцыйная характарыстыка, с. 62; Турук Ф. Белорусское движение, с. 15, 19; Агурский С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863—1917).— Минск, 1928, с. 10, 124.

вращенно толковали влияние различных партий на деревню.

Ф. Турук, А. Бурбис, З. Жилунович считали, что руководящее влияние на белорусское крестьянство оказывала главным образом БСГ. Со своей стороны В. Игнатовский заявлял, что крестьянством руководила БСГ вместе с Бундом. Еврейские националисты М. Рафес, А. Шлюбский, Г. Шкловский пытались доказать, будто крестьянское движение в 1905—1907 гг. находилось в основном под влиянием еврейских рабочих и Буйда и в значительной степени эсеров. М. Шульман идеализировал Бунд и почти не признавал влияния эсеров и БСГ. «Эсеры,— писал он,— имели ничтожное влияние не только в городах, но и в деревне», а «БСГ имела незначительный удельный вес»¹⁰. Несколько иного взгляда на этот вопрос придерживался М. Майзель, который утверждал, что агитацию среди крестьян и руководство его борьбой осуществляли наряду с РСДРП «социалистические» партии Бунд и БСГ. С. Агурский вместе с другими националистами заявлял, что после 1907 г. в Белоруссии не существовало революционного рабочего и крестьянского движения, так как оно было «разгромлено и подавлено» царизмом¹¹.

Почти все историки 20—30-х гг. ошибочно считали, что после подавления первой русской революции в Белоруссии вообще прекратилось революционное движение, а социал-демократия, уничтоженная царизмом, не смогла возродиться даже в годы войны. Из этих посылок делались спекулятивные в политическом смысле выводы, которые противоречили марксистско-ленинскому учению. В конечном счете националисты приходили к ненаучному и порочному выводу об отсутствии в Белоруссии условий для осуществления социалистической революции, в связи с чем отрицали также и закономерный характер победы социализма в нашей республике.

Эти идеи ныне подхватываются западной империалистической пропагандой, которая из кожи лезет вон, чтобы очернить нашу социалистическую действительность. Правильные ответы на вопросы о том, как происходило накопление элементов нового революционного взрыва,

¹⁰ Шульман М. 1905 г. в Белоруссии, с. 7, 49, 50.

¹¹ Агурский С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии, с. 124, 206.

какие экономические и социально-политические процессы внутри страны способствовали приближению новой революции, требуют глубокого изучения бурных событий той исторической эпохи, которая предшествовала революции 1917 г. Исключительная важность темы не могла не привлечь внимания исследователей, что привело к появлению целого ряда публикаций и среди них крупных работ, посвященных изучению дореволюционного сельского хозяйства и крестьянского движения в России и Белоруссии¹². В этих исследованиях раскрывается положение крестьянских масс, анализируется рабочее и крестьянское движение, рассматривается борьба большевиков за влияние на трудящиеся массы, разоблачается оппортунистическая деятельность меньшевиков, эсеров, Бунда, белорусских и еврейских националистов.

В монографии «Крестьянское движение в Белоруссии в период между двумя революциями» найдено отражение аграрная борьба в годы реакции и нового революционного подъема. Однако в последующем в архивах было обнаружено большое количество новых материалов. Возникла необходимость дать более полную картину крестьянского движения в Белоруссии в 1907—1914 гг., в результате чего была написана данная работа. Она не является повторением предыдущей, а содержит обширный новый архивный и статистический материал, который ранее не публиковался. Автором составлены новые таблицы крестьянского движения, значительно расширен круг исследуемых вопросов.

В монографии более полно изучены вторая социальная война в деревне, процесс изживания царистских иллюзий и рост сознательности крестьянской массы. Впервые освещаются отношение буржуазии и помещиков к

¹² Кернажыцкі К. Да гісторыі аграрнага руху на Беларусі перад імперыялістычнай вайной.— Мінск, 1932; *Игнатенко И. М.* Беленейшее крестьянство — союзник рабочего класса.— Минск, 1962; *Анфимов А. М.* Росийская деревня в годы первой мировой войны.— М., 1962; *Он же.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России.— М., 1969; *Милованов В. А.* Сельское хозяйство Белоруссии.— В кн.: Экономика Белоруссии в эпоху империализма.— Минск, 1963; *Липинский Л. П., Лукьянов Е. П.* Крестьянское движение в Белоруссии в период между двумя революциями (июнь 1907 — февраль 1917 гг.).— Минск, 1964; *Солодков Т. Е.* Борьба трудящихся Белоруссии против царизма (1907—1917 гг.).— Минск, 1967; *Будаев Д. И.* Смоленская деревня в конце XIX и начале XX в.— М., 1972.

крестьянскому движению, революционно-демократические требования крестьян. Значительно шире рассматривается революционная работа большевиков среди крестьянства.

Использованные в работе материалы взяты из центральных исторических архивов Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Минска и Гродно. Значительная часть сведений заимствована из дореволюционных газет, которые выходили в Белоруссии в 1900—1914 гг., а также различных статистических источников, справочников, сборников и т. п.

Таблицы крестьянского движения по формам составлены на основе материалов архивов и дореволюционных газет, причем подсчеты даны для современной территории Белоруссии (35 бывших уездов). В таблицах учитывались только те выступления, в которых принимало участие 10 и более крестьян. Это относится к выступлениям в таких формах, как порубки помещичьего и казенного леса, потравы помещичьих и кулацких лугов и посевов, захваты земли и имущества, сопротивление властям и полиции, отказ от выборов сельских должностных лиц и уплаты податей, налогов и сборов, забастовки сельскохозяйственных рабочих, отказ выходить на хутора и отруба. Поджоги и разгромы имений, кулацких хуторов, квартир лесных сторожей, убийства помещиков и их прислужников учитывались все без исключения. К потравам и порубкам леса отнесены такие выступления, которые не были связаны с борьбой за сервитуты. К сожалению, автору не удалось подсчитать количество крестьян, принимавших участие в аграрной борьбе, так как в архивных источниках очень редко приводятся такие данные. В тех случаях, когда движение одновременно охватывало несколько волостей, каждая волость считалась за одно выступление. При подсчетах количества населенных пунктов, охваченных волнением, деревни и имения с одноименным названием учитывались только один раз.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕРЕВНИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве

XX в. пришел в Россию в зарево надвигавшейся революционной грозы, в зловещих отсветах горевших имений, в атмосфере углубившейся социальной вражды и жестокого полицейского насилия. В экономической области начало нынешнего века характеризовалось ускоренным развитием капиталистической промышленности и сельского хозяйства. В деревне расширялись товарно-денежные отношения, развивалось торговое капиталистическое земледелие, углублялось социальное расслоение крестьянства, возрастала концентрация богатства на одном полюсе, обнищание и разорение — на другом.

В белорусской деревне по-прежнему господствовали помещики, на долю которых в 1911 г. приходилось около 40% всей земельной площади. Помещик был главным эксплуататором крестьянина. Но наряду с ним поднимался и вырастал новый эксплуататор — кулак-мирод. Это было следствием классового расслоения деревни, крестьянства на две социальные противоположности — сельскую буржуазию и сельскохозяйственный пролетариат. Уже распределение надельной земли показывает глубокое имущественное неравенство, которое служило основой социального расслоения деревни. В 1905 г. на долю богатых крестьян, имевших свыше 20 дес. надельной земли на двор, приходилось около 8% всех дворов, а беднота (до 15 дес. на двор) составляла более 80%¹. Если учесть и купчую землю, большая часть (82,1%) которой концентрировалась в руках зажиточных крестьян (до 20 дес. на хозяйство), то процент кулацких хозяйств значительно увеличится (табл. 1).

О социальном расслоении деревни свидетельствует также распределение лошадей между группами крестьян

¹ Свод сведений о поступлении и взимании казенных и земских общественных сборов за 1910—1912 гг.— Пг., 1915, с. 33—81.

Таблица 1

**Распределение земельной собственности среди крестьян
в пяти западных губерниях России по группам
владений в 1905 г.***

Группа владений по количеству земли, дес.	Личная собственность крестьян		Собственность крестьянских обществ		Собственность крестьянских товариществ		Собственность смешанных крестьянских и мещанских товариществ	
	Число владений	Количество земли, дес.	Число обществ	Количество земли, дес.	Число товариществ	Количество земли, дес.	Число товариществ	Количество земли, дес.
До 10	12 920	62 601	60	181	410	2870	—	—
10—20	5758	88 940	44	700	787	12 521	1	19
20—30	2673	66 558	40	1028	711	17 983	1	28
30—50	2488	97 586	101	4148	1002	44 211	6	262
50—100	1840	129 995	196	14 647	1333	85 615	3	287
100—500	1322	249 201	506	118 137	1739	371 077	11	2259
500—1000	104	69 514	87	59 489	240	158 935	2	1607
1000—5000	37	61 006	27	45 127	83	137 482	—	—
5000—10 000	—	—	—	—	2	14 568	—	—
Всего	27 142	825 401	1061	243 457	6307	845 262	24	4462

* Составлена на основе данных кн.: Статистика землевладения 1905 г.—Спб., 1906, вып. 11, 13, 19, 27, 34.

янских дворов. На первую группу (безлошадные и однолошадные хозяйства), относившуюся к деревенской бедноте, приходилось в 1900 г. 60,9% дворов, на зажиточных хозяев (имели три лошади и более) — 15,8%. В 1912 г. эти категории крестьян составляли соответственно 69,9 и 9,5% дворов (табл. 2). Разумеется, не всех трехлошадных крестьян следует относить к кулакам, так как немало середняков держало до трех, а иногда и более лошадей. К этому вынуждали их тяжелые условия обработки земли в Белоруссии (каменные почвы, заросли и т. п.), а также широкое развитие лесных промыслов, недостаток или отсутствие машин и улучшен-

Распределение крестьянских дворов по

Губерния	Год	Безлошадные		Однолошадные			
		Число дворов	%	Число дворов	%	Число лошадей	%
Виленская (4 уезда)	1900	10 326	12,7	48 815	59,9	48 815	47,6
	1912	26 202	25,1	65 993	63,2	65 993	70,4
Витебская (5 уездов)	1900	8 253	12,7	32 241	49,3	32 241	35,0
	1912	13 456	18,3	41 704	57,0	41 704	50,6
Гродненская (6 уездов)	1900	34 799	29,2	58 905	49,6	58 905	50,4
	1912	34 357	24,2	81 670	57,4	81 670	57,6
Могилевская	1900	21 556	11,7	49 410	26,7	49 410	12,8
	1912	26 098	12,5	71 322	35,5	71 322	20,1
Минская	1900	43 365	21,0	92 317	44,6	92 317	34,0
	1912	52 457	21,3	125 265	50,9	125 265	43,8
Всего	1900	118 299	18,0	281 688	42,9	281 688	29,1
	1912	152 570	19,9	385 954	50,0	385 954	40,2

* Военно-конская перепись 1900 г. — Спб., 1907; 1912 г. — Пг., 1914.

ных орудий. Преобладающая часть тягловой силы концентрировалась в руках зажиточных крестьян. Например, в 1907 г. в Витебской губернии из 170 856 крестьянских хозяйств беспосевные составляли около 10%. Лошадей в среднем на такой двор приходилось 0,07, т. е. основная масса этих крестьян оставалась без тягловой силы. Зато кулацкие хозяйства с посевом свыше 15 дес. имели каждое по 4—7 лошадей².

Сильный толчок развитию капитализма и социальному расслоению деревни дала столыпинская реформа, которая началась в 1906 г. Она преследовала цель — уничтожить объективные предпосылки «нового 1905 г.», т. е. предотвратить возможность наступления новой революции, расчистив дорогу для капитализма и создав в лице кулачества социальную плотину на пути крестьянского движения. В. И. Ленин отмечал, что к началу XX в. «объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о

² Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии.— Витебск, 1910, с. 23.

Таблица 2

количеству лошадей в начале XX в.*

Двухлошадные				С тремя лошадьми и больше				Всего	
Число дворов	%	Число лошадей	%	Число дворов	%	Число лошадей	%	дворов	лошадей
15 938	19,6	31 876	31,1	6 308	7,8	21 898	21,3	81 387	102 589
9778	9,3	19 556	20,8	2 519	2,4	8 229	8,8	104 492	93 778
17 202	26,4	34 404	37,4	7 497	11,6	25 355	27,6	65 193	92 000
14 447	19,8	28 894	35,0	3 592	4,9	11 871	14,4	73 199	82 469
19 362	16,3	38 724	33,3	5 767	4,9	19 128	16,3	118 833	116 757
20 128	14,2	40 256	28,4	5 908	4,2	19 674	14,0	142 063	141 600
53 812	29,2	107 624	28,0	59 986	32,4	227 441	59,2	184 764	384 475
63 662	30,9	127 324	35,9	43 742	21,1	155 997	44,0	204 824	354 643
46 531	22,5	93 062	34,1	24 609	11,9	96 885	31,9	206 822	272 264
50 343	20,4	100 686	35,0	17 937	7,4	60 235	21,2	246 002	286 186
152 845	23,3	305 690	31,6	104 167	15,8	380 707	39,3	656 999	968 085
158 358	20,6	301 716	33,1	73 698	9,5	25 606	26,7	770 580	958 676

ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма...»³.

Главную ставку в проведении реформы Столыпин и помещики делали на ликвидацию сельской общины и укрепление земли в личной собственности. Под влиянием столыпинской реформы зажиточно-кулацкая часть в белорусской деревне к 1914 г. выросла до 12% дворов, и то время как беднота составляла не менее 60% дворов. Как правильно отмечает Д. И. Будаев, сельская буржуазия и зажиточная верхушка крестьянства — понятия не однородные⁴. В состав сельской буржуазии наряду с разбогатевшими крестьянами входили владельцы промышленных предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье (мельницы, маслобойни, различные мастерские и т. д.), а также представители торгового и ростовщического капитала (владельцы питейных заведений и лавок, ростовщики и др.).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 20.

⁴ Будаев Д. И. Смоленская деревня в конце XIX и начале XX в., с. 374.

В социальном расслоении деревни находил свое выражение процесс развития капитализма, который в конечном счете должен был превратить крестьян в сельскохозяйственных рабочих, пролетариев, а кулачество — в сельскую буржуазию. В период столыпинщины к царско-помещичьему ограблению трудовой деревни прибавился кулацкий грабеж, хотя главными господами и эксплуататорами в деревне по-прежнему оставались помещики. В их руках продолжала находиться большая часть земельных богатств. Если в 1906 г. помещикам и духовенству в пяти западных губерниях принадлежало 8 795 965 дес. земли, то в 1911 г. — 8 161 034 дес., т. е. только на 3% меньше. Крестьянские наделные земли в 1911 г. занимали 38,6% всей земельной площади, крестьянское частное землевладение составляло 11,6, увеличившись по сравнению с 1906 г. на 26%⁵.

Развитие капитализма проявлялось также в растущем применении наемной рабочей силы, развитии торгового, предпринимательского земледелия и в связанной с ним специализации хозяйства, расширении и углублении рыночных связей, применении техники и достижений агрономической науки. Капитализм создавал специализацию сельского хозяйства, выражавшуюся в производстве какого-либо одного главного рыночного продукта, причем остальные отрасли приспособлялись к производству этого продукта. Таким путем возникали специализирующиеся районные земледелия и системы земледельческого хозяйства. «...Пределы развитию рынка...— писал В. И. Ленин,— ставятся пределами специализации общественного труда. А специализация эта, по самому существу своему, бесконечна — точно так же, как и развитие техники»⁶. В. И. Ленин отмечал специализацию белорусских губерний на молочном скотоводстве, которое было главной отраслью торгового помещичьего, а в некоторых местах и кулацкого земледелия. Кроме того, развивались зерновое хозяйство, льноводство, картофелеводство, садоводство, винокурение.

⁵ Статистика землевладения 1905 года. Материалы по статистике движения землевладения в России, купли-продажи земель в Европейской России.— Спб., 1914; Свод сведений о поступлении и взимании казенных и земских общественных сборов за 1910—1912 гг.— Пг., 1915.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 23; т. 1, с. 95.

В сельском хозяйстве с каждым годом росло применение вольнонаемной рабочей силы. «...Употребление наемного труда,— писал В. И. Ленин,— есть главный отличительный признак всякого капиталистического земледелия»⁷. Количество сельскохозяйственного пролетариата (постоянные рабочие) в Белоруссии выросло за XIX — начало XX в. почти в 1,5 раза (с 187 тыс. в 1897 г. до 200 тыс. в 1914 г.)⁸. Наряду с этим у помещиков и кулаков было занято наемным трудом много поденных, сезонных и других рабочих, которые не учитывались официальной статистикой, хотя значительно превышали количество батраков. Многие помещики широко использовали отработки, составлявшие основу полукрепостнической системы хозяйства. Об этом свидетельствует наличие постоянных сельскохозяйственных рабочих у помещиков пяти уездов Минской губернии (Бобруйский, Борисовский, Минский, Слуцкий, Игуменский). В 1916 г. из 929 обследованных имений этих уездов только 9 держали до 50 постоянных рабочих, а в трех имениях было от 70 до 100 человек в каждом. К последним относилось имение Заречье помещика Свида в Борисовском уезде (2295 дес. земли), в котором имелось 97 батраков и среди них 41 женщина (члены семей не учитывались). В Слуцком уезде в имении Римья помещика Околова (996 дес. удобной земли) содержалось 77 взрослых рабочих (с семьями 204 человека)⁹.

Стремясь повысить интенсификацию производства, помещики и кулаки начали применять машины, агрономию, искусственные удобрения, заводили многопольные севообороты. Механизация труда в условиях частнособственнического товарного производства означала переход к капитализму. Когда помещик покупал машину или улучшенное орудие, он отказывался от инвентаря крестьянина, работавшего на него, и, следовательно, переходил от отработочной системы хозяйства к капиталистической. По данным за 1910 г., у частных владельцев (преимущественно у помещиков) пяти губерний насчи-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 325.

⁸ Документы и материалы по истории Белоруссии.— Минск, 1953, т. 3; Бондарь Т., Паншматко П. Сельское хозяйство Белоруссии на путях социалистической реконструкции.— М.—Л., 1931, с. 7.

⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 2, д. 544—1035; д. 1000, л. 6.

тывалось 92 117 тыс. железных плугов, что составляло 64% всех орудий для подъема почвы, у крестьян — 424 401 (33%). Железных борон у крестьян было 14 781, или около 1,2% всех крестьянских орудий для разрыхления почвы. Помещикам принадлежало 146 тыс. железных и деревянных с железными зубьями борон, т. е. 65,9% всех таких орудий. Кроме того, помещики имели более 52 тыс. сельскохозяйственных машин (сеялки, косилки, жатки и др.), в том числе 38 тыс. веялок и молотилок. Во владении крестьян, главным образом зажиточных, находилось 46,3 тыс. машин. Пересчет на один двор показывает низкую обеспеченность орудиями крестьянских хозяйств (табл. 3). Пахотной земли на одну машину у помещиков приходилось 26 дес., у крестьян — 58,3 дес.¹⁰

«Капитализм,— писал В. И. Ленин,— повышает технику земледелия и ведет его вперед, но он не может делать этого иначе, как разоряя, принижая и давя массу мелких производителей»¹¹.

Многие помещики заводили собственные орудия для обработки земли, лошадей и рабочий скот. Так, дворянин И. Павлюковский в Бобруйском уезде содержал 83 лошади, а для ведения хозяйства использовал 33 постоянных наемных рабочих (с семьями 99 человек). Он же имел 50 дойных коров и 55 свиней. В имении Старица Слуцкого уезда при наличии 63 железных плугов и борон, 23 сложных машин содержалось 66 лошадей, а в качестве основной рабочей силы использовалось 48 взрослых батраков (с семьями 217 человек)¹².

В целом из 929 обследованных в 1916 г. имений Минской губернии своих лошадей держали 80%, при этом немногим более 15% хозяйств имели свыше 20 лошадей. Этот факт показывает, что, несмотря на успехи капитализма, в сельском хозяйстве еще сильны были пережитки крепостничества: отработки и кабала крестьянина. Крепостнические пережитки оказывали отрицательное влияние на крестьянское хозяйство, подрывали его экономическое благополучие. Не имея своих лошадей и ин-

¹⁰ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.— Спб., 1913, с. 34.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 343.

¹² ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 2, д. 539, л. 10; д. 1005, л. 19.

Таблица 3

Сельскохозяйственные орудия и машины в крестьянских хозяйствах в западных губерниях в 1910 г.*

Губерния	На 100 орудий приходилось усовершенствованных		Приходилось крестьянских хозяйств на одну				
	для подъема почвы	для разрыхления почвы	сеялку	жатку	молотилку	веялку	сенокосилку
Виленская	20,9	0,9	77 114	30 846	22	68	...
Витебская	9,4	2,3	4773	3020	35	18	8220
Гродненская	63,0	3,2	24 398	1596	115	149	42 696
Минская	61,8	0,7	36 742	12 747	22	41	110 225
Могилевская	24,3	0,4	182 226	22 778	79	47	...
Всего по 50 губерниям России	32,1	3,5	67	25	32	8	183

* Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России. — Спб., 1913, с. XXXI.

интаря, помещик вынужден был базировать хозяйство на отработках.

Белоруссия по применению машин накануне первой мировой войны значительно отставала от других районов и в целом от Европейской России. Это объяснялось широким распространением пережитков крепостничества, и в частности отработок, тормозивших технический прогресс, а также аграрной перенаселенностью белорусских губерний.

Машины и новую технику помещики стремились приобретать по сниженным ценам. С этой целью гродненские помещики в конце XIX в. организовали на паях «торгово-промышленное товарищество сельских хозяев» с капиталом в 50 тыс. руб.¹³ Появление этого товарищества было одним из симптомов начавшегося проникнове-

¹³ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. — М., 1969, с. 284.

ния монополистического капитализма в сельское хозяйство, что характерно для эпохи империализма.

Несмотря на рост производительных сил и повышение технического уровня сельского хозяйства, земледелие в Белоруссии, как и во всей России, накануне первой мировой войны еще не вышло из стадии мануфактурного производства. Как указывал К. Маркс, мануфактурное производство переходит на следующую стадию и приобретает индустриальный характер только в результате обратного воздействия промышленности на земледелие, для чего требуется относительно высокий уровень развития индустрии, науки, химии, механики и т. д.¹⁴ В Белоруссии индустриализация сельского хозяйства в 1914 г. была в зачаточном состоянии. По подсчетам А. М. Анфимова, на Белоруссию в это время приходилось 12% потребляемых в сельском хозяйстве России искусственных удобрений, на Прибалтику — 25, Польшу — 30%. Белорусские губернии стояли почти на одном уровне со всей Россией, где потреблялось 10% искусственных удобрений¹⁵.

Возрастающее применение удобрений и новой агротехники ускоряло развитие торгового земледелия и, в частности, молочного скотоводства.

Последнее было развито во всех белорусских губерниях, хотя в результате падения поголовья крупного рогатого скота в 1900—1906 гг. его уровень к 1913 г. (2299,7 тыс. голов) был на 12,9% ниже, чем в 1900 г. (2639,5 тыс.)¹⁶. Причинами сокращения явились общий упадок скотоводства в России в конце XIX — начале XX в., а также промышленный кризис и депрессия, вызвавшие понижение рыночного спроса на молочную продукцию. Кроме того, сказалось влияние революции 1905 г., сильно напугавшей помещиков и ускорившей ликвидацию многих имений. В свою очередь, репрессии и контрреволюционный террор, массовые аресты, убийства и ссылка в Сибирь десятков тысяч крестьян — активных участников революции отрицательно повлияли на крестьянское хозяйство, способствуя его разорению.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 177.

¹⁵ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России, с. 212.

¹⁶ Экономика Белоруссии в эпоху империализма. — Минск, 1963, с. 150.

Тем не менее в Белоруссии молочное хозяйство было развито больше, чем во многих других губерниях России. Если в 1911 г. в целом по 50 губерниям Европейской России на 100 дес. посевов приходилось 42,2 головы, то в Минской губернии — 84,6, Витебской — 74,5, Гродненской — 68,6, Могилевской — 65,7, Виленской — 65 голов¹⁷. Преобладающая часть крупного рогатого скота принадлежала крестьянам, однако наиболее производительный молочный скот находился у помещиков.

Владея породистым скотом, заменяя простых коров высокопродуктивными, помещики организовывали торговое скотоводство. Но далеко не все помещики занимались рыночным молочным хозяйством, о чем свидетельствуют материалы упоминавшегося обследования помещичьих имений. Из 929 имений только в 719 (77,3% общего числа) имелись коровы. При этом более половины имений (53,6%) держали до 10 коров. Правда, эти данные не полны. Во-первых, обследованием было охвачено немногим более половины волостей пяти уездов; во-вторых, само обследование проводилось в 1916 г., т. е. спустя почти три года после начала первой мировой войны, которая причинила огромный ущерб сельскому хозяйству Белоруссии, включая скотоводство.

Несмотря на это, многие помещики вели крупное торговое хозяйство. К ним можно отнести дворянина Петра Ваньковича в Борисовском уезде, у которого насчитывалось 85 лошадей, много инвентаря, 146 голов крупного рогатого скота (в том числе 86 дойных коров). Земля обрабатывалась батраками (30 человек, вместе с семьями — 177) и поденщиками. В 1916 г. было собрано 1375 пудов ржи, 249 — ячменя, 970 — овса, более 5,5 тыс. пудов картофеля. Большая часть картофеля, хлеба и молочной продукции сбывалась на рынке. В Рубежечинской волости Минского уезда молочным направлением выделялось имение помещика Живита Сигизмунда, содержавшего 270 коров¹⁸.

Многие помещики Могилевской губернии наряду со сдачей скота на «пахт» занимались молочным торговым хозяйством, разводили племенной скот (имения Ходцы, Белица, Толочин, Яново и др.). Молочные продукты и

¹⁷ Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 151.

¹⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 2, д. 606, л. 6; д. 772, л. 30.

Винокурение в западных

Губерния	Число заводов		Перекурено ржи, пуды				Пере	
	1900 г.	1913 г.	1900 г.	%	1913 г.	%	1900 г.	
Виленская	73	102	374 228	0,5	130 481	2,4	2 808 039	
Витебская	32	45	72 990	8,6	118 432	7,7	691 558	
Гродненская	71	103	72 985	1,9	60 121	0,8	3 512 765	
Минская	153	230	570 012	7,9	194 537	1,5	5 942 709	
Могилевская	99	150	382 794	9,8	203 278	2,3	3 262 221	
Всего	428	630	1 473 009		706 849		16 217 292	

* Ежегодник Министерства финансов. — Спб., 1903, вып. 1902 г., с. 660—

** Без учета 52 947 ведер спирта, полученных из патоки.

племенные телята сбывались во внутренние губернии России¹⁹.

Скотоводство требовало расширения травосеяния, которым в пяти уездах Минской губернии в 1916 г. занималось более 47% обследованных помещичьих хозяйств²⁰.

Кроме молочной продукции, на рынки поступало много мясной, вывозились тысячи голов крупного рогатого скота, овец и свиней. По данным за 1913 г., из Белоруссии было вывезено около 25 тыс. голов крупного рогатого скота, 71 тыс. свиней. Большое количество сельскохозяйственной продукции сбывалось на местном белорусском рынке (ярмарки, базары, торжки, через магазинно-лавочную торговлю и т. п.). По неполным данным за 1904 г., торговый оборот белорусских ярмарок по продаже сельскохозяйственных продуктов составил 580 тыс. руб., скота и лошадей — 526 тыс. руб.²¹

¹⁹ Аникевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии.— Могилев, 1909, с. 120.

²⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 2, д. 544—1032.

²¹ Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 213, 257.

Таблица 4

губерниях в начале XX в.*

курено картофеля, пуды			Выкурено спирта, ведра			Среднегодовая вы- курка спирта на один завод, ведра	
%	1913 г.	%	1900 г.	1913 г.	1913 к 1900 г., %	1900 г.	1913 г.
79,0	4 800 556	87,6	1 671 910	2 166 253	29,5	22 902,9	21 237,8
81,4	1 253 741	82,6	401 574	696 574	73,4	12 549,1	15 479,4
92,8	6 252 133	91,9	1 552 469	2 581 717	66,3	21 865,7	25 065,0
83,0	11 405 215	91,0	3 279 928	4 928 523	50,2	21 437,4	21 428,3
83,9	8 153 360	90,0	1 780 549	3 535 257	98,6	17 985,3	23 568,5
	31 865 005		8 686 430	13 908 324**	60,1	19 832,0	22 076,7

061; Стат. сборник за 1913—1917 гг. — М., 1921, т. 7, вып. 1, с. 46—49.

Важное значение в экономике помещичьего хозяйства имело винокурение. За 1900—1913 гг. число винокуренных заводов в пяти губерниях увеличилось на 43%. В 1913 г. винокуренные заводы переработали 32 571,8 тыс. пудов зерна и картофеля, из которых было изготовлено около 14 млн. ведер спирта (табл. 4). В пяти белорусских губерниях было сосредоточено 29,6% винокуренных заводов Европейской России. Они переработали 22% картофеля, перекуренного заводами Европейской России, и произвели 13% спирта²². Приведенные цифры указывают на то, что Белоруссия являлась районом весьма развитого винокурения.

Сооружение новых заводов и фабрик, строительство железных дорог оказывали большое влияние на сельское хозяйство, вовлекая его в товарно-денежные отношения и создавая здесь более благоприятные условия для развития капитализма. В. И. Ленин писал: «...Каждая верста железной дороги, каждая новая лавка в деревне, каждый кооператив, облегчающий закупку, каждая фабрика и т. д. втягивают крестьянское хозяйство в торговый оборот»²³.

²² Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств.— Спб., 1913, с. 188—189.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 329.

Вступление Белоруссии в эпоху империализма характеризовалось ростом монополистических объединений капиталистов. Уже в конце XIX в. стали возникать первые объединения предпринимателей-винокуров. В 1907 г. был образован Минский отдел Российского общества винокуренных заводчиков²⁴, который стал крупной капиталистической монополией, тесно связанной с промышленностью и сельским хозяйством.

Царизм, помещики и буржуазия спаивали трудящихся, наживая на этом огромные прибыли, забирая за вино и водку у голодного крестьянина последнее имущество. В то время как количество хлеба на душу сельского населения сокращалось, производство и продажа частных и казенных «питей» увеличивались. Если в первый год существования казенной винной монополии (1897) на душу населения потреблялось в среднем 0,15 ведра вина, то в 1908 г. — уже 0,4 ведра. В Гродненской губернии продажа 40-градусного вина за 1897—1909 гг. выросла почти в 3 раза (с 246 346 до 711 534 ведер). В Могилевской губернии с 1897 по 1910 г. продажа «питей» (по расчету на 40°) увеличилась с 265 866 до 807 316 ведер, т. е. более чем в 3 раза. В 1897 г. расходы одного покупателя вина составляли 3 руб. 33 коп., в 1910 — 9 руб. 66 коп., или почти в 3 раза больше²⁵.

В целом по Белоруссии (35 уездов) казенного вина и спирта в 1897 г. было продано на 6878 тыс. руб., в 1913 г. — на 32 428 руб., т. е. увеличение составило более 4,7 раза²⁶. Прибыль от растущего сбыта вина и спирта получали царская казна, помещики и буржуазия, в то время как для трудящихся это означало усиление эксплуатации.

Крупной статьей доходов для помещиков и кулаков служило картофелеводство. На современной территории Белоруссии посевы картофеля у помещиков увеличились за 1904—1913 гг. в 1,2 раза (с 175 711 до 204 234 дес.), у крестьян — почти в 1,3 раза (с 270 108 до 347 283 дес.). Удельный вес картофеля в общей посевной площади возрос соответственно с 9,8 до 15,4% и с 10,2 до 13,2%²⁷.

²⁴ Труды отделения по винокурению Минского общества сельского хозяйства за 1907 г. — Минск, 1908, с. 29.

²⁵ Виленский вестник, 1910, 4 мая; 1911, 23 июля.

²⁶ Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 261.

²⁷ Там же, с. 139.

Многие владельцы отводили обширные площади под картофель. Так, помещица Бобруйского уезда Быковская в 1916 г. засеяла 75,6 дес. картофеля и собрала 9—12 тыс. пудов. В том же уезде у помещика Янковского (имение Круги) из 400 дес. под эту культуру отводилось 63 дес., у Грабовского (имение Славковичи) — 53,8 дес. Из 929 обследованных имений более 80 собирали свыше тысячи пудов картофеля каждое, а в 44 — от 2 тыс. до 12 тыс. пудов²⁸.

Во многих местах сооружались крахмальные заводы, работавшие на рынок. Например, в 1900 г. на крахмальном заводе дворянина фон Рентельна (имение Ходцы Сенненского уезда) было занято 13 рабочих, дававших в год 4055 пудов продукции на 6083 руб.²⁹

Товарное зерновое хозяйство, которое в 60—70-х гг. XIX в. было главной формой торгового земледелия, в последующем продолжало развиваться, хотя значение его уменьшилось по сравнению с другими отраслями. За 1900—1913 гг. общая посевная площадь под десятью главными сельскохозяйственными культурами в Белоруссии увеличилась на 5,5%. У помещиков эта площадь сократилась с 1365,8 тыс. до 1330,4 тыс. дес. (на 2,6%), у крестьян, наоборот, она выросла с 2390,7 тыс. до 2632,4 тыс. дес. (на 10,1%). Увеличение посевной площади в крестьянских хозяйствах было вызвано главным образом приростом населения, а также развитием торгового кулацкого зернового хозяйства. У помещиков основная масса зерна шла на рынок, преимущественно на внешний. Если в 1900 г. было отправлено 6148 тыс. пудов хлебных грузов, то в 1913 г. — 7457 тыс. пудов, т. е. в 1,3 раза больше. Тем не менее ввоз хлебных грузов превышал вывоз, увеличившись за этот период более чем в 1,9 раза (с 13 241 тыс. до 26 006 тыс. пудов)³⁰.

Таким образом, с развитием капитализма расширялся внутренний рынок, росло потребление хлеба. Оно вызывалось развитием капиталистической промышленности, ростом городов и городского населения, увеличением численности пролетариата и торговой специализацией сельского хозяйства.

²⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 2, д. 593, л. 17; д. 970, оп. 2, л. 4; д. 553, оп. 2, л. 34; д. 325, оп. 2; д. 544—1032.

²⁹ Аникевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии, с. 124.

³⁰ Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 138, 235.

Частновладельческие хозяйства нередко собирали многие тысячи пудов хлеба. Так, в имении Косино Борисовского уезда (4 тыс. дес.) собирали до 3 тыс. пудов хлеба, включая 1500 пудов овса, а у помещика Свида.— до 8 тыс. пудов хлеба³¹.

Важным источником дохода после картофеля служил лен, который, по словам В. И. Ленина, являлся одним из средств добывания денег³². У частных владельцев посевы льна уменьшились за 1904—1913 гг. на 13,9% (с 31 799 до 27 381 дес.), а у крестьян выросли на 11,6% (с 65 149 до 72 677 дес.)³³. Для помещиков льноводство становилось малорентабельным занятием, так как вследствие конкуренции со стороны хлопка и джута цены на льноволокно на внутреннем рынке падали. На внешнем рынке цены были невысокие, что делало более выгодными другие отрасли торгового земледелия. Крестьянам при их ограниченных возможностях (отсутствие капиталов, знаний и опыта) лен приносил некоторый доход, особенно при избытке свободного зимнего времени, когда крестьянину трудно было найти другие заработки. Кроме того, используя семейных рабочих, крестьянин мало ценил свой труд. Ему важно было получить «копейку», которая с каждым годом становилась все более необходимой в хозяйстве.

Наряду с зерновым и молочным хозяйством развивались садоводство, огородничество, рыболовство, хотя их роль в общем экономическом балансе сельского хозяйства была меньшей.

Садоводство в начале XX в. было развито во всех белорусских губерниях, особенно в Могилевской и Витебской. В 1913 г. из Белоруссии было вывезено 686 тыс. пудов яблок и десятки тысяч пудов реализовано на внутреннем рынке. В Минской губернии доход от садоводства в 1911 г. составил более 216 тыс. руб. В Гродненской губернии фруктовые сады были в каждом имении, а нередко и в крестьянских усадьбах³⁴.

³¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 2, д. 658, л. 1—2; д. 606, л. 2.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 279.

³³ Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 228.

³⁴ Там же, с. 218, 230; Памятная книжка Минской губернии на 1912 г.— Минск, 1911, отд. 3, с. 82; Обзор Гродненской губернии за 1912 г.— Гродно, 1913, с. 11.

Наличие в западных губерниях большого числа рек, озер и прудов, богатых рыбой, способствовало развитию торгового рыболовства. В Могилевской губернии в этом отношении выделялся Сенненский уезд, в котором в начале XX в. насчитывалось свыше 100 озер общей площадью более 90 кв. верст. Наиболее крупным озером было Лукомльское (в двух верстах от м. Лукомль) площадью более 3 тыс. кв. дес. Длина его составляла 20 верст, а ширина — 9. В середине 90-х годов XIX в. в этом озере, которое арендовалось черейскими мещанами, вылавливалось за день до 2 тыс. пудов рыбы, а спустя 10 лет в результате уничтожения рыбных богатств уловы сократились в 2—4 раза. Жители м. Черей, недалеко от которого находилось Черейское озеро, за аренду озер платили помещику 2200 руб. в год. Значительные рыбные богатства хранило в своих глубинах о. Селява, разовый улов в котором доходил до 500 пудов. Его эксплуатацией занимались еврей-арендаторы и местные крестьяне. Мелкую рыбу сбывали на месте, а крупную вывозили в Могилев, Витебск, Оршу, Борисов и Минск. Ловля производилась сетями круглый год.

Местные крестьяне нанимались арендаторами за деньги или за половину улова. Нередко они получали от арендаторов право ловли рыбы своими сетями за установленную плату, что давало им возможность зарабатывать в год по 30—40 руб. (не считая собственного потребления). Таким способом рыболовством занимались крестьяне следующих волостей: Лукомльской (д. Симоновичи), Черейской (д. Хольневичи, Колодница), Лисичанской (с. Дубы, Ходово, Прошица, Докучино, Клишино), Островенской (д. Холм, Левки, Забелье), Пустынской (д. Березки)³⁵.

С течением времени рыбные богатства сокращались из-за хищнической эксплуатации озер и рек и обмеления водоемов, связанного с быстрым обезлесением края.

³⁵ *Аникевич К. Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии, с. 126.

Пережитки крепостничества и положение крестьянских масс

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?

Н. А. Некрасов

Развитие капиталистических отношений при сохранении крупных остатков крепостничества ухудшало положение крестьянства, до крайности обостряло социальные противоречия в деревне, служило тормозом экономического и общественного прогресса. Сосредоточение в руках помещиков огромных массивов лучшей земли было главной причиной малоземелья и обнищания широких крестьянских масс. Экономическая зависимость крестьян от крупных землевладельцев приводила к широкому распространению отработочной системы — прямого продолжения вчерашней барщины. «Преобладающая крепостническая форма современного русского земледелия, — писал В. И. Ленин, — есть кабала и отработка»³⁶.

Идти в кабалу, в ярмо полукрепостнической эксплуатации вынуждал крестьян недостаток земли, лугов, леса, инвентаря и т. п. В частности, крестьянам Гродненской губернии в 1905 г. принадлежало всего 39 261 дес. лесной площади, в то время как частным владельцам — 399 667 дес., казне и удельному ведомству — 100 287 дес. Таким образом, крестьяне владели только 7,2% всей лесной площади. Однако и эта площадь в основном состояла из зарослей и кустарников, на которые приходилось 36 273 дес., строевой лес занимал всего 300, дровяной — 2958 дес.³⁷

Широко распространены были сервитуты, представлявшие собой пережиток крепостного хозяйства. Они существовали в Белоруссии, Прибалтике, на Украине и Кавказе. В Российских законах почти не упоминался термин «сервитуты», а русское право не знало сервитутов, хотя допускало регулирование некоторых отношений в области сервитутного права.

В Прибалтийских губерниях России существовали сервитуты пастбищный, дорожный, выгонный, сенокос-

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 17.

³⁷ Обзор Гродненской губернии за 1905 г. — Гродно, 1906, с. 9.

ный, водный, въезда в лес, пчеловодства, жжения извести и угля, ломки камня, добычи песка и глины, выгонки смолы, резки камыша, сбора плодов, ловли рыбы и др. Это были сервитуты сельские. Наряду с ними имелись городские сервитуты — право возводить здания над постройками соседа, укреплять бревна в стене его дома, устраивать сток воды в его двор и др.³⁸

Другим пережитком крепостничества была чересполосица. Корреспондент газеты «Могилевский вестник» в статье «Земельная неразбериха» писал: «Я видел поле... Какие причудливые формы полосок! Везде клинки, межи... И вкривь, и вкось, и прямо... Я видел массу крохотных клинов и «клетушек», стоящих далеко от дорог, и чтобы добраться до них, нужно переехать десятка два чужих полос. И горе тому пахарю, который почему-либо не успеет раньше засеять своего отдаленного «шматка»... Прямо хоть ты перелетай на свою полосу или оставляй незасеянной,— сетуют крестьяне. В селении Гребни Игуменского уезда полоски крестьян тянулись на 3—4 версты, а в м. Дукоры того же уезда — на 5—8 верст»³⁹.

Тяжелыми были бытовые и материальные условия жизни белорусского крестьянина. В качестве примера можно привести Рубежевичскую волость Минской губернии, население которой в 1908 г. составляло 17 тыс. душ (из них 90% были крестьяне). Газета «Минское эхо», рисуя горькую участь рубежевичских поселян, писала: «Зайдите в любую деревню... и вы будете поражены ее бедным видом. Избушки маленькие, темные, дымные. Полы — голая земля и грязь. По этой грязи мирно разгуливают куры, поросята, телята вместе с крестьянскими детьми. Постели отсутствуют. Существуют нары, на которых вся семья «спочивает». А семья эта нередко состоит из 7—8, а то и больше человек. Черствый и черный, как земля, хлеб лежит на столе, наскоро сколоченом из досок. Тараканы и другие насекомые ползают по стенам, заглядывают в горшки, тарелки и миски. Деревенские улицы представляют собой «настоящие помойные ямы, раздолье для свиней». Даже внешний вид деревень говорил «о великой гнетущей нужде мужика».

³⁸ Лесной и торговый вестник, 1912, № 16-17, с. 8.

³⁹ Могилевский вестник, 1910, 12 сент.; Минские ежедневные ведомости, 1912, 25 марта.

Площадь крестьянской земли была очень мала. Хотя полный надел земли составлял 20 дес., однако такие наделы почти нельзя было найти у крестьян Рубежевичской волости. Земля раздробилась на малые кусочки, и самый большой участок едва достигал 2—3 дес. Нужда в земле была настолько «жгучей и настоятельной», что крестьяне чутко, затаив дыхание, прислушивались ко всяким разговорам «о новых наделах»⁴⁰.

Отличалась ли чем-нибудь от описанной жизнь крестьян в других губерниях? На этот вопрос давала ответ газета «Могилевский вестник», которая писала: «Наш простой, смиренный и тихий крестьянин, которого призывкли называть «мужичком», но которого нужно было бы назвать «гражданин в лаптях». Нигде, за исключением разве китайцев, не обращается так мало внимания на жилые помещения, как в белорусской деревне. Что в сущности представляет собой крестьянская изба? Это не что иное, как помойная яма, куда свалены все нечистоты деревни. А ведь в этой затхлой атмосфере, пропитанной миллиардами всевозможных миазмов, должны проводить более полугодом женщины и дети». И далее: «Вы знаете нашу деревню? Хмурая, забитая, голодная... У нас нет событий, есть только случаи»⁴¹.

Могилевская земская печать с «огорчением» признавала, что новая (стольпинская) «культура» не очистила домов от той грязи, пыли и смрада, какие царят не только по всем углам и лавкам, но и на той русской печи, где спит, никогда не раздеваясь, наш деревенский обитатель, где под ним и на нем покоятся те дырявые свитки и кожухи, в которых он идет и работает в болото, и молиться в церковь»⁴².

Даже Николай II после проезда через Белоруссию вынужден был констатировать «печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств». В рескрипте от 30 января 1914 г. на имя управляющего Министерством финансов царь обращал внимание «на крайне бедственное положение крестьянских хозяйств, которые... пришлось увидеть при следовании по деревням в 1913 году»⁴³.

⁴⁰ Минское эхо, 1908, 9 авг.

⁴¹ Могилевский вестник, 1909, 13 марта.

⁴² Могилевская земская неделя, 1910, № 45-46, с. 27.

⁴³ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 8, д. 765, л. 124—125.

Тяжелым бременем на крестьян ложились различные подати и повинности. Возьмем мирские сборы, которые были особенно обременительными. В одной Минской губернии крестьяне в 1910 г. должны были уплатить свыше 829,5 тыс. руб. мирских сборов. Кроме того, они вносили платежи по государственному земельному налогу, который после отмены выкупных платежей в 1907 г. был увеличен вдвое. Очень тягостными для крестьян были натуральные повинности — дорожная, подводная, полицейская и др. В Виленской губернии до введения земского управления (т. е. до 1911 г.) к выполнению дорожной повинности привлекалось ежегодно 76 тыс. крестьян, причем по самым минимальным расчетам средняя годовая стоимость этой повинности составляла для них более 109 тыс. руб., а включая затраты других сословий — 160 тыс. руб. В 1911 г. таким образом было отремонтировано 26 110 верст проселочных дорог, 6490 мостов, 3500 гатей, 65 паромных переправ⁴⁴.

Могилевская земская управа ассигновала в 1910 г. на дорожную повинность 192 434 руб., на подводную (разъезды 11 исправников, 39 станových приставов, передвижение уездной полицейской стражи, фельдшеров, судебных следователей, ветеринаров и т. п.) было отпущено более 130 тыс. руб., на содержание земского управления — 340 816 руб. С 1908 г. подводная повинность была переведена на денежную. По всей губернии учреждались земские конные станции, на которых содержалось в 1911 г. 514 лошадей. За первые семь месяцев Могилевское земство выдало 4295 «открытых листов» на право получения лошадей. В Дисненском уезде «стойковая повинность», т. е. содержание лошадей для служебных разъездов должностных лиц, также поглащала большие средства сельских обществ. Здесь, как и во всей Виленской губернии, эта повинность выполнялась не натурой, а сдачей «стойки», находившейся при волостных правлениях, с торгов частным предпринимателям⁴⁵.

Налоги с крестьянской земли всегда были выше, чем с помещичьей. Например, в 1909 г. крестьяне всех белорусских губерний вносили с каждой десятины по 5 руб.

⁴⁴ Виленский вестник, 1911, 22 сент., 19 окт.

⁴⁵ Могилевская земская неделя, 1910, № 1-3, с. 37; Могилевский вестник, 1911, 10 авг.; Северо-западная жизнь, 1912, 28 сент.

9 коп. окладных платежей, а помещики давали 1 руб. 38 коп., т. е. платежи крестьян были в 3,7 раза выше⁴⁶.

Высокие налоги приводили к увеличению неплатежеспособности, росту недоимок крестьянского населения. В частности, в Гродненской губернии недоимки по всем налогам выросли с 1904 по 1912 г. более чем в 2 раза (с 1 973 847 руб. 86 коп. до 4 128 840 руб. 32 коп.). В Могилевской губернии только по страховым платежам недоимки за 1908—1909 гг. увеличились на 26% (с 234 707 до 294 358 руб.)⁴⁷.

Крестьянское население было вынуждено сносить произвол царских чиновников, полиции и своей «старшей братии» — волостной и сельской администрации. Царские опричники нередко избивали крестьян самым бесчеловечным образом. Привлечь их к суду было невозможно. «Где нам, лапотникам, с господами тягаться!» — говорили крестьяне. Однажды житель д. Ушаки Могилевской губернии Лукошенко возвращался домой, неся 12 прутьев лозняка, который он нарубил на своей пасеке. По дороге его остановили трое вооруженных помещичьих охранников. Обвинив Лукошенко в воровстве панского добра, один из них выстрелил ему в живот из винтовки. Крестьянин на другой день скончался. Убийцы остались безнаказанными. В той же губернии в декабре 1910 г. управляющий лесами чечерского имения графини Чернышевой-Безобразовой встретил на дороге крестьянина Хомченкова с сыном, которые везли воз дров. Заподозрив кражу, управляющий выхватил револьвер и убил обоих на месте. В марте 1908 г. в Игуменском уезде недалеко от м. Дукора в экономии помещика Гартинга собаки набросились на 14-летнюю девочку. Ехавшие из леса крестьяне, услышав крик, бросились отбивать ее. Девочка, не приходя в сознание, умерла в земской больнице. Мать от горя лишилась рассудка⁴⁸.

Полицейское начальство не только жестоко истязало и мучило крестьян, но и грабило их, вымогало взятки, взимало разные поборы в свою пользу. Так поступал пинский уездный исправник Ансенс, который под угрозой массового выселения евреев из поселка Лунинец потре-

⁴⁶ Стат. ежегодник на 1914 год. — Спб., 1914, с. 466—467.

⁴⁷ Могилевская земская неделя, 1910, № 10, с. 16.

⁴⁸ Северо-западная жизнь, 1912, 1 июня; Погесье, 1910, 21 дек.; Могилевский вестник, 1908, 4 марта.

бовал от них 1 тыс. руб. И жители Лунинца вынуждены были собрать требуемые деньги⁴⁹.

Повсеместный произвол и продажность царских чиновников отмечал еще Ф. Энгельс, который писал: «Нечего уж и говорить о бесчисленной армии чиновников, наводняющей и обворовывающей Россию и образующей там настоящее сословие»⁵⁰. «Армия чиновников» в Белоруссии еще больше выросла в результате учреждения земства в 1911 г.

Осуществляя земскую реформу, царизм придерживался принципа «разделяй и властвуй», который применительно к местным условиям реализовывался в разделении избирателей на национальные курии, разряды, съезды и т. п. О том, как создавались национальные курии, сообщала газета «Звезда» в 1911 г. Она с иронией писала, что в списках избирателей по первой (землевладельческой) русской курии Двинского уезда Витебской губернии находились такие «истинно русские» фамилии, как фон Бер, Мирбах, Гильденбрандт, Корф, Тизенгольд, Фитингоф и др. В целом здесь 1/3 избирателей русской курии носила немецкие, латышские и польские фамилии (причем все они не отрицали своей национальности). Такая картина наблюдалась в Дриссенском уезде, где русские избиратели, главным образом представители реакционного чиновничества, составляли меньшинство в непольской курии. Однако в избирательном собрании земельных собственников участвовало 68 «русских» избирателей. Среди них насчитывалось 25 фамилий известных немецких баронов (фон Розен, Шлипенбах, Гейден, Икскуль фон Гильденбрандт и др.). В этом же списке фигурировало 11 латышских фамилий (Юрьян, Саулит, Збирбул, Калнин и семеро Круминей) и семь польских. В целом в списке «русской курии» нерусские составляли большинство (43 избирателя из 68)⁵¹. Таков был результат политики великодержавного шовинизма.

Предоставление перевеса «бумажным» русским землевладельцам и установление национальных курий П. А. Столыпин в одной из своих речей объяснял «соображениями высшего порядка». Опыт первых двух Дум, по его

⁴⁹ Минский голос, 1914, 16 окт.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 540.

⁵¹ Звезда, 1911, 11 июня.

словом, научил правительство, что строить расчет «на широких массах без учета их культурности» (т. е. готовность следовать указаниям начальства) нельзя: «Эта карта была бита»⁵².

По данным за 1913 г., земские учреждения в России существовали в 40 губерниях, а их общая финансовая смета на экономические нужды выражалась в сумме 22 221 тыс. руб., в том числе в Минской губернии 397,6 тыс., Витебской — 219,7 тыс., в Могилевской — 270,5 тыс. руб.⁵³

Лишенные реальной политической власти земства должны были выполнять хозяйственные функции и роль подсобных органов по выколачиванию из населения податей и налогов. Много средств тратилось на содержание самого земского управления. Например, Борисовское уездное земство за первое трехлетие своего существования (1911—1914) израсходовало на подводную повинность 101 154 руб., содержание тюрьмы — 7762, дорожную повинность (строительство и улучшение дорог на протяжении 57 верст) — 193 875, народное образование — 428 890,6, нужды так называемого общественного призрения (содержание «сырых и убогих») — 2249 руб. Последняя сумма была истрачена на содержание богадельни, приюта, благотворительного общества помощи бедным, а также семи детей-подкидышей. Число больниц за три года увеличилось с трех до семи, а земские фельдшерские пункты были открыты в каждой волости. Содержание аппарата самого земского управления обошлось в 73 822 руб.⁵⁴

Средства не земские расходы приобретались посредством особых земских сборов, которые ложились дополнительной тяжестью на плечи трудящихся масс. Эти сборы беспрерывно росли. Например, в 1907 г. в Минской губернии обложение 1 дес. земскими сборами составляло 29 коп., а к лету 1914 г. — до 60 коп., т. е. за 7 лет увеличилось вдвое⁵⁵.

Малоземелье, жестокая помещичье-капиталистиче-

⁵² Звезда, 1911, 12 февр.

⁵³ ЦГИАЛ СССР, ф. 395, оп. 1, д. 2495, л. 35—36; Вестник Минского губернского земства, 1914, № 2, с. 36.

⁵⁴ Вестник Минского губернского земства, 1915, № 1-2, с. 17, 31.

⁵⁵ Там же.

ская эксплуатация, рутинная техника обработки земли, отсутствие или недостаток денежных средств обуславливали отсталость преобладающей массы крестьянских хозяйств Белоруссии. Например, в Витебской губернии, по данным за 1907 г., 36% всех крестьянских дворов имели только до 5 дес. земли. До 1906 г. здесь широко было распространено трехполье. Полевое травосеяние было неизвестно, и лишь в четырех-пяти волостях Двинского и Режицкого уездов крестьяне — латыши сеяли на полях клевер и вику, преимущественно на хуторах, образовавшихся до 1905 г. Урожайность хлебов составляла сам-три или сам-три с половиной, что в переводе на десятину не превышало 30—35 пудов. Положение ухудшалось в результате чересполосицы. Как показала перепись 1907 г., из 13 258 хозяйств 12 429, или 94%, страдали от чересполосицы⁵⁶.

Развитие капитализма, рост населения в условиях господства крупного помещичьего землевладения приводили к ускоренному дроблению крестьянских наделов и прогрессирующему увеличению числа малоземельных и безземельных. Прежние «большие» (неразделенные) крестьянские семьи становились редки. Так, в Сенненском уезде Могилевской губернии в 1897 г. из 14 тыс. крестьянских хозяйств большие семьи (11 и более человек) составляли 24%, а 63% приходилось на хозяйства с количеством от 2 до 6 человек⁵⁷.

В Могилевской губернии крестьянскому населению, составлявшему в 1910 г. более 1,6 млн. человек, недоставало около 6 млн. пудов продовольствия. Не случайно Могилевская губерния накануне войны выделялась наиболее высоким процентом переселенцев среди всех белорусских и центрально-земледельческих губерний России⁵⁸.

В Витебской губернии в 1907 г. на одного человека в год после вычета семян приходилось для продовольствия

⁵⁶ Обзор деятельности объединенной организации губернского и уездных земств и ведомства землеустройства по оказанию агрономической помощи населению Витебской губернии в 1913 г.— Витебск, 1915, с. I—III; Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии, с. 20.

⁵⁷ Аникевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии, с. 108.

⁵⁸ Могилевская земская неделя, 1910, № 1-3, с. 10, 12.

6 пудов хлеба, что составляло 37% необходимой нормы, достигавшей 20 пудов⁵⁹.

Чтобы как-то реагировать на голод, охвативший Белоруссию, царское правительство от имени «императорского продовольственного комитета» ассигновало минскому губернатору тысячу рублей на выдачу пособий голодающему населению⁶⁰. Нечего и говорить, насколько мизерной была эта сумма. К тому же и эти деньги не дошли до крестьянства, а осели в карманах царских чиновников.

Голод и нищета порождали эпидемии, распространившиеся на целые селения и волости. Так, в 1908 г. в Могилевской губернии брюшным тифом только в последние две недели марта было охвачено 84 селения, сыпным тифом — 28, цингой — 7, дизентерией — 19, куриной слепотой — 16, желудочными заболеваниями — 442, другими заболеваниями — 16 (всего 612 селений). Весной 1910 г. в Могилевской губернии холерой были поражены 102 селения. Ввиду катастрофического роста холерных заболеваний летом 1910 г. в Минской губернии сам губернатор выехал «для обозрения зараженных местностей, расположенных по Днепровской, Пинской и Мозырской речным системам»⁶¹. Однако каких-либо эффективных мер против холеры принято не было.

Трудящееся население не получало почти никакой медицинской помощи. Второй съезд врачей Минской губернии, состоявшийся в январе 1911 г., признал, что на 43 врачебных участках, на которые земство разделило губернию, приходилось 39 больниц и 24 приемных покоя, причем только на 8 участках имелись инфекционные бараки. Размеры лечебных участков были очень велики — от 600 до 5 тыс. кв. верст, радиусом от 24 до 112 верст. Многие участки оставались без врачей. Съезд констатировал, что «в сельских местностях санитарные условия ужасны. Благодаря некультурности и крайней бедности белорусского крестьянина, производить дезинфекции весьма затруднительно. В деревнях оспрививание совершается в грязных избах». В дальнейшем количество врачебных участков в некоторых местах увеличилось, но

⁵⁹ Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии, с. 210.

⁶⁰ Минские ежедневные ведомости, 1912, 22 янв.

⁶¹ Могилевские губернские ведомости, 1908, 14 мая, 20 мая; Могилевская земская неделя, 1910, № 44, с. 14—15.

это не улучшило общего положения. По данным за 1912 г., на 2 772 589 чел. населения Минской губернии приходилось 49 врачебных участков, количество же больниц и приемных покоев осталось то же, что и в 1911 г. Каждая больница обслуживала пространство радиусом 20 верст, а на некоторых участках — даже более 100 верст. Число населенных пунктов на каждом участке колебалось от 60 до 900⁶².

Аналогичным было положение и в других белорусских губерниях. В Гродненской губернии, по данным за 1910 г., на 1 826 516 жителей приходилось всего 180 врачей, из которых 107 проживали в городах и только 73 — в уездах. Один врач приходился в среднем на 20 тыс. человек⁶³.

В Могилевской губернии в 1908 г. полуторамиллионное крестьянское население обслуживали 38 участковых врачей, 41 фельдшер при сельских лечебницах и 43 повивальные бабки. На один уезд приходилось 3—4 лечебницы, а иногда и меньше. Так, лечебница в селении Светловичи Гомельского уезда, в которой не было даже врача, а был лишь фельдшер, обслуживала территорию в сотни квадратных верст. Больные приходили туда за 40—45 верст⁶⁴.

Настоящим бедствием были массовые заболевания трахомой, особенно детей. Если в 1904 г. по всей России на каждые 100 тыс. человек приходилось 36,6 заболевших трахомой, то в Витебской губернии — 75,6. В 1911 г. число больных трахомой в России выросло до 58,5 человек на каждые 100 тыс. населения, в Витебской губернии — до 199,9 человек, т. е. в 3,5 раза больше⁶⁵.

Крайне тяжелым было положение крестьянки. Темная, забитая, неграмотная, она помимо бесконечных забот по домашнему хозяйству несла непосильное бремя сельскохозяйственного труда. Она в полном смысле слова была бесправной как в своем собственном доме, так и в обществе. Газета «Могилевский вестник» по этому поводу писала: «Нужно удивляться и преклоняться пе-

⁶² Минский голос, 1911, 14 янв.; Минские ежедневные ведомости, 1912, 25 янв.

⁶³ Наш край, 1912, 28 ноября.

⁶⁴ Могилевский вестник, 1908, 10 окт.; Могилевские губернские ведомости, 1908, 20 авг.

⁶⁵ Витебский вестник, 1914, 29 янв.

ред терпением и выносливостью деревенской бабы... Она недаром живет на свете, и ни одна минута ее жизни зря не пропадает. Это гигант, колосс, герой в борьбе с жизнью!.. Она и кормилица детей, и мужняя жена, и хозяйка в доме, и в поле неутомимая работница... Одна деревенская работница похвалялась: ночью молотила, утром родила, печку истопила, а к обеду жать пошла»⁶⁶.

Рядом с нищетой шли крестьянская темнота и неграмотность. По переписи 1897 г., грамотные в Витебской губернии составляли 24,6% всего сельского населения, а в Городокском уезде — даже 11,2%. В Минской губернии в 1907 г. школы насчитывали только 44 тыс. учащихся, что составляло 22% всех детей школьного возраста. Одна школа приходилась на 132 кв. версты и 3764 жителей⁶⁷. Каторжная жизнь вынуждала крестьян бежать из деревни в поисках лучшей доли. В результате, как с сожалением указывал «Могилевский вестник», «любовь к сельскому труду постепенно падает. Тип прежнего ара-тая незаметно уходит в область предания. Выступают новые поколения уже с другими наклонностями и взглядами». «Чего я тут буду возиться в деревне и копать в земле, я лучше пойду в город. Там хоть свет буду видеть! — говорит теперь деревенский парень с новыми взглядами»⁶⁸.

Однако часто случалось, что, пробыв на заработках месяц-другой и еле заработав на дорогу несколько целковых, большинство возвращалось назад. Причины обратного бегства крестьян на родину лежали в очень тяжелых условиях работы. В помещичьих экономиях на чужбине приходилось трудиться с раннего утра и до поздней ночи, и в дождь, и в зной. Питание было из рук вон плохим. Хозяева давали, что попало: крупу с разными примесями, хлеб представлял собой несъедобную массу землистого цвета. За больными присмотра не было никакого, не приглашали даже фельдшеров⁶⁹.

Над крестьянином постоянно висел домоклов меч «бесхлебицы и холерного призрака». Газета «Витебские

⁶⁶ Могилевский вестник, 1910, 3 сент.

⁶⁷ Обзор деятельности объединенной организации губернского и уездных земств и ведомства землеустройства по оказанию агрономической помощи населению Витебской губернии в 1913 г., с. II.

⁶⁸ Могилевский вестник, 1914, 14 мая.

⁶⁹ Там же.

педомости» писала: «Недоедание среди крестьян Лепельского уезда... явление хроническое... Бесхлебица ежегодно выталкивает много молодежи из родного дома на фабрики и заводы больших городов». Много молодежи из этого уезда отправлялось на кирпичные заводы в Ригу, откуда ежегодно приезжали агенты-вербовщики. Только из Ореховской волости в феврале 1909 г. на рижские заводы уехало 100 человек. Из Мишковской волости Витебского уезда сообщали, что «в деревнях силушка вся уходит на соседнюю фабрику в Марковщину, оставляя обработку земли старикам». Хотя на заводах за изнурительный тяжелый труд крестьяне получали жалкие гроши, однако они безропотно терпели это, ибо «благодаря бесхлебице ценили труд свой очень дешево».

В Быховском уезде Могилевской губернии, по данным за 1914 г., вследствие малоземелья и роста населения почти 10% всех жителей деревни не могли существовать без побочных заработков и вынуждены были отправляться на отхожие промыслы. Многие из них сплавляли лес на юг по Днепру, Сожу, Друти, зарабатывая в течение 3—4 месяцев по 60 руб. (на своем продовольствии и одежде), что было крайне мало⁷⁰.

Часть крестьян занималась домашними промыслами, однако льнопрядильный и шерстяной промыслы стали накануне войны приходить в упадок, так как крестьянам было выгодно продавать на рынке лен и пеньку, а на вырученные деньги приобретать изделия фабричной промышленности. «Домашние промыслы» часто не были связаны с рынком и представляли собой пережиток старого натурального хозяйства, которое подрывалось и разрушалось развитием промышленности. В целом в Могилевской губернии промыслы были развиты слабо. «Могилевский вестник» писал, что в «деревнях редко где найдешь из крестьян сапожника, кузнеца, порядочного столяра. Только по портняжному да печному ремеслу встречаются кое-какие работники». Зато губерния занимала первое место по числу переселенцев. С началом столыпинской реформы ежегодно десятки тысяч крестьян покидали свои деревни и уезжали в Сибирь, куда

⁷⁰ Витебские ведомости, 1909, 8 апр.; Вестник Могилевского жемства, 1915, № 8, с. 1.

переселялась главным образом беднота. За 8 лет (1907—1914) из Могилевской губернии переселилось более 159 тыс. человек, из Минской — 64,2 тыс., из Витебской — 81,7 тыс., Виленской — 16,8 тыс., Гродненской — 13,6 тыс. человек. Таким образом, на Могилевскую губернию приходился самый высокий процент переселенцев — 47,7, на Гродненскую самый низкий — 4% ⁷¹.

В Минской губернии кустарные промыслы также находились на невысоком уровне, притом способы кустарного производства были чуть ли не «первобытные», заимствованные от прадедов. Наибольшее распространение имел кузнечный, бондарный, гончарный, сапожный и отчасти ткацкий промыслы. В м. Раков Минского уезда существовало кустарное производство деревянных вейлок, которые сбывались в соседние уезды: вейлки по 15—40 руб. за штуку, молотилки по 55—90. Гончарный промысел был развит в м. Ивенец и Раков Минского уезда, м. Городно Пинского уезда и в Синявской волости Слуцкого уезда. Ткачество было распространено по всему Слуцкому уезду, но более всего сосредоточено в местечках Тимковичи и Копыль. По данным за 1909 г., в кустарных промыслах Минской губернии было занято 23 тыс. человек, общий заработок которых достигал 1642 тыс. руб. Из них на 4 уезда приходилось свыше 46% всей суммы заработка. Наибольшее число кустарей проживало в Слуцком уезде (4 тыс.), наименьшее — в Минском и Новогрудском (по 1960). Развитие промыслов сдерживалось отсутствием у крестьян своего леса ⁷².

В Витебской губернии в 1910 г. «домашними промыслами» занимались более 12,6 тыс. крестьян, выручавших ежегодно свыше 1 млн. руб. В 1915 г. «домашними промыслами» занималось уже 22,4 тыс. человек, что, однако, составляло только 1,5% всего крестьянского населения. Кроме того, более 33 тыс. человек уходили из губернии в отхожие промыслы. Большинство отходников направлялось в Петроград (на службу в качестве прислуги и отчасти на фабрики и заводы). Городокский уезд давал 7549 отходников, Лепельский — 2272. Из остальных уездов Витебской губернии уезжало в поисках ра-

⁷¹ Вестник Могилевского земства, 1915, № 1; Могилевский вестник, 1909, 31 дек.; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения с 1910 по 1914 г.— Пг., 1916, с. 30—34.

⁷² Пинский листок, 1911, 30 янв.

боты менее тысячи человек, а из Витебского уезда — только 125 человек. В общем в губернии всеми видами промыслов, включая отхожий, в 1915 г. было занято около 55,7 тыс. крестьян, заработавших 9283,3 тыс. руб. По сравнению с 1914 г. число «промысловиков» уменьшилось на 39,8 тыс., а общий заработок увеличился на 1212 тыс. руб.⁷³

Кроме отхода в города и на шахты, происходила эмиграция в Америку (преимущественно из Сенненского, Чериковского, Быховского и Могилевского уездов). Много крестьян из Минской губернии уезжало за границу, главным образом в Германию и Америку. Особенно увеличилась эмиграция в годы реакции, когда отчаявшиеся от нужды и горя и потерявшие надежду на лучшее будущее у себя дома крестьяне хлынули за границу. Газета «Минское эхо» указывала, что до 1907 г. за границу из деревни уезжали редко, уезжающих «проводжали словно покойников». Но затем страх стал проходить и в 1907 г. волна эмиграции резко поднялась. В Америку стали ехать «толпами». С 1908 г. эта волна несколько уменьшилась, так как из Америки стали приходить неутешительные вести о безработице, нужде и лишениях, уготованных для эмигрантов на «свободной земле». К 1910 г. волна эмиграции вновь усилилась. Согласно данным департамента полиции, в Могилеве в 1913 г. существовали две эмиграционные конторы, из которых одна была легальной, отправлявшая с разрешения властей паспортных эмигрантов, другая — тайно переправляла беспаспортных (среди которых было много крестьян) за границу по маршруту: Могилев — Орша — Люблин — Сосновка — Вена. Нелегальный пункт по отправке за границу существовал также в Гродно. Много тайных агентов было в Вильно. Полиция вела усиленную, но малоуспешную борьбу с тайной агентурой. Часть заработка крестьяне высылали семье. В некоторых волостях, по свидетельству виленского губернатора, размер получаемых из-за границы переводов достигал 100 тыс. руб. ежегодно⁷⁴.

⁷³ Витебские губернские ведомости, 1911, 4 мая; Витебский вестник, 1916, 8 ноября.

⁷⁴ Минское эхо, 1908, 9 авг.; ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 32, л. 2; д. 291, л. 10; Минское эхо, 1909, 1 сент.; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 17, д. 1685, л. 158.

В 1913 г. сильное эмиграционное движение захватило Пинский, Слуцкий, Игуменский и Борисовский уезды Минской губернии. Из некоторых волостей к ноябрю 1913 г. выехало в Америку по 700—800 человек. Ехали главным образом одинокие мужчины, выезжавших целыми семьями было не более 2—3% общего числа эмигрантов. В связи с этим все большее число мужчин не являлось на призывные пункты. По свидетельству минского губернатора, в 1910 г. не явились 458 человек, в 1912 г.— 912, в 1913 г.— 2316 человек ⁷⁵.

Голод и нищета, атмосфера беспросветной жизни, навеянная разгулом реакции после 1905 г., вызвали в России волну самоубийств. Из Чериковского уезда сообщали в 1912 г.: «В последнее время убийства и самоубийства в деревне стали обычным явлением. Жизнь обесценилась до минимума». Вся «казенная» печать отмечала рост «эпидемии самоубийств», которая в некоторых местах принимала «ужасающие размеры». «Могилевский вестник» в статье «Страшный вопрос» писал: «Газеты почти ежедневно приносят известия о самоубийствах и даже детских самоубийствах. Что же служит причиной расчетов с жизнью? Большей частью невозможность существовать... При дороговизне самых необходимых продуктов пропитания и жилищ, при безработице действительно ставится на карту все и в результате — расчеты с жизнью, не давшей ничего, кроме разочарования и бед... Здесь виновато и общество, относящееся безучастно к тяжелому, а иногда прямо невыносимому положению этих несчастных» ⁷⁶.

В д. Обхань Сенницкой волости в августе 1908 г. повесился крестьянин З. Ходан. Самоубийца, имея большую семью (жену и пятерых детей), был не в состоянии их прокормить и «решил уйти от горькой нужды в лучший мир». Только на протяжении 1907 г. в Минской губернии было зарегистрировано 44 случая самоубийства и 200 убийств (главным образом представителей властей, помещиков и их прислужников). После подавления революции и наступления реакции число самоубийств рез-

⁷⁵ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 103, д. 34, л. 7.

⁷⁶ Северо-западная жизнь, 1912, 16 ноября; Могилевский вестник, 1910, 15 апр.

ко возросло. Так, в Виленской губернии в феврале 1909 г. произошло 51 самоубийство⁷⁷.

Несмотря на разгул реакции, деспотизм и тиранию царизма, широкие массы трудящихся, в том числе крестьянство, не прекратили революционной борьбы. Даже в самые черные годы реакции не наступило затишья в крестьянском движении, хотя нельзя отрицать ослабления революционной энергии масс. Эта вера в грядущее, в революционную силу народа с неподдельной силой выразилась в стихотворении «Родной Белоруссии»:

Ты глаз не чаруешь волшебной красою,
Родная моя сторона,
Не тянутся горы воздушной грядюю,
Не плещет морская волна...
Не лениости праздной и неге покоя
Природа тебя обрекла,
Быть местом упорного, тяжкого боя
Тебе назначенье дала...
Ты приняла вызов и ты победила
В той битве с суровым врагом,
Ты смело дороги в лесах прорубила
И стало светлее кругом.
Упорным трудом осушила болота,
И там, где царил прежде зверь,
Там дружно кипит полевая работа
И слышится песня теперь...
Ты знаешь: дорогою ровной, ясной
Сыны твои дружно пойдут
С любовью к тебе неизменной и страстной
И знание и свет принесут...

Так писал в газете «Северо-западная жизнь» в 1912 г. неизвестный белорусский поэт, заглядывая в будущее родного края. Отмечая тяжелые природные условия Белоруссии, он в то же время предсказывал светлое будущее, которое надо было еще добывать в борьбе. Героическая борьба многострадального крестьянства во главе с обездоленным городским пролетариатом закончилась великой революционной победой в исторические Октябрьские дни 1917 г., которые зажгли факел социализма и свободы над миром.

⁷⁷ Минское эхо, 1908, 14 марта, 5 ноября; Виленская жизнь, 1908, 16 марта.

Глава II

КРЕСТЬЯНСКАЯ БОРЬБА В ГОДЫ СТОЛЬШИНСКОЙ РЕАКЦИИ (1907—1909)

Разгул контрреволюции. Выборы в III Государственную думу

С июня 1907 г. в России наступили период жесточайшей политической реакции, полоса безудержного разгула контрреволюционного террора. Царизм и черносотенные помещики спешили добить революцию, чтобы избавить себя от ужасов «нового кошмарного 1905 года». Однако управлять страной только насилием царизм не мог. Чувствуя непрочность своего положения, царское правительство вынуждено было прибегнуть к тактике лавирования между различными классами, использовать для поддержания своего господства широкую демагогию и другие методы и средства. Эта тактика выражалась в прямых и косвенных подкупах политических деятелей, субсидировании погромщиков из реакционных организаций «Союз русского народа», «Русский окраинный союз» и др. Хотя третьеиюньская государственная система опиралась на блок помещиков с верхами буржуазии, однако помещичий элемент в этом блоке сохранил гигантский перевес, а над обоими элементами стояла фактическая неурезанная старая власть. Блок этот не был равноправным. В нем господствовал царизм вместе с помещиками. Союз царизма, помещиков и буржуазии, сложившийся в виде третьеиюньской Думы, имел своей главной задачей осуществление назревших буржуазных реформ. «Самодержавие, — указывал В. И. Ленин, — пытается взять на себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции — создание народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистку средневековых, запутанных и обветшалых аграрных отношений в деревне...»¹ Таким «народным представительством» должен был явиться парламент, в котором буржуазия имела бы не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 320; т. 17, с. 359.

обходимый вес и который осуществлял бы неотложные буржуазные реформы. Этот «парламент», хотя и крайне урезанный в правах и на деле, как потом оказалось, беспомощный, был создан в лице третьейиюньской Государственной думы. Царское правительство проводило в Думе политику лавирования между помещиками и буржуазией. Третья дума и ряд других признаков указывали на то, что царизм делал новый шаг по пути превращения в буржуазную монархию.

Буржуазия, шедшая на сделку с царизмом, боялась как революции, так и реакции, однако революции она страшилась больше. «У нас в России,— писал В. И. Ленин,— буржуазия еще трусливее, пролетариат же гораздо сознательнее и лучше организован, чем немецкий в 1848 г. У нас полная победа буржуазно-демократического движения возможна только вопреки «соглашательской» либеральной буржуазии, только в том случае, если масса демократического крестьянства пойдет за пролетариатом в борьбе за полную свободу и за всю землю»².

Буржуазия, с одной стороны, опасалась неспособности царизма обеспечить капиталистическое развитие страны, с другой — боялась революции, которая представлялась в России неизбежной, если бы царская власть оказалась неспособной провести хотя бы самые необходимые реформы. Следовательно, борьба между буржуазией и царизмом велась за меру, сроки и формы проведения реформ.

«Будучи политически поработанной помещиками и абсолютизмом,— писал В. И. Ленин,— буржуазия... занимает контрреволюционное положение при усилении рабочего движения. Отсюда ее колебания, ее отступление на «задний план». Она и против старого порядка и за него. Она готова помогать ему против рабочих, но она вполне способна «устроиться» и даже усилить и расширить свое господство без всяких помещиков и без всяких остатков старого политического режима: об этом ясно говорит опыт таких стран, как Америка и др.»³

Борьба в России велась между тремя политическими лагерями: 1) реакцией, представленной помещиками во

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 206.

³ Там же, т. 21, с. 300.

главе с царизмом; 2) буржуазией; 3) демократическим (революционным) лагерем, который выражал интересы угнетенных масс⁴. Рабочий класс, стоявший во главе демократического лагеря, сперва должен был решить задачи буржуазно-демократического переворота, т. е. покончить с лагерем помещиков и царизма. В. И. Ленин, отмечая этот факт, писал в 1907 г.: «Борьба рабочего класса с классом капиталистов не может развернуться достаточно широко и кончиться победой, пока не свергнуты более древние исторические враги пролетариата»⁵.

Велась борьба и внутри самой буржуазии: между ее верхами и низами. В. И. Ленин в 1912 г. указывал: «В современной России есть две буржуазии. Одна, это — очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов, которые в лице октябриста и кадета заняты *на деле* тем, что делят между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть, теперешние политические привилегии. <...>

Другая буржуазия, это — очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым *на деле* приходится решать вопрос вовсе не о привилегиях в теперешнюю эпоху исторической жизни России, а о том, чтобы не умереть с голоду от Пуришкевичей. <...>

Вся история политического освобождения России есть история борьбы первой и второй буржуазной тенденции»⁶. Таким образом, буржуазия, как и другие классы российского общества, тоже не была однородной. Верхи буржуазии господствовали экономически и стремились господствовать политически. Вместе с тем средняя и особенно мелкая буржуазия терпела различные притеснения не только от царизма, но и от своей верхней «братии». Это порождало противоречия и борьбу внутри самого буржуазного лагеря. Царизм и помещики стремились использовать эти противоречия для еще большего укрепления своего господства и усиления репрессий.

Особенно спешило царское правительство распра-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 305.

⁵ Там же, т. 15, с. 205.

⁶ Там же, т. 21, с. 241.

ниться с революционной социал-демократией. 4 июля 1907 г. в Минске полицией была захвачена тайная типография социал-демократического комитета — шесть касс шрифта для печатания воззваний и прокламаций, листовок, скоропечатная машина, гектограф, десять пудов революционной литературы, четыре печати РСДРП, деньги, оружие, ящик с патронами, паспорта и т. д. Много лиц было арестовано ⁷.

Репрессии и гонения обрушились также на партийные организации Гомеля, Витебска, Могилева, Орши, и других городов Белоруссии ⁸.

Царские власти чинили расправу не только над революционерами, но и над лицами, публично выступавшими с критикой царизма или просто имевшими либеральные настроения. Привлекались к ответственности редакторы газет и журналов, допуская публикацию «нежелательных» статей и корреспонденций. В июне 1907 г. были преданы суду редакторы газет «Северо-западный голос» и «Северо-западное слово» М. Шат и Л. Черкасов. В декабре того же года был осужден на шесть месяцев тюрьмы редактор газеты «Голос провинции» за то, что он помещал статьи, в которых народ «возбуждался против правительства» ⁹.

На идеологическом фронте реакция проявлялась в монархической пропаганде, захлестнувшей литературу, искусство, науку, периодическую печать, в проповеди мракобесия, великодержавного шовинизма и национализма, нападках на марксизм-ленинизм. В литературе и искусстве широко распространялись настроения пессимизма и упадничества, воспевался культ индивидуализма, насаждалась безыдейность. Все это делалось с целью дискредитации революционного, социалистического учения, а также идеологического разоружения рабочего класса. Характеризуя период столыпинской реакции, В. И. Ленин писал: «Местью за революцию отмечена вся эпоха III Думы. Никогда еще не было в России такого разгула преследований со стороны царизма» ¹⁰.

После роспуска II Думы царские власти ожидали

⁷ Минское слово, 1907, 5 июля.

⁸ Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии.— Минск, 1961, с. 143.

⁹ Виленский вестник, 1907, 2, 29 июня, 15 дек.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 177.

сильного недовольства в народе. Витебский губернатор в июле 1907 г. в телеграмме командующему войсками Виленского военного округа просил приостановить вывод войск из Полоцкого, Двинского, Режицкого и Люцинского уездов «ввиду роспуска Государственной думы и ожидания беспорядков»¹¹. Осенью 1907 г. были проведены выборы в III Государственную думу. Порядок выборов определялся реакционным избирательным законом, обеспечившим перевес в Думе помещиков, чиновников и буржуазии. От крестьянского населения в Думу могли быть избраны только богатые хозяева.

В Могилевской губернии в сентябре 1907 г. в качестве уполномоченных от трех волостей (Хотимской, Забелышинской и Березинской) Климовичского уезда было избрано шесть человек: трое волостных старшин, сельский староста, заседатель волостного правления и волостной земский гласный. Все они были богатые крестьяне, например земский гласный П. Скоचेков имел три надела земли, большой дом и каменную лавку.

Основная крестьянская масса безучастно относилась к выборам. Из Климовичского уезда Могилевской губернии сообщали: «Недостаток хлеба подавляющим образом действует на настроение деревни. Во всех делах, во всех ее поступках замечается полнейшая апатия, холодность, равнодушие и безучастность ко всему. В то время, когда глаза и сердце нашей необъятной матушки-России обращены на III Думу, обыватель абсолютно глух и безучастен. Одно, что так резко бросается в глаза,— это непомерный рост в деревне озлобления, ненависти и пьянства»¹².

Крестьяне целыми волостями открыто игнорировали выборы в Думу. Слуцкий уездный исправник доносил в сентябре 1907 г., что «избирательные съезды... проходят при полном абсентеизме мелких землевладельцев» (т. е. крестьян). Он указывал далее, что «на съезд уполномоченных от крестьян русской национальности явился только один представитель, а на съезды уполномоченных от мелких землевладельцев польской национальности не явился никто»¹³. Официальная печать отмечала заметную перемену в психологии крестьян после 1905 г., их

¹¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2761, л. 45.

¹² Могилевский вестник, 1907, 22 сент.

¹³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 296, оп. 1, д. 9731, л. 85.

возросшую способность разбираться в политических вопросах, лучше ориентироваться в политической обстановке и особенно стремление к просвещению. «Местный крестьянин,— писала газета «Минское эхо»,— интересуется книгой и газетой и всеми силами старается проложить своим детям дорогу к свету, не жалея для этого единственного источника своего пропитания, последнего клочка земли, отдавая его в залог с риском остаться без куска хлеба»¹⁴.

Царские власти относились к нуждам крестьян-избирателей с крайним пренебрежением. Так, в Бобруйском уезде в сентябре 1907 г. для выборов уполномоченных на губернский съезд от мелких землевладельцев (крестьян) не нашлось другого помещения, кроме конюшни пожарного депо. Выборы проходили при почти полном отсутствии крестьянских избирателей¹⁵. Наряду с белорусами и русскими значительную часть избирателей составляло еврейское население. Однако в еврейской курии тоже не было единства среди избирателей, так как интересы еврейской буржуазии и еврейских трудящихся были противоположны. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1907 г. в Могилеве на первом съезде евреев-избирателей произошел раскол. Все «денежное еврейство» (торговцы, предприниматели, рантье, адвокаты) образовало отдельную группу избирателей, готовых поддержать самодержавие. Эта группа выступила против «мелкого еврейства», настроенного отрицательно к самодержавию¹⁶.

Поражение первой русской революции, победа царизма и всего черносотенного лагеря определили состав III Государственной думы. Из 412 депутатов 300 прошли от помещиков и буржуазии, от крестьян — 89, от рабочих — 10. «III Дума,— писал В. И. Ленин,— есть политически оформленный, общенациональный союз политических *организаций* помещиков и крупной буржуазии»¹⁷.

В годы реакции оживилась деятельность различных черносотенных организаций. Большую активность развернуло могилевское отделение «Союза русского наро-

¹⁴ Минское эхо, 1909, 17 февр.

¹⁵ Могилевский вестник, 1907, 26 сент.

¹⁶ Там же, 1908, 11 янв.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 411.

да», проводившее в январе 1908 г. в Луполове (предместье Могилева) свои избирательные собрания. Отделения «Союза русского народа» существовали также в Витебске, Минске и Барановичах, а в м. Новый Свержень и других пунктах Минской губернии отмечалась активность черносотенцев из «Русского окраинного союза». Минское отделение «Союза русского народа» 19 августа 1907 г. устроило собрание, которое было организовано вместе с другими буржуазно-помещичьими политическими партиями. На собрании была прочитана лекция «Царь и народ», восхвалявшая царскую власть и поливавшая грязью революцию 1905 г.¹⁸ Черносотенцы разжигали национальную вражду между белорусами, евреями, поляками, русскими, пытаясь натравить трудящихся одной национальности на трудящихся другой. Они вели борьбу против социалистической идеологии, пытаясь насаждать реакционные взгляды, вмешиваясь в дела школьного обучения и воспитания. Так, 23 сентября 1907 г. в Могилеве члены «Союза русского народа» на своем собрании выступили с нападками на учителей. Они указывали, что учащиеся «напевают и насвистывают «Марсельезу» и другие революционные песни», в связи с чем было принято решение учить их «патриотическим песням и гимнам, выражавшим любовь к царю»¹⁹.

Черносотенцы играли роль провокаторов, штрейкбрехеров и доносчиков. Они доносили на революционеров, агитаторов и просто на всех «неблагонадежных». В июле 1908 г. пинская полиция получила заявление от члена «Союза русского народа» о том, что мещанин В. Ярмач публично «дозволил себе поносить особу государя императора бранными словами и, выколов в портрете глаза, сжег таковой в печке». Ярмач был арестован²⁰.

Несмотря на отчаянные усилия, черносотенно-шовинистическая агитация в целом не пользовалась успехом среди населения. Белорусские рабочие и крестьяне оказывали противодействие еврейским погромам. Газета «Минское эхо» отмечала, что «общее безысходное горе

¹⁸ Минское эхо, 1909, 2 мая, 17 февр.

¹⁹ Могилевский вестник, 1907, 25 сент.

²⁰ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 1088, л. 1.

соединило взаимными узами сочувствия белоруса и еврея. Прокатившаяся волна погромов, религиозная и национальная вражда чужды местным жителям. Местный крестьянин никогда не позволит оскорбительно отозваться о представителе другой национальности»²¹. В этом проявлялся рост политической сознательности крестьян.

Революция 1905 г. впервые соединила все национальности России в едином революционном порыве, показала силу интернационального братства и революционной солидарности рабочих и крестьян, которые давали отпор поплзновениям реакционных организаций.

Все попытки черносотенцев убедить крестьян примкнуть к «Русскому окраинному союзу» оказались тщетными. Газета указывала, что «крестьяне дали резкий отпор этому предложению... Тяжелая жизнь не заслонила высших стремлений крестьян»²².

Население сел и городов враждебно относилось к черносотенцам, о чем свидетельствует следующий факт. 31 мая 1907 г. группа витебского отдела «Союза русского народа» устроила шествие по городу. В нем приняла участие только жалкая кучка черносотенцев, причем неприязненное отношение со стороны населения было столь велико, что «демонстрацию» пришлось проводить под усиленной охраной полиции.

Даже бывший царский премьер-министр С. Ю. Витте с презрением отзывался о «Союзе русского народа». «Союз этот,— писал он,— составленный из простых воров и хулиганов, получил в его (Столыпина.—Л. Л.) управление большую силу, так как правительство... его всячески поддерживало не только материально, но и посредством полицейской силы»²³.

Не пользовались влиянием в Белоруссии также октябристы, которых за угодничество перед царизмом называли «партией последнего правительственного распоряжения». «Союз 17 октября» В. И. Ленин квалифицировал как главную контрреволюционную партию помещиков и капиталистов²⁴. Попытки октябристов расширить свое влияние терпели неудачу. Так, оказались

²¹ Минское эхо, 1909, 17 февр.

²² Там же.

²³ Витте С. Ю. Воспоминания.— М., 1960, т. 3, с. 394.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 281.

тщетными усилия витебского «Союза 17 октября» повести за собой крестьян²⁵.

Одной из особенностей Белоруссии являлось сложное переплетение классовых и национальных взаимоотношений, что в известной мере осложняло классовую борьбу против царизма и буржуазии. В частности, весьма сильным было влияние польского помещичьего элемента, на долю которого вплоть до Октябрьской революции приходилась значительная часть земельной собственности, а его экономическое влияние часто превосходило влияние русских помещиков и буржуазии. Хотя царское правительство не доверяло польским помещикам, тем не менее оно не прочь было опереться на их реакционную часть. Еще в большей мере стремление к объединению с польскими помещиками проявлялось среди крупных русских землевладельцев, в том числе и белорусских, так как основные интересы тех и других совпадали. Несмотря на некоторые разногласия и противоречия, польские и русские помещики выступали сообща прежде всего на хозяйственном, экономическом поприще. И те и другие были членами земских учреждений и местных обществ сельского хозяйства, которые не только играли экономическую роль, но и служили своеобразными политическими центрами или клубами, где обсуждались и вырабатывались требования, выражавшие совокупные интересы помещичьего класса. Таким путем обсуждались интересы всех помещиков без различия национальности, укреплялись личные, хозяйственные и политические связи между ними. На выборах в Думу русские, белорусские и польские помещики выступали единым фронтом, забыв свои национальные распри. Этот блок был организован еще во время выборов во II Государственную думу, а теперь он опять возродился. С целью окончательного организационного оформления блока в Минске 3 августа 1907 г. собрался съезд русских землевладельцев, на котором решался вопрос об образовании «умеренной» (реакционной) землевладельческой группы для вступления в контакт с буржуазно-помещичьим «Польским демократическим союзом». Инициатива объединения исходила от русских помещиков, которые шли на союз с поляками на платформе Минского общества

²⁵ Витебский голос, 1907, 4 мая.

сельского хозяйства²⁶. Со своей стороны «Польский демократический союз» возлагал большие надежды на объединение с крупными русскими помещиками. Так русские черносотенцы шли на союз с польскими «демократами» во имя общих классовых целей, и прежде всего ради скорейшего совместного удушения крестьянского движения.

**Революционная агитация в деревне.
Борьба большевиков за влияние
на крестьянские массы**

Несмотря на жестокий террор и преследования, социал-демократические большевистские организации в противовес мелкобуржуазным соглашательским партиям меньшевиков, эсеров, бундовцев, которые потеряли веру в революцию и переживали духовный и политический кризис, не отказались от революционной борьбы. Большевики продолжали работу по собиранию и подготовке сил для грядущей народной революции.

Большую роль в активизации партийной работы на местах сыграла Общероссийская конференция РСДРП, проходившая в Париже в декабре 1908 г. Она явилась поворотным пунктом в развитии партии. От западных губерний на конференции был представлен большевик Г. Я. Беленький. На конференции были приняты решения, которые определили основную политическую линию партии и нацелили ее на борьбу против отзовистов и ликвидаторов, на использование легальных и нелегальных возможностей с целью развертывания агитации и пропаганды среди рабочего класса, крестьянского населения и армии.

Благодаря неустанной самоотверженной деятельности и кипучей энергии центральных и местных органов РСДРП стали возрождаться разгромленные полицией партийные группы и комитеты. Возобновившая в 1907 г. свою деятельность Гомельская группа РСДРП установила связи с Киевской партийной организацией, от которой она получала политическую литературу. Еще в сентябре 1907 г. из Киева в м. Лоев Речицкого уезда прибыла

²⁶ Могилевский вестник, 1907, 1 авг.

посылка с литературой, в том числе 335 экземпляров воззвания «К крестьянам»²⁷.

В конце 1907 г. была восстановлена Минская большевистская группа РСДРП, которая периодически поддерживала связи с организациями Москвы, Петербурга, Одессы, Польши, Литвы. Возобновилась работа типографии, где печатались политическая литература, воззвания, обращения к рабочим и крестьянам. В феврале 1908 г. листовки Минской группы РСДРП под названием «Товарищи рабочие» распространялась в Минске и его пригородах, а также в Пружанском уезде, в м. Картуз-Берега, в посаде Блудень и на ст. Погодино²⁸.

В 1909 г. жандармы сообщали, что в Минской губернии существует окружная крестьянская организация РСДРП, «члены которой ведут революционную пропаганду в крестьянской и военной среде и организуют в губернии свои волостные комитеты». Публичная библиотека им. Пушкина в Минске до марта 1908 г. служила местом сбора революционеров. Через нее распространялись работы К. Маркса, Ф. Энгельса, П. Лафарга. Брошюра В. И. Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» была в книжном фонде этой библиотеки в двух экземплярах²⁹.

В 1909 г. социал-демократические организации существовали в Гомеле, Чаусах, Мстиславле, Рогачеве, Витебске, Гродно и других городах. Одним из видных деятелей Мстиславской организации РСДРП был машинист М. Ставский, хранивший у себя много нелегальной литературы. Во главе Гомельского окружного комитета РСДРП стоял учитель Л. Драгунский³⁰.

Продолжалась работа Виленской группы РСДРП, охватывавшей своим влиянием Сморгонь, Ошмяны, Лиду и другие пункты Белоруссии. Газета «Социал-демократ» сообщала в марте 1909 г., что «отлив общественной жизни все же не привел к полной ликвидации организационных ячеек». До декабря 1907 г. Виленская группа РСДРП вела во всех районах активную работу, но с января до августа 1908 г. наступило затишье. За-

²⁷ Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, с. 147.

²⁸ Там же, с. 146.

²⁹ ЦГИА Литовской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 152, л. 1; ф. 446, оп. 3, д. 1081, л. 3, 5, 9.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 5, л. 84—88, 190.

тем снова оживилась работа организации. Были восстановлены связи с рабочими профсоюзами. В 1909 г. удалось организовать «городскую сходку», в которую вошли представители приказчиков, конторщиков, портных и т. п. Было создано несколько кружков, время от времени читались лекции. К марту 1909 г. количество членов Виленской группы РСДРП выросло до 200 ³¹.

Оживлению социал-демократической работы в годы реакции способствовала Северо-западная областная конференция, состоявшаяся в феврале 1908 г. в Витебске. На ней были представлены организации Вильно, Витебска, Двинска и Сморгони. На повестке дня стояли вопросы развития профессионального и кооперативного движения, создания руководящего партийного центра. Однако в обстановке разгула реакции часть решений не была выполнена ³². В январе 1909 г. проходил съезд социал-демократической партии Литвы, в котором принимали участие делегаты от Вильно, Гродно, Вилейки, Бреста, Сувалок, Ковно и Белостока. На съезде были приняты резолюции о распространении партийной работы на все беспартийные рабочие организации, в том числе просветительные и культурные, и об усилении агитации в деревне ³³.

Активную работу на селе вела Маленская группа РСДРП, действовавшая в приграничном районе Витебской губернии. Осенью 1908 г. Маленской организации удалось провести ряд своих представителей на должность волостных выборных. При их содействии был выработан проект распределения податей, за реализацию которого велась агитация среди крестьян. Весной 1909 г. были организованы курсы пропагандистов. На курсах обучалось 18 человек. Члены организации установили связи с латышскими (инфлянтскими) уездами Витебской губернии, где много крестьян примкнуло к социал-демократам ³⁴.

Основными формами революционной работы в деревне были живая устная пропаганда и агитация, распро-

³¹ Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, с. 149; Социал-демократ, 1909, 9 марта; *Солодков Т. Е.* Борьба трудящихся Белоруссии против царизма, с. 100.

³² Пролетарская революция, 1923, № 3 (5).

³³ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 9, оп. 1, д. 126, л. 496.

³⁴ Социал-демократ, 1909, № 9.

ранение печатной литературы, листовок и прокламаций. Политическую литературу распространяли партийцы и сочувствующие крестьяне. Пристав 3-го стана Слуцкого уезда сообщал в 1908 г., что крестьянин д. Загурье Говезнянской волости Мартин Крючек разбрасывал на улице прокламации, изданные Минской группой РСДРП. Одна прокламация призывала к сельскохозяйственной забастовке, а в другой, выпущенной еще в 1906 г., излагалось выборгское воззвание «Народу от народных представителей». В м. Волинцы Дриссенского уезда в июле 1908 г. был задержан местный житель М. Баркан, у которого полиция обнаружила нелегальную литературу, в том числе брошюры «Что нужно рабочему народу», «Нужды деревни» и две прокламации РСДРП³⁵. Несмотря на террор, агитация в деревне не прекращалась.

Осенью 1907 г. в м. Тимковичи Слуцкого уезда был арестован социал-демократ Кучинский, у которого полиция обнаружила четыре экземпляра брошюры П. Алексеева «Наша программа», книгу «Очерки истории германского рабочего движения» и записку с печатью Минской группы РСДРП от секретаря этой группы с просьбой относиться к Кучинскому с доверием. Полиция сообщила при этом, что Кучинский еще в 1906 г. за агитацию среди солдат на ст. Старые Дороги был осужден и сослан в Туруханский край Енисейской губернии, откуда бежал³⁶.

В мае 1908 г. был арестован один из руководителей Минской группы РСДРП Г. Шкловский. При обыске в его квартире была обнаружена «целая библиотека запрещенных книг» — 275 различных названий, в том числе протоколы IV и V съездов РСДРП, брошюры «Деятельность социал-демократической фракции во второй Государственной думе» и «Деятельность второй Государственной думы», «История германской социал-демократии» Ф. Меринга, «История РСДРП» М. Лядова и др. Местный пристав показал на суде, что «в дни свободы в 1905 г. он видел, как в местечке Паричах Шкловский шел с красным флагом». Царский суд приговорил Шкловского к ссылке в Енисейскую губернию с лише-

³⁵ ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 3, д. 1099, л. 1—2; ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 53704, л. 508.

³⁶ Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, с. 147.

нием всех прав, куда он и был отправлен в апреле 1909 г.³⁷

В Новогрудском уезде социал-демократическое влияние отмечалось в д. Грицы, где агитацию вел крестьянин Иосиф Ярош. При обыске у него 16 июня 1907 г. были обнаружены 12 экземпляров социал-демократической прокламации «Избирательная платформа РСДРП», брошюры «Для чего нужна свобода слова и собраний-сходок», «К товарищам гражданам» (издания РСДРП), «Народные выборы», «К крестьянам!» и др.³⁸

Значительным было влияние социал-демократических организаций в Слуцке и некоторых селениях этого уезда. В ноябре 1907 г. в Слуцке среди новобранцев распространялась революционная прокламация «Товарищи солдаты!», изданная Слуцким районным комитетом крестьянской организации РСДРП. В конце февраля 1908 г. в м. Копыль крестьяне С. Станилевич и И. Бекиш ходили по домам и собирали деньги на революционные цели. При обыске у Станилевича полиция обнаружила восемь экземпляров воззвания Копыльской группы РСДРП, прокламацию «Ко всем жителям Копыля!», брошюры «Социал-демократия в резолюциях Лондонского съезда», «Деятельность социал-демократических организаций во второй Государственной думе», «Экономическое учение К. Маркса» и др. (всего девять воззваний), а также несколько журналов революционного направления. Станилевич и Бекиш были арестованы. В м. Тимковичи в июне 1908 г. на телеграфных столбах были расклеены три печатные прокламации под названием «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «К крестьянам!», в которых они призывались к революционным выступлениям. После усиленных розысков по всему местечку полиция нашла у жительницы Р. Малиновской десять экземпляров листовок РСДРП «Что нужно теперь крестьянину?», прокламацию «К товарищам крестьянам!», два экземпляра «Минского летучего листка» и другие социал-демократические издания³⁹.

Осенью 1909 г. староста д. Сапрановичи Могилевской губернии А. Соколовский, бывший депутат I Думы

³⁷ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 898, л. 6; *Солодков Т. Е.* Борьба трудящихся Белоруссии против царизма, с. 111.

³⁸ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 936, л. 1—2.

³⁹ Там же, д. 1061, л. 1; д. 1062, л. 1.

и член Мстиславской организации РСДРП, занимался пропагандой идеи Всероссийского крестьянского союза⁴⁰.

Сильным было влияние активных участников событий 1905 г., пропагандировавших идею свержения царизма и агитировавших за активные выступления против помещиков. Осенью 1908 г. полиция доносила, что в д. Шабуня Бабиничской волости Витебского уезда по инициативе местных крестьян Егора Семенова и Сергея Макарова устраивались «недозволенные сборища» крестьянской молодежи с участием лиц, прибывших из Витебска. На этих собраниях читались листовки «противоприветельственного содержания и пелись революционные песни». Такие же собрания крестьянской молодежи с пением революционных песен проводились в д. Новики той же волости⁴¹.

Городокский уездный исправник доносил, что 2 июля 1907 г. в селении Вировль на ярмарке крестьянин д. Пригоры-Цыганы Федот Данилов «распевал песни, призывающие народ к ниспровержению существующего строя и порядка». В Вознесенской волости того же уезда 5 августа 1907 г., по свидетельству волостного старшины, на сходе выступил «известный агитатор» — житель д. Орехово Василий Беляев, который «начал всячески возмущать крестьян против сельских властей». Беляев заявил, что «ни губернатору, ни другим начальникам нет дела вмешиваться в крестьянские сходы» и что «начальством неправильно распределена между крестьянами ссуда ржи на обсеменение озимых полей». Волостной старшина далее в своем рапорте указывал, что Беляев «известен населению волости как противоправительственный агитатор, по его агитации крестьяне отказались от избрания десятских в 1906 и 1907 гг., от исправления дорог и прочих натуральных повинностей»⁴².

Согласно донесению полиции, крестьянин д. Мижевичи Слонимского уезда Гродненской губернии А. Любор выражал «недовольство существующим общественным строем». В феврале 1909 г. он явился на волостной

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 5, л. 88.

⁴¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 3161, л. 1—2.

⁴² Там же, д. 2259, л. 1—2; д. 3161, л. 2—3.

сход, где стал раздавать брошюры «возмутительного содержания», а также призывать сократить жалование сельским должностным лицам и полностью отменить его судьям. Среди брошюр, розданных Любором, были сказка «Как мужик у всех в долгу остался», брошюры «Как смотрят социалисты-революционеры и социал-демократы на крестьянство и земельный вопрос», «В каменном мешке», «Что прежде всего нужно крестьянам?», «Нужда крестьянская» и др.⁴³

В апреле 1909 г. крестьяне д. Костюки Заболотской волости Брестского уезда Герасим Муравицкий и Федор Рошня «вели противоправительственную агитацию». Причем, по свидетельству полиции, Муравицкий, возвратясь из Тобольской губернии, куда он был выслан в 1906 г. «за подстрекательство к неповиновению и к аграрным беспорядкам», возобновил свою «преступную» пропаганду и встретил поддержку со стороны односельчанина Ф. Рошни. Муравицкий говорил: «Я объехал весь земной шар... и везде государи выборные от народа. А у нас, дураков, дом Романовых царствует уже 300 лет, и его никто не сменит. Надо нам, чтобы лучше жить, уничтожить ныне царствующий дом, а то царь забрал в свою власть миллионы десятин земли и роздал своим родственникам, которых теперь человек двести, а нам земли не дает, повинности же требует. Царские родственники занимают высшие должности, а с нас, бедняков, дерут тысячи, отнимая последний кусок хлеба... Надо царя и весь дом уничтожить и выбрать президента от народа. Дураки те солдаты, что идут служить такому царю. Вот если бы они отказались от службы, то народ забрал бы себе всю власть. Ну, да это так и будет. А то сколько народу полегло в войне с Японией из-за того, что царь хотел еще себе земли приобрести». Далее он призывал не слушать «мошенников-начальников» и не платить напрасно подати. По свидетельству полиции, «подобные же речи» публично произносил Ф. Рошня. Критикуя царя и его власть, Муравицкий и Рошня заявляли, что Государственную думу «царь собрал такую, которая смотрит его пользу, а не их, мужицкую...». Эти же лица обращались к крестьянам: «Пойдем у богатых заберем, что они имеют, и разделим так, чтобы все бы-

⁴³ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 134, л. 8—12.

ли равны... Сначала надо взбунтовать молодежь, а затем жирнобрюхим начальникам распороть животы. Царя же надо прямо под расстрел, и тогда выбрать из народа президента»⁴⁴.

В приведенных речах отразился крестьянский демократизм, главным требованием которого было уничтожение власти царя и помещиков и раздел имущества богатых так, «чтобы все были равны». Обращает на себя внимание критика Государственной думы, осознание ее неспособности защищать «мужицкую пользу». Правда, подобные речи произносили более сознательные крестьяне. Это показывает, что передовая часть деревни уже начала освобождаться от царистских и думских иллюзий.

Перемену в психологии крестьянина, рост его политической сознательности после 1905 г. отмечал В. И. Ленин, который писал, что «из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством», крестьянство превратилось в «народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу»⁴⁵.

Революционная агитация вызывала тревогу властей, которые всеми средствами боролись против агитаторов. Аресты, избиения, усиление надзора полиции, тюремные заключения, ссылка в Сибирь на каторгу — все использовалось для «ограждения» деревни от революционного влияния.

В феврале 1909 г. в Бобруйске был осужден на один год заключения в крепости крестьянин И. Смоляр, который, по заявлению пристава, в течение двух лет занимался агитацией в д. Любани и других селениях Заболотской волости. «Являясь повсюду, где собирался народ, и указывая на бедную жизнь, Смоляр говорил, что все происходит от того, что у нас порядки плохие, что крестьяне обременены тяжелыми налогами». Он уговаривал крестьян не платить податей, убеждал их, что царское правительство неправильно облагает крестьян налогами, призывал не слушаться чиновников, не подчиняться старшине, доказывал, что в России только тогда будет легче жить, когда не будет царя. До этого

⁴⁴ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, л. 1094, л. 1—3.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 141.

Смоляр уже два раза судился «за неповиновение властям»⁴⁶.

В марте 1908 г. житель д. Лихосельцы Пружанского уезда Степан Хайко, вернувшийся из Тифлиса и Одессы, где он работал на заводах, стал, по свидетельству пристава, «заниматься пропагандой среди крестьян», уговаривал их «отнимать у помещиков землю силой и не слушаться правительственных властей». Он заявлял, что «государь — злодей и правительство — все злодей», призывал односельчан не ходить на работу к помещикам, так как «все равно через три года вся земля перейдет к крестьянам». Еще до этого, осенью 1907 г., когда крестьяне отправились к помещику копать картофель, Хайко, обращаясь к ним, говорил: «Зачем вы идете на заработки, идите и берите у помещика все, что вам надо»⁴⁷.

Крестьянин д. Кельчицы Новогрудского уезда С. Базар, возвратившийся после пятилетнего пребывания в Петербурге, по свидетельству полиции, осенью 1907 г. «учил местную молодежь петь песни революционного содержания, в которых поносилось имя государя... и на следника цесаревича, и подстрекал своих односельчан к неповиновению властям»⁴⁸.

Приведенные факты показывают, что бывшие рабочие, возвратившиеся из промышленных центров в деревню, приносили революционное влияние в крестьянскую среду. Они объективно выступали проводниками пролетарской идеологии на крестьянство, что имело исключительное значение для последующего объединения сельских тружеников вокруг рабочего класса и укрепления их общего революционного союза в борьбе за свободу и социализм в России.

Революционное влияние на деревню оказывали также бывшие матросы и отставные солдаты. Пристав Бобруйского уезда доносил, что в 1908 г. матросы Николай Кот и Кузьма Иваницкий, возвратившись с военной службы на родину, в д. Староселье Кочеричской волости, проводили агитацию среди местного населения, убеждая его отказываться от платежей податей и подчинения властям⁴⁹.

⁴⁶ Минское эхо, 1909, 5 февр.

⁴⁷ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 4, д. 845, л. 27.

⁴⁸ Там же, оп. 3, д. 938, л. 1.

⁴⁹ Там же, ф. 446, оп. 3, д. 51, л. 1.

Политической агитацией на селе занимались учительские профсоюзы. В 1906 г. было создано Минское отделение Всероссийского учительского союза, одним из членов которого состоял К. М. Мицкевич (Якуб Колас).

Профсоюзы учителей доставляли много хлопот царскому правительству. Департамент полиции 21 июля 1907 г. в специальном циркуляре уведомлял всех губернаторов и градоначальников о том, что возникший в 1905 г. «Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию, не получивший еще легализации по закону 4 марта 1906 г., имеет в своих рядах значительное число лиц педагогических профессий, с помощью каковых почти по всей России образовались отдельные организации союза, существующие под разного рода наименованиями... Деятельность упомянутого союза приняла несомненно противоправительственный характер», а члены его «большой частью посвящают себя политической агитации». Последнее обстоятельство вызывало у царской охраны большую тревогу, особенно после IV Всероссийского съезда учителей (1907), который принял постановление «усилить пропаганду принципов свободной демократической школы и призывать сельское население к активной борьбе с поместным дворянством». На этом съезде было решено «заняться организацией специальных кружков из деревенской молодежи и вступить в тесные отношения с рабочими профсоюзами». Департамент полиции предписал «пресечь вредную деятельность» учительских профсоюзов, не останавливаясь перед самыми суровыми мерами⁵⁰.

Более сознательные крестьяне пытались агитировать солдат, выступать против начальства. Так, в 1907 г. житель д. Ольшаны Пружанского уезда Дмитрий Майкевич, встретив на дороге из Пружан троих солдат 38-й артиллерийской бригады, убеждал их устраивать «солдатские бунты» и убивать своих офицеров.

О том же полиция сообщала из Минской губернии. В январе 1908 г. в новоборисовской корчме крестьянин Викентий Петкевич убеждал рядового солдата 16-го Иркутского полка Ивана Жлобу не подчиняться офицерам, заявляя: «Вы, солдаты, не должны служить государю и слушать начальство... солдатам теперь прибавили жало-

⁵⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2767, л. 188.

ванья благодаря забастовщикам, которые не боятся правительства, так как весь народ на их стороне»⁵¹. Такую же агитацию в марте 1908 г. вел крестьянин Минского уезда И. Сапего, который, находясь в Минске, подошел на улице к солдатам и стал говорить им, что «подати увеличиваются и тяжело жить в России», и закончил так: «Вот если бы солдаты перешли на нашу сторону, мы бы соединились и истребили бы государя, наступила бы свобода, и всем жилось бы хорошо».

Особенно беспокоила царские власти опасность волнений среди крестьян-новобранцев, призывавшихся на военную службу осенью 1907 г. Через новобранцев в казармы могла быть занесена «революционная зараза», а выпустить из своих рук, потерять последнюю опору — войско — царизм не мог. Поэтому в центре и на местах предпринимались лихорадочные меры, чтобы уберечь армию от революционного влияния. С этой целью витебский губернатор в сентябре 1907 г. разослал полицмейстерам и уездным исправникам циркуляр, в котором предупреждал, что в связи с полученными сведениями о решении революционных организаций вести усиленную пропаганду в войсках необходимо для изоляции от революционных элементов прибывающих в города новобранцев-крестьян обязать волостных старшин и сельских старост безотлучно находиться с партиями призывных, установить по прибытии в город «строгое наблюдение за всеми лицами, которые будут пытаться войти в общение» с крестьянами, задерживать их и передавать полиции⁵². Беспокойство властей возрастало в связи с ростом политического сознания крестьян, стремившихся к свержению власти царя и помещиков.

Наступление реакции сопровождалось пышным расцветом ренегатства, деградации и разложения в рядах мелкобуржуазных «социалистических» партий — эсеров, бундовцев, меньшевиков, белорусских громадцев и др., не говоря уже о либеральных и буржуазно-националистических противниках революции. Наиболее глубокий процесс разложения захватил партию эсеров, которая, по словам В. И. Ленина, распалась на три течения:

⁵¹ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 4, д. 806, л. 1; оп. 3, л. 1048, л. 1—2; оп. 4, д. 1051, л. 1.

⁵² ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2767, л. 220.

1) левое — «максималисты», 2) центр — эсеры старого типа, 3) правое — оппортунисты («легалисты», «трудовые народные социалисты» и т. д.). «Народные социалисты» (или «энесы») открыто отреклись от крестьянской программы, отказались от борьбы против монархии, выступали за выкуп излишков помещичьей земли. В. И. Ленин беспощадно клеймил их, называя «мещанскими оппортунистами» и «социал-кадетами»⁵³.

Выделившиеся из эсеровской партии «максималисты» нередко превращались в экспроприаторов-террористов и фактически сливались с анархистами. В годы реакции они сколачивали вооруженные отряды «лесных братьев» под устрашающими названиями «черный ворон», «мертвая голова», «гроза» и т. д., которые занимались грабежами и убийствами.

Эсеровский «центр», т. е. эсеры, оставшиеся верными своей старой программе, также потерял веру в революцию и выступал против аграрной борьбы, требовал «социализации» земли, т. е. ее уравнительного раздела. Принцип уравнительного раздела ничего общего не имел с научным социализмом, представлял собой оппортунистическое извращение учения о социализме.

Эсеровский съезд западных губерний, состоявшийся 11 июня 1907 г. в Сморгони, призывал крестьян отказаться от участия в избирательной кампании⁵⁴. В результате деморализации и разложения эсеровских организаций их политическая деятельность в годы реакции проявлялась слабо.

Царские жандармы сообщали в январе 1909 г., что ими выслежены в Могилеве семь активных членов эсеровской организации, руководившей кружком семинаристов из семи человек и кружком гимназистов неустановленной численности. По тем же сведениям, руководство горецкой и ляднянской эсеровскими группами осуществлялось из Смоленска. В селении Круглое Могилевского уезда по инициативе учителей-эсеров еще в 1906 г. была создана группа так называемого «крестьянского братства». В 1907 г. полиция установила, что эсеровский центр в этом селении находился в доме священника, на одной половине которого проживал полицей-

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 397; т. 19, с. 494—495.

⁵⁴ Знамя труда, 1907, 12 сент.

ский урядник, а на другой помещалась эсеровская библиотека, обслуживавшая крестьян. Такая же библиотека была в пос. Сновск Могилевской губернии. В ноябре 1909 г. некто Гальперин доставил в библиотеку 200 экземпляров эсеровской нелегальной литературы. В некоторые селения Могилевской губернии эсеровские прокламации и литература поступали из Смоленска, где находился Северо-западный комитет социалистов-революционеров⁵⁵.

В 1910 г. эсеровский комитет существовал также в Гомеле. Он состоял из десяти человек во главе с неким Калашниковым, но активности комитет не проявил, кроме одной безуспешной попытки распространения прокламаций среди новобранцев. Учитывая незначительное влияние эсеров в самом Гомеле и их почти полную политическую бездеятельность, жандармерия во все последующие годы вплоть до начала войны ограничивалась агентурным наблюдением и не предпринимала попыток к ликвидации гомельского эсеровского комитета⁵⁶.

Бездействовали эсеры и в Гродненской губернии. Гродненское жандармское управление в 1909 г. доносило в департамент полиции, что попытки отдельных эсеровских руководителей в Гродно «поднять работу организаций» успеха не имели. Спустя месяц начальник того же управления сообщал в Петербург, что «партия социалистов-революционеров своих отдельных правильных организаций в Гродненской губернии не имеет, имеются лишь отдельные лица, которые ранее принадлежали к разбитым ныне организациям, или сочувствующие программе эсеров»⁵⁷.

В Минской губернии эсеровские организации в годы реакции существовали в Бобруйском, Минском, Игуменском и других уездах. В Бобруйском уезде эсеры делали малоуспешные попытки установить связи с крестьянами. Наиболее значительное эсеровское влияние отмечалось в Пуховичской волости Игуменского уезда, где во главе организации стоял помещик А. Бонч-Осмоловский, владевший имением Блонь. В январе 1911 г. в Минске состоялся судебный процесс над членами блоньской эсеровской организации. На скамье подсудимых находились

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 9, л. 20—23, 31, 47, 107.

⁵⁶ Там же, д. 19, л. 1.

⁵⁷ Там же, д. 5, л. 25; д. 5, л. 26.

А. Бонч-Осмоловский, его жена В. Осмоловская, сын Иван, племянник В. Ваховский, а также четверо крестьян с. Блонь. На судебных заседаниях присутствовали многие помещики и губернатор Эрдели.

В ходе судебного процесса выяснилось, что А. Бонч-Осмоловский принадлежал к народовольческой организации еще в конце 70-х гг. XIX в. В октябре 1879 г., в бытность его студентом Петербургского университета, А. Бонч-Осмоловский вместе со студентом-народовольцем В. Введенским принимал «главное участие в подпольной деятельности и возбуждении студентов», собирал подписи против новых университетских правил⁵⁸.

Начав с народнической деятельности, Бонч-Осмоловский позже примкнул к партии эсеров. Полиция доносила, что «имение Блонь... являлось местом постоянных сборищ противоправительственного характера». Одно из таких «противоправительственных скопищ» состоялось в с. Блонь 28 февраля 1908 г. По свидетельству полиции, у Бонч-Осмоловского собирались студенты и другие неизвестные лица, которые «ходили по селу и возмущали народ против власти», а сам Бонч раздавал крестьянам «какие-то книжки». Местный крестьянин Лукашик, служивший у Бонч-Осмоловского помощником садовника, в 1908 г. судился по делу петербургской организации эсеров-максималистов. Под руководством Лукашика 24 февраля 1908 г. вечером в с. Блонь собралась толпа молодежи около 40 человек, которая пела песню «Вставай, подымайся, рабочий народ!», сопровождая ее возгласами: «Долой самодержавие!»⁵⁹

8 апреля 1908 г. полиция произвела в имении Блонь обыск, а затем, по заявлению пристава, по всему селению было произведено до 60 обысков. Была обнаружена библиотека, содержащая много политической литературы. Среди нее находилась программа БСГ, эсеровские листовки и книги, программа и устав партии эсеров, постановление учредительного съезда Крестьянского союза, листки «Народная воля», выборское воззвание «Наро-

⁵⁸ Большевики Белоруссии в первой русской революции.— Минск, 1955, с. 63; Волк С. С. Народная воля.— М.—Л., 1966, с. 341; Савицкая Л. А. Група Бонч-Асмалоўскага.— Польша, 1967, № 5, с. 187—201.

⁵⁹ Минский голос, 1911, 25 янв.; ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 1058, л. 1.

ду от народных представителей», проект программы РСДРП, два экземпляра газеты «Земля и воля», эсеровские газеты «Труд», «Военный союз», «Знамя труда» и др., а также газеты «Социал-демократ», «Искра», «Голос пролетария», прокламации Киевского и Северного крестьянских союзов, руководимых эсерами, и т. п. На некоторых брошюрах стояли печати минского комитета Северо-западной организации эсеров. Эсеровские прокламации распространялись в селении Блонь и других деревнях через служащих имения.

Второй сын А. Бонч-Осмоловского Родион был арестован в Киеве в декабре 1905 г. за участие во втором областном съезде украинской партии эсеров. Кроме распространения среди крестьян эсеровской литературы и устной агитации, блоньская организация устраивала тайные сходки на Поповой горке, где бывали все Бонч-Осмоловские. Участие в делах организации принимал также местный священник Ягзунович, доставлявший политическую литературу и заодно выполнявший роль доносчика по заданию полиции.

Разумеется, деятельность блоньских революционеров не могла не вызвать беспокойства у царских властей. Полиция с тревогой сообщала, что «все село Блонь было распропагандировано от мала до велика, можно было видеть стариков, говорящих языком прокламации»⁶⁰.

Как отмечает Л. А. Савицкая, Бонч-Осмоловский относился к числу революционеров, которые боролись за интересы народа. После победы Октябрьской революции Бонч-Осмоловские приняли активное участие в советском и кооперативном строительстве⁶¹.

При оценке поведения Бонч-Осмоловских следует учитывать историческую обреченность помещичье-капиталистического строя в России и связанный с этим (в периоды, непосредственно предшествовавшие крушению эксплуататорского общества) переход наиболее дальновидных представителей господствующих классов на позиции революционного класса. «В те периоды,— писал К. Маркс,— когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает... та-

⁶⁰ Минский голос, 1911, 25 янв.

⁶¹ Савицкая Л. А. Группа Бонч-Асмалоўскага, с. 187—201.

кой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрывается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее»⁶². Между тем низовые эсеровские организации испытывали сильное давление со стороны крестьянских масс. Это вынуждало их считаться с настроением деревни. Поэтому эсеровская «революционная» демагогия — обычное явление в дореволюционное время. Без нее нельзя было привлечь на свою сторону даже отсталую часть крестьянского населения. Выполнение этой задачи облегчалось тем, что эсеры в целом отставали задачи демократической революции, которая должна была расчистить дорогу для «свободного», т. е. капиталистического, развития крестьянского хозяйства после ликвидации пережитков крепостничества. Эсеровская революционность не шла дальше буржуазно-демократических требований, т. е. она не означала борьбы за подлинный социализм, ставивший целью ликвидацию капитализма.

Эсеры вели агитацию среди крестьян и иногда даже призывали к выступлению против помещиков. Так, в Минском уезде эсер И. Каспоревич 7 августа 1907 г. в имении Пережары помещика Ратынского убеждал жавших овес крестьянок бросить работу, если помещик вместо 35 коп. не согласится платить по 90 коп. в день. Каспоревич при этом говорил, что в противном случае он со своими товарищами расправится с помещиком и прогонит работниц с поля. Затем он отправился в д. Юржишки, где утверждал, что принадлежит к социалистам и у него есть товарищи, из которых 50 человек проживают в лесу помещика Грушвицкого, а 20 отправились в имение графа Тышкевича «требовать денег на пропитание». Далее Каспоревич заявил, что их цель — добиться свободы и «если от третьей Думы ничего не дождутся, то откроют огонь», что «он участвовал в разграблении почты близ Варшавы, а деньги посланы в Англию для изготовления оружия на революционные цели». Закончил Каспоревич свое выступление призывом убить минского губернатора, пристава и «одного черного стражника» в м. Раков⁶³.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения.— М., 1966, т. 1, с. 116.

⁶³ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 932, л. 1.

Здесь мы видим проявление той же революционной демагогии, которая на практике выливалась в акты индивидуального террора, т. е. убийства отдельных лиц царской администрации. Однако такая тактика, особенно в условиях реакции, не могла принести ничего, кроме вреда. Поэтому она отвергалась марксистами.

Нужно иметь в виду, что среди эсеровских низов было немало введенных в заблуждение крестьян, которые верили в эсеровский «социализм» и в своей деятельности шли дальше его программы, выдвигая временами опасные для царизма революционные требования.

Заметное эсеровское влияние отмечалось в некоторых селениях Витебской губернии. В июле 1907 г. витебский губернатор сообщал, что крестьянин д. Борщеватки Селищской волости Городокского уезда Е. Марутко «неоднократно подстрекал крестьян к самоуправству, неповиновению властям, поджогу и грабежу помещичьих усадеб». При обыске в доме Марутко полиция обнаружила 20 экземпляров эсеровской прокламации «Народ и Дума», брошюры партии социал-революционеров «Катехизис солдатский», «В темную даль», «Песня труда», «Новая мысль», «Чего хотят социалисты», три экземпляра газеты «Земля и воля», а также «Письмо Белинского к Гоголю»⁶⁴.

Как уже отмечалось, правая эсеровщина смыкалась с анархизмом. В июле 1907 г. группа анархистов появилась в окрестностях Бобруйска. Она занималась грабежами и вымогательством денег⁶⁵.

Во время обысков в Минске в 1908 г. полиция обнаружила анархистскую литературу, в том числе брошюру М. Бакунина «Манифест анархистов» (на 32 страницах) с девизом: «Дух разрушения есть в то же время созидующий дух». В брошюре проповедовалась мысль о том, что «с полным уничтожением частной собственности должно идти полное уничтожение государства» («государственного вампира»), и декларировались лозунги, рассчитанные лишь на разжигание «революционных» эмоций⁶⁶.

Глубокий кризис и разложение переживали бундов-

⁶⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 82, л. 451.

⁶⁵ Виленский вестник, 1907, 31 июля.

⁶⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 705, оп. 1, д. 6, л. 1—5.

ские организации, которые в 1907—1908 гг. в некоторых местах пытались вести политическую агитацию. 11 января 1908 г. в Слуцке полиция произвела налет на организацию Бунда, причем во время обыска была найдена нелегальная литература и воззвание к солдатам. В Старых Дорогах был арестован учитель Тульман, принадлежавший к слущкой организации Бунда. Он распространял бундовские брошюры и прокламации⁶⁷. Бунд пополнял свои ряды в основном не из рабочих, а из мелкобуржуазных слоев населения и еврейской интеллигенции. Так, в Могилеве бундовская организация состояла из интеллигентов, что вызывало недовольство рабочих.

Как выяснилось из выступления бундовского делегата на V (Общероссийской) конференции РСДРП, в деятельности бундовских групп царил застой и упадок. В Минске, Могилеве, Слуцке, Пинске, Бресте связь бундовцев с массами была «почти совсем уничтожена», а в Гродно, Вильно и Витебске в бундовских организациях не было единства и произошел раскол на «легалистов» (ликвидаторов) и ортодоксов, т. е. сторонников прежней политики. «Бундовские организации,— указывалось в сообщениях с мест,— почти совершенно распались. Наиболее активные элементы эмигрировали в Америку, а широкая ремесленная масса во власти мелкобуржуазной психологии. Она примыкает к рабочему классу, когда дело клонится к победе, но в тяжелые минуты покидает своего союзника»⁶⁸.

В дальнейшем положение в бундовской партии не улучшилось. В 1909 г. витебская организация Бунда заключила с местной организацией РСДРП соглашение о совместной работе, так как из-за своей слабости она самостоятельно работать не могла, однако и после этого активности не проявила. VIII конференция Бунда (1910 г.) констатировала, что в Витебске, Могилеве, Орше, Сморгони, Полоцке не было дееспособных организаций, а в Минске и Ковно были только отдельные члены Бунда⁶⁹. Бундовцы шли на объединение с реакционным

⁶⁷ Минское эхо, 1909, 13 янв.

⁶⁸ Пролетарий, 1909, 12 февр.; Пролетарская революция, 1923, № 2, с. 452.

⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1909, д. 5, ч. 7, лит. «А», л. 87; Солодков Т. Е. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма, с. 86—87.

сионизмом, проповедуя среди еврейских рабочих идеи «экономизма» и буржуазного национализма.

С оживлением революционного движения положение у бундовцев почти не улучшилось. Лишь кое-где отмечались некоторые проявления деятельности. Так, до 10 мая 1910 г. в Волковыске издавался журнал «Голос Бунда», но затем типография была переведена в Лодзь, откуда нелегальная бундовская литература пересылалась в Двинск и другие места⁷⁰. В Витебске, согласно сообщению жандармерии, бундовская работа в 1909—1910 гг. почти не велась, так как там было всего четыре бундовца, которые не имели средств. Они распространяли журнал «Голос Бунда» и изредка нелегальную литературу.

Бундовцы пытались оказывать влияние на крестьянство, однако их идея отрыва еврейского движения от других революционных отрядов России не вызывала сочувствия в крестьянской среде. Лишь среди неразвитой части рабочих и еврейских ремесленников (а иногда и среди отсталой части крестьян, проживавших рядом с местечковым еврейством) бундовские призывы находили некоторый отклик. В этих призывах рабочим и крестьянам импонировали лозунги борьбы против царских чиновников и помещиков. Бундовская агитация при всей ее кажущейся революционности на деле была далека от идей подлинного интернационального единения революционных сил России. Выступая за культурно-национальную автономию для еврейского населения, за особые еврейские больницы или отдельный субботний отдых для евреев, бундовцы игнорировали общие задачи борьбы, сеяли недоверие и националистические настроения среди населения, раскалывали единый фронт революционного движения.

В 1905—1907 гг. революционная волна вынесла на поверхность общественной жизни Белорусскую социалистическую громаду, которая по своим взглядам, программным установкам и идеологии стояла близко к эсерам. Однако по политическому влиянию на массы БСГ даже в период революции отставала от других партий и не оказывала значительного влияния на деревню, хотя и пыталась идеологически воздействовать на крестьянство.

⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1910, д. 6, ч. 18, л. 5, 7, 21, 33, 34; ч. 12, л. 7—48.

Фактически дальше некоторого влияния на интеллигенцию, семинаристов и учащихся БСГ не пошла. Полиция доносила, что студент Молодечненской учительской семинарии Криводубский распространял в июле 1907 г. в д. Ячево Новогрудского уезда «революционную» литературу, изданную БСГ и эсерами. У крестьян были обнаружены брошюры «Свобода совести», «Чы будзе для ўсіх зямля?», «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць», книга «История революционного движения в России» и др. Криводубский на допросе показал, что «неизвестные» агитаторы, приезжавшие из Вильно, не раз привозили в Молодечненскую семинарию нелегальную литературу, которую затем он распространял среди крестьян д. Ячево. Ему помогал сосед Лука Колядко, который принес более сотни книжек для раздачи. Колядко вместе с Криводубским пели «демократические песни». В сентябре 1907 г. полиция произвела обыск в общезитии семинарии и обнаружила у семинариста Николая Шилы газеты (девять названий) и брошюры эсеровского содержания, а у Леонида Шашуры — шесть брошюр БСГ. Еще до этого, в августе 1907 г., при обыске в д. Безверковичи Новогрудского уезда на квартире ученика Молодечненской семинарии Михаила Войцеховича были найдены громадские издания (всего 10 названий). Брошюра «Чего хотят люди, которые ходят с красными флагами?» была обнаружена в сентябре 1909 г. в д. Огородники Брестского уезда у крестьянина П. Марчука ⁷¹.

Тот факт, что БСГ распространяла эсеровскую литературу, объясняется духовной близостью обоих течений. Белорусская громада пыталась захватить в свои руки руководство народными массами, стать представительницей интересов всей белорусской нации. Однако ей не удалось реализовать свои националистические устремления. Трудящиеся массы Белоруссии отказались признать в лице БСГ своего духовного и политического вождя. Таким вождем рабоче-крестьянских масс стала партия большевиков *. Неустанная борьба большевиков с

⁷¹ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 964, л. 1—3; ЦГИА БССР в Минске, ф. 9, оп. 1, д. 149, л. 43.

* Вопрос о проявлениях национального гнета в Белоруссии изучен в монографии Е. И. Корнейчика «Беларуская нацыя» (*Карнейчык Я. І. Беларуская нацыя.*— Мінск, 1969).

оппортунизмом поднимала революционную активность местных социал-демократических организаций, повышала теоретическую закалку коммунистов, способствовала росту идейного влияния партии в городе и деревне.

Крестьянские выступления против помещиков и царских властей

Хотя под ударами реакции крестьянское движение в 1907—1909 гг. ослабело по сравнению с 1905—1906 гг., тем не менее оно не только не прекратилось (как думали упоминавшийся выше К. Керножицкий и другие историки), но в некоторых местах достигало значительного размаха и носило острый характер. Изучение крестьянского движения подтверждает вывод В. И. Ленина о том, что в годы столыпинщины продолжала сохраняться общая революционная ситуация. В стране не только сохранялось, но и росло революционное настроение масс, и в частности крестьянства, нарастали элементы нового политического кризиса и революционного взрыва.

В тезисах, принятых на XIV конференции РКП(б), отмечалось, что «в России революционная ситуация сложилась к 1901—1902 гг. совершенно определенно. В 1904—1905 гг. мы имели уже непосредственно-революционную ситуацию, перешедшую к концу 1905 г. в прямую революцию (однако не победившую). В 1906—1907 гг. большевизм продолжал считать ситуацию непосредственно-революционной. С 1908 г., примерно, по 1915 г.— большевизм считал, что непосредственно-революционной ситуации в России уже нет, но общая революционная ситуация, неизбежно чреватая второй революцией, налицо. С 1908 по 1911 г. самодержавие, казалось, стабилизируется. Столыпинская аграрная политика характеризовалась большевиками как «еще один шаг по пути превращения царизма в буржуазную монархию». И тем не менее общая революционная ситуация оставалась. И большевики строили всю свою тактику на предвидении второй революции. С 1916 г. вновь стала складываться непосредственно-революционная ситуация, которая в 1917 г. вылилась в революцию»⁷².

⁷² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1970, т. 3, с. 208.

Таким образом, в тезисах партии дается глубокий анализ классовой борьбы и развития революционного кризиса в России в начале XX в. На это обращал внимание В. И. Ленин, который в 1908 г. писал: «...мы переживаем... *гражданскую войну*... правительство не управляет, а воюет... состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания»⁷³.

Непрекращающаяся революционная борьба масс вынуждала царские власти вводить положение «усиленной охраны» в различных городах и уездах России. 25 ноября 1907 г. указом царя был продлен до 8 декабря 1908 г. срок действия «усиленной охраны» в Пружанском и Кобринском уездах Гродненской губернии. В феврале 1908 г. усиленная охрана была продлена еще на год в Витебской губернии, а в апреле — в Гродно, Вильно и Сморгони. В это же время военное положение было введено в Двинске⁷⁴.

Жестокими репрессиями царизм надеялся добить революционное движение, и в частности крестьянское. Однако это ему не удалось. Несмотря на неудачу революции 1905—1907 гг., деревня уже не могла вернуться к состоянию предреволюционного «покоя». Бурный период событий 1905—1907 гг., суровая школа классовой борьбы оставили неизгладимый след в сознании крестьянской массы. Перемену в настроении деревни после 1905 г. отмечали сами помещики и царские чиновники. В отчете царю за 1907 г. витебский губернатор сообщал, что «агитация, имевшая место среди сельского населения в 1905 и 1906 гг., оставила заметный след в виде общей нравственной разнузданности крестьян и особенно молодежи. Наиболее часто революционная зараженность сельского населения проявлялась в грубом нарушении прав личности и частной собственности»⁷⁵.

Подавляя аграрное движение силой оружия, царские власти не отказывались от идеологических средств воздействия на крестьянство. Это была старая политика «кнута и пряника», причем кнут (полицейская дубинка) был на первом месте, а «пряник» (политика посулов и

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 449.

⁷⁴ ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, оп. 33, д. 25, л. 209, 236—237; Весь Северо-западный край, 1908, 29 февр.

⁷⁵ ЦГИА СССР, библиотека I отд., отчеты губернаторов за 1907 г., с. 38.

обещаний) — на втором. В качестве средств идеологического влияния применялись демагогические «увещевания» крестьян, агитация со стороны черносотенцев, предводителей дворянства, монархически настроенных учителей и т. д. Одновременно выпускались печатные воззвания, публиковались объявления и призывы к сельскому населению в газетах (корреспонденции которых о крестьянских волнениях цензура стала запрещать, чтобы не «возбуждать умы»).

3 июля 1907 г. в «Гродненских губернских ведомостях» было помещено «объявление» губернатора о том, что «в минувшем году течение жизни... было омрачено посягательствами и насилиями против личности и чужой собственности — выгонялся скот на чужие пастбища, производились запашки чужих земель, снимались работы, совершались поджоги хлеба и сена и другие злодейские действия». Губернатор угрожал, что «ежели паче чаяния найдутся злонамеренные лица, которые начнут сеять смуту и подстрекать к беспорядкам или учинять своеволие и насилия», то их «я прекращу тотчас в самом зародыше и во что бы то ни стало всеми средствами до оружия включительно»⁷⁶. Однако, несмотря на губернаторские угрозы, «злонамеренные лица» не прекращали «своеволия и насилия» на протяжении 1907 г. и всех последующих лет.

Могилевский губернатор барон Нолькен, обеспокоенный неутихающим брожением в деревне, отправился зимой 1909 г. в продолжительный вояж по «городам и весям» вверенной его управлению территории. Газеты со всеми подробностями в верноподданническом духе живо писали о том, как «его высокопревосходительство» самолично «обозревает» города и местечки. Барон интересовался главным образом «видами на урожай и общим настроением населения». По пути следования губернатора во время «торжественных встреч», на которые съезжались все окрестные волостные старшины и сельские старосты, губернатор, обращаясь к ним, особенно настойчиво убеждал «разъяснить крестьянам всю пользу расселения на хутора, а также вменять в обязанность крестьянскому населению верить своим земским начальникам»⁷⁷.

⁷⁶ Гродненские губернские ведомости, 1907, № 52.

⁷⁷ Северо-западный голос, 1909, 4 февр.

Крестьянское движение периода реакции и нового революционного подъема отличалось от аграрной борьбы 1905—1907 гг. рядом особенностей. Движение 1905—1907 гг. реализовывалось главным образом в «традиционных» формах борьбы, существовавших задолго до него (порубка леса, пастьба скота, поджоги, разгромы усадеб и т. п.). В годы реакции наряду с этими формами возникло новое направление крестьянской борьбы — движение против столыпинской хуторизации. Оно было направлено против новой аграрной политики и защищавших ее царских властей. С этой борьбой была тесно связана другая — классовая война внутри крестьянства. Обострение второй социальной войны после 1905—1907 гг. — важная особенность крестьянского движения изучаемого периода. Известно, что во время первой русской революции классовая борьба внутри крестьянства не получила значительного развития, хотя кое-где она находила свое выражение в выступлениях крестьянской «громады» против сельских богатеев. Причинами слабого развития второй социальной войны были недостаточный уровень развития капитализма в сельском хозяйстве, многочисленные пережитки крепостничества, тормозившие рост классовой дифференциации и расслоения крестьянства, господство помещиков в деревне. После революции 1905—1907 гг. положение изменилось, особенно под влиянием столыпинской реформы, представляющей собой вторую помещичью чистку земель для капитализма. Столыпинщина ускорила рост капитализма в сельском хозяйстве, углубила социальный раскол в деревне, обострила классовые противоречия. Таким образом, движение против новой аграрной политики, хуторизации и классовая война внутри крестьянства были между собой тесно связаны. В то же время обострение классовых противоречий внутри крестьянства не снимало с повестки дня борьбу его зажиточно-кулацкой части против помещичьего землевладения и пережитков крепостничества. Кулаки и капиталисты сами стремились занять место помещиков, завладеть их землей, а поэтому общекрестьянская борьба против самодержавно-помещичьего строя по-прежнему оставалась главной линией классовой борьбы в деревне.

Отличительная особенность крестьянского движения периода реакции — его оборонительный, разрозненный

характер и почти полное отсутствие массовых крестьянских выступлений, которые были обычным явлением в революции 1905 г.

Гродненский губернатор в отчете царю за 1908 г. писал, что «аграрное движение, так же как и рабочее, совершенно потеряло свой массовый характер и проявления крестьянского своеволия над помещиками и их имуществом... быстро прекращались мерами полиции и административными взысканиями»⁷⁸. О том же сообщал витебский губернатор, который отмечал, что в 1908 г. в губернии имели место лишь «единичные выступления революционного характера». Правда, это была попытка приукрасить положение, ибо губернатор тут же вынужден был признать, что по-прежнему много хлопот для полиции «дают грабежи и разбои, являющиеся естественным последствием революционного угара 1905—1907 гг.» Под последними подразумевались главным образом антипомещичьи крестьянские выступления⁷⁹.

По всей Белоруссии в годы реакции зарегистрировано более 300 выступлений, из них на первую социальную войну приходилась преобладающая часть — свыше 70%. Остальные были связаны со второй социальной войной, направленной против кулачества и сельских капиталистов. Из общего количества выступлений поджоги имений и имущества помещиков и казны составляли 21,9%, самовольная пастьба скота — 10,9, порубки помещичьего леса — 8,6, борьба за сервитуты — 5,6, убийства помещиков, управляющих, арендаторов — 3,3, убийства лесников, старост, полицейских — 4,6, захват земли и леса — 4,9, снятие рабочих в имениях — 0,6, забастовки помещичьих сельскохозяйственных рабочих — 2,7, смещение сельских должностных лиц — 0,6, отказ от выполнения повинностей, уплаты податей и сборов — 2,6, сопротивление властям и полиции — 4,3, поджоги имущества сельских кулаков и капиталистов — 13,0, разгром кулацких хуторов — 0,3, отравы угодий хуторян — 1,0, отказ выходить на хутора и отруба — 8,9, другие выступления — 3,3% (табл. 5).

Хотя из двух разнородных потоков аграрной борьбы

⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 17, д. 1612, л. 22.

⁷⁹ Там же, библиотека I отд., отчеты губернаторов царю за 1908 г., л. 60—65.

Крестьянское движение в Белоруссии

Уезд	Первая социальная война									
	Порубки леса	Пастьба скота	Борьба за сервитуты	Захват земли, лугов, леса	Поджоги имений и имущества	Убийства помещиков, арендаторов	Убийства лесников, полицейских и старост	Захват имущества	Снятие рабочих в имениях	Забастовки сельскохозяйственных рабочих
Минский	1	1	4	1	5	—	—	—	—	—
Борисовский	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Бобруйский	—	—	1	—	2	—	2	—	—	—
Игуменский	1	2	1	1	6	—	1	—	—	—
Пинский	—	3	1	—	3	—	—	—	—	—
Мозырский	—	—	2	—	—	2	3	—	—	1
Новогрудский	—	1	—	—	8	1	—	2	—	—
Речицкий	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Слуцкий	—	1	1	—	—	—	1	—	—	1
Могилевский	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—
Быховский	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Гомельский	—	2	—	—	2	2	1	—	—	1
Горецкий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Рогачевский	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
Оршанский	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—
Климовичский	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
Мстиславский	—	—	—	—	3	1	1	—	—	—
Сенненский	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Чаусский	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Чериковский	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—
Витебский	3	—	—	1	2	—	—	—	—	—
Городокский	2	3	—	1	5	—	—	—	—	—
Полоцкий	8	3	—	2	4	—	—	—	—	1
Дриссенский	2	1	2	2	—	—	—	1	—	1
Лепельский	6	3	—	3	11	—	—	—	—	—
Гродненский	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Брестский	2	3	2	—	2	1	—	—	—	—
Волковысский	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—
Кобринский	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—
Пружанский	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Слонимский	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—
Вилейский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ошмянский	—	—	—	1	1	1	1	—	—	—
Всего	26	33	17	15	66	10	14	2	2	8
В %	8,6	10,9	5,6	4,9	21,9	3,3	4,6	0,6	0,6	2,7

* Данная и последующие таблицы составлены на основании материалов, ствующие годы.

Таблица 5

в годы реакции (июнь 1907—1909 гг.)*

						Вторая социальная война							
Отказ от уплаты налогов и сборов	Отказ от повинностей	Смещение сельских старост	Сопrotивление властям и полицаи	Другие выступления	Отказ выходить на хутора и отруба	Поджоги имущества кулаков и капиталистов	Потравам угодий кулаков	Сопrotивление властям и землемерам	Забастовки сельскохозяйственных рабочих	Разгром усадеб кулаков	Другие выступления	Всего	
—	—	—	2	—	2	3	—	1	—	—	1	19	
—	—	—	1	1	4	—	—	—	—	—	—	7	
—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	12	
—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	14	
—	—	—	2	—	1	2	1	—	—	—	—	12	
—	—	—	—	1	—	4	—	—	—	—	—	10	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	
2	—	—	1	—	2	2	—	1	—	—	—	2	
—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	—	1	11	
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	
—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	9	
—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	6	
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	3	
1	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	6	
—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	7	
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	8	
—	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	6	
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	
—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	11	
—	—	—	—	2	3	6	—	—	—	—	—	17	
—	2	2	—	—	4	1	—	—	1	—	—	22	
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	20	
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	
1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	25	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
—	—	—	1	—	1	—	—	2	—	—	—	13	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	4	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	3	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	
5	3	2	13	7	27	39	3	6	1	1	3	303	
1,6	1,0	0,6	4,3	2,3	8,9	13,0	1,0	2,0	0,3	0,3	1,0	100	

зайствованных из архивных фондов и из периодической печати за соответ-

главной была борьба против помещиков, в то же время постепенно набирало силу и антикапиталистическое движение. Наиболее распространенными формами антипомещичьей борьбы были захваты сервитутов и земли, поджоги имений и имущества, самовольная пастьба скота, порубки леса. На эти виды (формы) борьбы приходилось более половины выступлений.

За июль—декабрь 1907 г. зарегистрировано по всей Белоруссии (35 уездов) 83 крестьянских выступления, в 1908 г.— 129, в 1909 г.— 91. Таким образом, в годы реакции не было затишья в деревне.

Значительный размах движение получило в белорусских уездах Витебской губернии, где произошло 94 крестьянских выступления, в Могилевской губернии — 71. В самой большой по территории губернии — Минской зарегистрировано 104 выступления, в шести уездах Гродненской губернии — 29, в белорусских уездах Виленской — 5 (табл. 6).

Если в белорусских уездах Витебской губернии в среднем на волость приходилось 0,96 выступлений, то в Минской — 0,51, Могилевской — 0,48, Гродненской — 0,21, Виленской — 0,06.

Главной причиной обострения социальных противоречий, вызывавших повышенную активность крестьян, являлись малоземелье и гнет помещиков в деревне. На Витебскую губернию приходится в конце XIX в. самый большой в Белоруссии процент безземельных крестьянских дворов (9,7%). Мало чем отличалась от нее и Минская губерния, где безземельные хозяйства составляли 8,3%⁸⁰. Согласно статистике 1905 г., Минская, Могилевская и Витебская губернии по размерам крестьянского землевладения относились к числу наиболее «малоземельных». Как указывалось выше, в среднем на двор наделной земли приходилось меньше всего в Могилевской губернии (8,2 дес.), а затем в Минской (9,1 дес.). В Витебской губернии средние наделы были несколько выше (11,5 дес.), однако здесь более высоким был процент малоземельных. По данным за 1908 г., число крестьян, имевших до 3 дес. на двор, составляло в губернии 35,4% всех хозяйств, а в отдельных уездах доходило до 76,4%⁸¹.

⁸⁰ Документы и материалы по истории Белоруссии.— Минск, 1953, т. 3, с. 184.

⁸¹ Обзор Витебской губернии за 1908 г.— Витебск, 1909, с. 9.

В годы реакции по числу выступлений выделялись следующие уезды: Лепельский (25), Городокский (22), Полоцкий (20), Минский (19), Витебский (17), Новогрудский (17), Брестский (13), Могилевский, Чериковский и Слуцкий (по 11), Гомельский (9). В целом движение характеризовалось падением боевого духа, ослаблением революционной энергии масс.

Это не исключало отдельных крупных вспышек крестьянских волнений, которые, с одной стороны, были слабым эхом отгремевшей революционной грозы 1905 г., а с другой — предвестником надвигавшейся «новой пугачевщины», которая всегда, как домоклов меч, висела над господствующими классами России.

Одной из распространенных форм аграрного движения являлась самовольная пастьба скота на помещичьих землях. На нее приходилось 33 выступления. За 1907—1909 гг. к самовольной пастьбе прибегали крестьяне 53 селений, входивших в состав 29 волостей.

Если в период революции 1905 г. движение нередко охватывало целые волости и уезды, то с наступлением реакции не зарегистрировано ни одного случая одновременного участия в нем крестьян всей волости (не считая пассивных отказов от уплаты податей). Даже выступления всей деревней встречались не часто. Нам удалось установить, что во второй половине 1907 г. произошло только шесть выступлений крестьян всей деревней против полиции и три выступления — одновременно тремя-четырьмя деревнями. В 1908 г. количество массовых выступлений выросло до 15, в пяти из них участвовали от 60 до 100 человек, в семи — одновременно крестьяне двух или нескольких деревень, в трех — вся волость (отказ от уплаты податей и сборов). На протяжении 1909 г. отмечено семь массовых выступлений, из них только три охватывали две или более деревень и одно — всю волость (тоже в пассивной форме отказа от уплаты налогов). Правда, это неполные данные, так как в немалом числе случаев невозможно определить количество участников выступления.

Все вышесказанное не означало снижения общего революционного потенциала деревни, так как «горючий материал» в целом сохранился, хотя и понес в 1905—1906 гг. крупные потери. Все же налицо были огромная усталость и ослабление размаха борьбы. Это приободри-

Крестьянское движение в Белоруссии в годы

Уезд	Январь		Февраль		Март		Апрель		Май		Июнь		
	1908	1909	1908	1909	1908	1909	1908	1909	1908	1909	1907	1908	1909
	Минский	—	—	—	—	—	—	2	—	3	—	1	2
Бобруйский	—	—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	3	1
Пинский	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	2	—
Слудский	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Игуменский	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—
Новгородский	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3	—	—
Мозырский	1	—	—	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—
Речицкий	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Борисовский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2
Могилевский	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Быховский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Гомельский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Горецкий	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Климовичский	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	1
Мстиславский	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Оршанский	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	1
Рогачевский	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Сенненский	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чаусский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Чериковский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Гродненский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Брестский	1	—	1	—	1	1	2	—	—	—	—	1	—
Волковысский	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Слонимский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пружанский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кобринский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
Витебский	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	1
Городокский	—	—	1	—	1	—	—	1	1	—	2	—	3
Дриссенский	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	2	1	—
Лепельский	3	—	—	—	—	—	2	—	1	2	—	1	—
Полоцкий	—	—	1	—	2	—	—	—	2	—	2	3	—
Ошмянский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Вилейский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего	5	4	6	5	10	2	10	2	14	16	14	15	12
В %	1,6	1,3	1,9	1,6	3,4	0,7	3,4	0,7	4,7	5,3	4,7	4,9	3,9

Таблица 6

реакции (июнь 1907—1909 гг.) по месяцам

Июль			Август			Сентябрь			Октябрь			Ноябрь			Декабрь			Всего
1907	1908	1909	1907	1908	1909	1907	1908	1909	1907	1908	1909	1907	1908	1909	1907	1908	1909	1907—1909
1	—	—	1	1	—	—	1	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	19
—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	12
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	12
2	1	—	1	2	1	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	11
—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	14
—	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	17
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	303
16	6	6	17	6	14	3	21	9	14	23	13	15	7	2	7	3	7	100
5,3	1,9	1,9	5,6	1,9	4,7	0,9	6,8	2,7	4,9	7,6	4,3	4,9	2,3	0,7	2,3	0,9	2,3	100

ло помещиков и царские власти, которые, со страхом вспоминая грозный 1905 г. и сравнивая масштабы борьбы, теперь стали надеяться на полное «замирение» деревни. Некоторые губернаторы в своих отчетах царю, несмотря на непрекращавшееся движение, склонны были сочинять успокоительные реляции. Однако успокоения царизм и помещики так и не получили. Крестьяне продолжали борьбу, хотя и другими методами.

Лесничий Городокского казенного участка сообщал 19 июня 1907 г. витебскому губернатору, что население ряда деревень Болоцкой волости тайно по ночам заготавливало на казенные лесные дачи Сельцы и Ферма табуны лошадей, чем довело молодой лес «до запустения». Несмотря на ночные обходы и объезды лесных владений с полицейскими стражниками, случаи самовольной пастбы не прекратились. По свидетельству полиции, «крестьяне стали оказывать даже вооруженное сопротивление» ружьями и револьверами. В донесении указывалось, что, «угрожая смертью», крестьяне безнаказанно хозяйничали на дачах, а при облавах скрывались. В ответ на захват скота на казенных пастбищах у соседнего лесника были сожжены хозяйственные постройки⁸².

Активными проводниками революционного влияния были передовые рабочие и крестьяне, которые являлись инициаторами аграрных выступлений. Так, в м. Крошин Новогрудского уезда с 1906 г. не прекращались самовольная пастба скота, порубки помещичьего леса, которые происходили под влиянием агитации жителей местечка В. Турко и С. Грегоровича. В. Турко, возвратившись из Варшавы, где он служил на железной дороге, призывал крестьян к нападению на имения и к отказу работать у помещика Святополк-Завадского. Вместе с Турко революционной агитацией занимался также крестьянин С. Грегорович, побывавший в Америке. В сентябре 1907 г. В. Турко, обращаясь к односельчанам, говорил, что земля должна принадлежать им, а не помещику, поэтому надлежит сначала приступить к самовольной пастбе скота и рубке леса, после чего разгромить и само имение. Он же призывал пасти скот на засеянных клевером помещичьих угодьях и «всячески разорять имение». При этом Турко «внушал крестьянам

⁸² ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2308, л. 2.

ту мысль, что начальство сосет их кровь и что им не следует слушаться начальства». Полиция с тревогой сообщала, что Турко «действительно ведет среди крестьян усиленную агитацию, побуждая их к насильственному захвату помещичьих земель и что в последнее время (сентябрь 1907 г.— Л. Л.) на заборах и стенах имения помещика Завадского появились надписи: «Спалим». Такую же агитацию вел Степан Грегорович, при обыске у которого была найдена брошюра с печатью комитета Минской окружной крестьянской организации РСДРП под заглавием «Косвенные налоги», изданная Северо-западным союзом РСДРП в январе 1906 г. Во время ареста агитаторов собралась толпа в 40 человек, которая пыталась оказать сопротивление полиции⁸³.

Политическая агитация имела неизменный успех в деревне, где для нее подготовили почву помещичий гнет, малоземелье и бесправие крестьянина, который с жадностью слушал революционные речи.

В Тоболковской волости Дриссенского уезда агитацию среди населения проводил волостной писарь Эрдман, который, по свидетельству полиции, «занимался возмущением крестьян своей волости к неуважению и неповиновению властям», подговаривал к составлению приговора об удалении местного полицейского урядника, заявляя, что крестьяне сами могут выбрать себе урядника по своему желанию. Не ограничившись этим, писарь начал агитировать против царской власти. Он говорил, что «царь только о богатых заботится, а о бедных не думает». Такое поведение Эрдемана, выходящее за рамки «благонадежности» волостных писарей (верой и правдой служивших «царю и отечеству» и обиравших, сколько доставало возможности, окрестных мужиков), объяснялось его принадлежностью к революционной организации. В донесении полиции отмечалось, что «Эрдман состоит в Польской революционной партии и своей целью поставил обессилить влияние помещиков на крестьян»⁸⁴. Очевидно, Эрдман был членом Польской социалистической партии, которая пыталась вести агитацию среди сельского населения.

В Минской губернии потравы лугов и выпасов часто

⁸³ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 936, л. 1—2.

⁸⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 3243, л. 1—8.

происходили в имении графа Потоцкого. Газета «Минское слово» сообщала в январе 1908 г., что Потоцкий предложил минской общине сестер милосердия Красного Креста принять в дар целую грудку исполнительных листов, заведенных на крестьян по обвинению в потравах. Однако община отказалась от графского «дара»⁸⁵.

Если в Минской, Гродненской и Витебской губерниях самовольная пастьба производилась сравнительно часто, то в Могилевской губернии зарегистрированы лишь единичные случаи. Так, в Ветковской волости Гомельского уезда в июне 1909 г. на пастбищах помещика Сеноженского был захвачен крестьянский скот. Узнав об этом, толпа в 150 человек двинулась в имение и потребовала возвратить скот, что и было исполнено управляющим⁸⁶.

В Гродненском уезде острый характер борьба носила в деревнях Рудавицы и Корозичи. Полиция доносила в июне 1908 г., что жители этих деревень «почти постоянно выпасают свой скот открыто и самовольно на чужих полях, принадлежащих имению Рудавицы, и причиняют потравы посевам овса, гороха и клевера». Далее в донесении указывалось, что «главнейшими подстрекателями и агитаторами среди крестьян к такому своевольно являются сельский староста д. Рудавицы Василий Зенкевич и крестьянин Фома Жуковский»⁸⁷.

Немало хлопот помещикам и царским властям причиняли непрекращавшиеся порубки помещичьего и казенного леса. Чаще всего они производились в Витебской губернии. В порубках, зарегистрированных в Белоруссии, в общей сложности участвовали крестьяне 35 сел и деревень, которые входили в 21 волость.

Нередко порубки были причиной крупных столкновений крестьян с полицией. Одно из них произошло в 1908 г. в Бобруйском уезде в имении Стужки. Полицейский урядник обнаружил в д. Чирковичи на огороде крестьянина Аверкия Шкоды восемь осинового колода, срубленных в помещичьем лесу. При попытке забрать колоды на урядника набросилась толпа из 20 человек с топорами и кольями. На следующий день в Чирковичи

⁸⁵ Минское слово, 1908, 17 янв.

⁸⁶ Полесская мысль, 1909, 7 июля.

⁸⁷ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 27, д. 2911, л. 17—18.

явился пристав с конными стражниками, которые арестовали «подстрекателей». Против полиции выступила толпа в 500 человек, которая освободила арестованных. Однако это движение, как и другие, было подавлено силой оружия и закончилось арестом девяти «зачинщиков»⁸⁸.

В основе антипомещичьей борьбы здесь лежало обострение социальных противоречий, которые после 1905 г. продолжали накапливаться под спудом столыпинского «умиротворения» деревни.

Особенно частыми были мелкие порубки леса. Большая часть их оставалась неизвестной полиции и властям, так как производились они тайно. В имении Тересполь Витебского уезда крестьяне д. Бабашки и Васильковичи Мишковской волости в декабре 1908 г. по ночам небольшими группами (6—8 человек) рубили лес, который затем продавали в Витебске. Будучи не в силах бороться с мелкими порубками, лесная стража и полиция устраивали систематические «рейды» по деревням и селам. Такой способ борьбы с порубщиками практиковался в Смолевичской экономии Борисовского уезда. Но и крестьяне не оставались в долгу. Они мстили помещикам потравами, убийствами, поджогами и даже, хотя и в виде исключения, разгромами имений. Как последнее это отгремевшей грозы 1905 г., явился разгром в Гомельском уезде в конце 1907 г. имения Казимировичи помещика Козлова. Ночью туда ворвалась толпа крестьян, которые разрушили помещичий дом и забрали лесной материал⁸⁹.

Активный характер носила борьба за землю и сервитуты. Выступления на этой почве чаще отмечались в Минской губернии, на которую в годы реакции приходилось больше половины выступлений. В четырех западных губерниях, исключая Могилевскую, сервитуты в конце XIX в. охватывали 31% имений и 55% крестьянских дворов (около 130 тыс.)⁹⁰. Сервитутные отношения тормозили процесс развития капитализма в сельском хозяйстве, обостряли классовые противоречия в деревне.

⁸⁸ Минское эхо, 1909, 4 февр.

⁸⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 3524, л. 1; Минское слово, 1908, 28 окт.; Могилевский вестник, 1907, 20 ноября.

⁹⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.— Спб., 1900, т. 29, с. 639, 640.

С борьбой за сервитуты были тесно связаны другие формы движения, начиная от потрав и кончая убийствами и поджогами. Крупными выступлениями в Белоруссии на почве обострения сервитутных отношений в годы реакции были охвачены 32 населенных пункта, входивших в состав 16 волостей. Кроме того, отмечалось много мелких выступлений, которые нами не учитывались. В Минском уезде упорная борьба за сервитутный лес летом 1908 г. происходила между князем Радзивиллом и населением 12 деревень (Родьки, Голубы, Бурбовщина, Сивица, Углы, Лубки и др.). Несмотря на запрещения и судебные штрафы, крестьяне не прекращали самовольную пастьбу в сервитутных урочищах, за что подвергались преследованию. По требованию Радзивилла полиция производила массовые аресты, целыми толпами загоняя в тюрьмы «зачинщиков беспорядков» на шесть и более месяцев.

Такой же упорный характер носила борьба в имении Хрусталево Дриссенского уезда, где между крестьянами и помещиками еще в 1869 г. началась судебная тяжба из-за права пользования выгоном. Крестьяне не уступали, продолжая самовольно пасти скот на помещичьих полях и лугах, за что только в 1907 г. было предано суду 15 человек ⁹¹.

Широкое распространение в годы реакции получили поджоги помещичьих и казенных имений и имущества (66 поджогов). Более 1/3 поджогов были зарегистрированы в Минской губернии (24), за которой шли Витебская (22) и Могилевская (17). Витебский губернатор в августе 1907 г. разослал уездным исправникам секретный циркуляр, в котором говорилось: «Ввиду заметного учащения поджогов на аграрной почве и возможности еще большего усиления их с наступлением осеннего периода, прошу принять самые решительные меры к выяснению и поимке поджигателей» ⁹².

Весьма частыми были поджоги помещичьего леса. В июне 1909 г. сгорело 100 дес. леса в имении Михны дворянина Литвинова (Полоцкий уезд). Поджог совершил батрак. Тогда же сгорело 5 дес. леса в имении Соколица помещицы Разгоновой ⁹³.

⁹¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2502, л. 1—2.

⁹² Там же.

⁹³ Витебские губернские ведомости, 1909, 10 июня, 25 июня.

В некоторых местах поджоги совершались под влиянием революционной агитации. Пристав 5-го стана Гродненского уезда доносил в мае 1908 г., что лесные пожары 18, 19 и 22 мая в лесных дачах княгини Вяземской явились следствием «подстрекательской» деятельности крестьянина д. Новая Руда Берштовской волости Ивана Гриня, который «занимался агитаторством среди крестьян». Доносил на Гриня и других «неспокойных» односельчан староста Иван Хотян. Он характеризовал Гриня как человека «неспокойного», который «не признает судов и властей и других к этому подговаривает». Под влиянием агитации крестьяне самовольно вырубали целую десятину молодого леса, а землю сообща распалили. Староста указывал, что подобных «случаев подстрекательства со стороны Гриня было много», причем на предупреждения властей Гриня «не обращал внимания, а, напротив, еще более старался подстрекать против чужой собственности, к неповиновению властям». Характерно признание старосты в том, что «большинство крестьян поступки Гриня скрывают как единомышленники... и поэтому против него ничего не покажут»⁹⁴. Мы видим здесь зачатки крестьянской солидарности, которая рождалась в тяжелой и долгой совместной борьбе.

Объектами поджогов часто становились мельницы. В Мстиславском и Чериковском уездах Могилевской губернии на протяжении августа 1907 г. сгорели от поджога пять водяных мельниц и среди них мельница Мазаловского женского монастыря. По обвинению в поджогах было арестовано пять крестьян. Нередко поджоги были связаны с деятельностью «террористов». Их производили скрывавшиеся в лесах вооруженные крестьяне. «Могилевский вестник» сообщал, что одна из таких «разбойничьих шаек» в сентябре 1908 г. появилась в окрестностях м. Толочин. Деятельность ее отличалась «необыкновенной дерзостью» и сопровождалась частыми пожарами. Как затем выяснилось, «разбойниками» оказались вооруженные крестьянские парни⁹⁵.

Распространенной формой аграрной борьбы был террор против помещиков и их прислужников. Начиная с июня 1907 г. и до конца 1909 г. в Белоруссии зарегистрировано 24 случая убийства и большое число избиений

⁹⁴ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 27, д. 2909, л. 3—4.

⁹⁵ Могилевский вестник, 1908, 2, 18 сент.

помещиков, управляющих, арендаторов и других представителей и защитников господствующего класса. В имении Сытая Буда Гомельского уезда в конце июля 1907 г. восемь вооруженных крестьян ворвались в имение помещика Зенькевича, убили самого владельца и разграбили имущество. В августе 1908 г. в дом помещика Илинича (имение Сторожня Чериковского уезда) двое крестьян бросили через окно бомбу, взрывом которой были причинены большие разрушения. В Брестском уезде в марте 1909 г. выстрелом из ружья был убит помещик Мартин Толочко — владелец имения Великая Горелица⁹⁶.

Особенно часто убивали помещичьих прислужников — управляющих, урядников, стражников, лесников, охранников, старост, которые преследовали крестьян штрафами и всякого рода «запретами». В октябре 1909 г. трое крестьян убили управляющего имением Милашевичи Мозырского уезда Йосифа Смольского. Все они были присуждены к 10—12 годам каторги. На суде выяснилось, что Смольский за несколько лет до этого взял к себе в услужение 14-летнюю крестьянскую девочку и прижил с ней пятерых детей. Прогнав ее, он взял из той же деревни другую девушку. После этого возмущенные крестьяне застрелили Смольского из ружья через окно. Летом 1908 г. в Бобруйском уезде двое пастухов убили объездчика казенных лесов Хурса. Мотивом убийства послужило запрещение пасти крестьянский скот в казенном лесу⁹⁷.

В первое время после революции нередки были убийства полицейского начальства. В октябре 1907 г. урядник Хадкевич и семь стражников, приехав в м. Бели Микулинской волости Могилевской губернии, отправились «на угощение» к попу. Как только они сели «ужинать», раздалось четыре выстрела. Урядник был убит через окно. Полиция арестовала жителя д. Якубовщина Тимофея Воронцова, который ранее сидел в тюрьме за революционную деятельность. Он сознался, что в убийстве принимали участие пятеро крестьян, а целью убийства была месть за то, что урядник зверски пре-

⁹⁶ Могилевский вестник, 1907, 4 авг.; Западный Буг, 1909, 28 марта.

⁹⁷ Северо-западный голос, 1911, 3 июня; Мнское эхо, 1909, 30 янв.

следовал и истязал революционеров — жителей д. Тубольцы. В этой деревне в январе 1907 г. полиция арестовала несколько активных участников движения 1905 г., одного из которых убил Хадкевич⁹⁸.

Следует отметить большое число неудачных покушений на полицейских и представителей царской власти. Хотя мы их не учитывали, они представляют интерес, так как дополняют картину классовой борьбы в деревне. В качестве примера можно привести нападение на урядника в Бескатовской волости Витебской губернии. В мае 1908 г. в д. Москалево, где происходила свадьба, из д. Коптеяново и Павловичи той же волости пришли крестьяне Федор Пыльченок, Трифон и Тарас Пановы, вооруженные револьвером и ножами. Распевая песню «Вставай, подымайся, рабочий народ!», они, согласно полицейскому донесению, начали «буйствовать», призывая крестьян не подчиняться властям. Увидев урядника, они с криком: «Бейте урядника!» бросились на него. Один из нападавших выстрелил, но промахнулся⁹⁹.

Убийства нередко совершались с целью устранения полицейских, кулаков, зажиточных крестьян, выдававших властям революционеров. Так, в селении Перерост Могилевской губернии в октябре 1909 г. был убит священник Чулицкий. Он выдавал полиции активных участников революции из этого села, почти все жители которого в 1905—1906 гг. участвовали в революционном движении. Узнав об убийстве, полиция окружила село и начала проводить повальные обыски, допросы, избивая всех «подозрительных». Затем были окружены соседние деревни Васильевка и Борщевка, где экзекуции и бесчинства повторились. В Васильевке полиция нашла четыре револьвера и три винтовки с патронами. Обыски и избивания не дали результата, так как крестьяне отказались выдать «зачинщиков». На помощь полиции пришли «благонадежные мужики» (как они именуются в полицейских документах). Стражники возили «благонадежных» по селам, где они «опознавали» и выдавали активных участников революции 1905 г. По указанию «благонадежных» была оцеплена д. Быки, где тоже начались повальные обыски, избивания и аресты. Местные кулаки

⁹⁸ Могилевский вестник, 1907, 12 окт.

⁹⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2984, л. 1.

донесли, что в с. Борщевка скрывается Георгий Шкедов, бывший административно высланный за «порочное поведение» из Одессы в Архангельскую губернию. Чтобы обнаружить его местонахождение, полиция «стала подбирать себе агентов из среды самих жителей. Таким путем удалось узнать, что Шкедов и его «сообщники» спрятались в с. Крупицы на сеновале местного старосты П. Никитенко. 4 ноября 1909 г. дом и сеновал старосты были оцеплены полицией. В завязавшейся перестрелке, которая продолжалась около двух часов, погибли Г. Шкедов и еще один крестьянин, а четверо других были арестованы. Полиция захватила оружие и патроны. Однако, несмотря на усердную помощь кулаков, обнаружить и схватить всех «подозрительных» не удалось. Уездный исправник с сожалением констатировал, что «одна крупная группа разбойников все еще скрывается в тех краях»¹⁰⁰.

Обращает на себя внимание размах полицейской операции. Она потребовала концентрации крупных полицейских сил почти всего уезда, охватила много деревень и продолжалась две недели (с 22 октября до 5 ноября).

Мы видим, что в годы реакции полиция далеко не беспрепятственно хватала «подозрительных» и учиняла над ними расправы, как иногда освещается этот период в литературе. Крестьяне упорно сопротивлялись наступавшей реакции, защищали революционеров, вели вооруженную борьбу с карательными отрядами. Царским властям помогали кулаки, которые еще в период революции 1905 г. враждебно вели себя по отношению к «бунтовщикам», а в годы реакции стали открыто оказывать содействие контрреволюции. Это в немалой степени явилось следствием столыпинской хуторизации. Растущая сельская буржуазия теперь еще больше повернула вправо. Увидев и почувствовав «блага» новой аграрной политики, считая поражение революции окончательным, кулачество подняло голову и стало активно включаться в сотрудничество с помещиками и царизмом. С течением времени эта классовая поляризация деревни росла и углублялась, создавая, с одной стороны, новые элементы революционного взрыва, а с другой — формируя кадры будущей вооруженной контрреволюции в лице кулачества и сельских капиталистов.

¹⁰⁰ Могилевский вестник, 1909, 17 ноября.

В общем потоке аграрного движения следует отметить стачки сельскохозяйственных рабочих, которые в годы реакции из-за тяжелых условий борьбы происходили редко. Нами учтено только девять забастовок, носивших экономический и оборонительный характер. В мае 1908 г. произошла стачка в имении Бельковщина Дриссенского уезда, где оставили работу десять рабочих, руководимые Е. Адамкевичем.

В Витебском уезде весной 1909 г. происходили волнения батраков в имении Емельяново помещика И. Богдановича. Последний сообщал губернатору, что между своими рабочими он «стал замечать брожение, выражавшееся в грубом с ним обращении, предъявлении претензий и угрозах бросить работу и уйти со службы». Виновным в «подстрекательстве» оказался крестьянин д. Загородно Веляшковской волости Кирилл Павлов, призывавший батраков прекратить работу, чем и заставил помещика повысить им зарплату¹⁰¹.

Во многих волостях Белоруссии продолжалась крестьянская борьба в форме отказа от уплаты податей, выполнения повинностей и смещения должностных лиц сельской администрации. В марте 1908 г. попытка смещения была произведена в д. Быковичи Новогрудского уезда, где крестьянин Александр Плескач «подстрекал» односельчан к неуплате податей и неподчинению начальству. Как сообщала полиция, «он обратился к крестьянам с речью, в которой доказывал необходимость замены существующего порядка путем всеобщей подачи голосов всех жителей волости и уговаривал отказать выбранным по старому порядку должностным лицам волостного правления в выдаче жалованья». Под влиянием Плескача толпа 6 марта 1908 г. ворвалась в волостное правление и, разбив окно, с криками потребовала прекратить волостной сход, что и было сделано. Полицейский урядник доносил, что руководителем толпы вместе с Плескачем выступал учитель д. Синявская Слобода Мефодий Вошестик. В доме Плескача не раз собиралась молодежь, которая пела «Марсельезу» и другие революционные песни. На сходах Плескач и Вошестик убеждали поджигать помещичьи строения.

¹⁰¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 53704, л. 256; д. 3415, л. 1—2.

В д. Быковичи Вошестик, обращаясь к крестьянам, доказывал, что «не нужно вообще никакого начальства»¹⁰².

Борьба за упразднение «всякого начальства», в том числе за смещение сельских должностных лиц, была выражением крестьянского протеста против системы царского бюрократического управления, и в частности против гнета и притеснения со стороны низшего звена административной власти. Эта власть ближе всего стояла к крестьянам и крайне угнетала их. Крестьяне страдали от различных поборов, шедших на содержание волостных и сельских «вампиров», количество которых росло. Так, в Могилевской губернии в 1908 г. на содержании крестьян находилось 1997 сельских старост, 145 волостных старшин, 360 сборщиков податей, 1245 смотрителей хлебозапасных магазинов, 110 заседателей волостных правлений, 580 волостных судей, 54 земских начальника, несколько тысяч волостных и сельских писарей. Количество же крестьян мужского пола составляло в губернии около 766 тыс.¹⁰³ Таким образом, каждые 110—120 крестьян обязаны были содержать одного царского прислужника из местного «крестьянского» управления. Но дело было не только в тяжести налогового бремени. Выступая против властей, крестьяне тем самым выражали враждебную противоположность своих интересов интересам царских ставленников.

Отмечая остроту классовой борьбы в деревне, нельзя обойти столкновений крестьян с полицией. Чаще всего они происходили в Минской и Могилевской губерниях. Борьба крестьянского населения с конными и пешими отрядами полиции выростала из менее активных форм движения — порубок леса, самовольной пастьбы, сервитутных тяжб и т. п. Следует отметить, что почти все крупные схватки с полицией в этот период заканчивались расстрелом крестьян. Так произошло в д. Подлесье Брестского уезда, где 15 ноября 1907 г. отряд конных стражников (20 человек) открыл огонь по толпе, отказавшей внести штраф за потраву помещичьих угодий¹⁰⁴.

Участившиеся зверства полиции, применение оружия

¹⁰² ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 1057, л. 2.

¹⁰³ Обзор Могилевской губернии за 1907 г.— Могилев, 1908, с. 15.

¹⁰⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2767, л. 162.

против крестьян объяснялись тем, что после 1905 г. полиции был дан приказ при малейшей попытке сопротивления стрелять в народ. Например, в циркуляре витебского губернатора от 1 июня 1907 г. указывалось, что «чины полицейских команд и стражи при употреблении оружия во время беспорядков не должны производить выстрелов боевыми патронами вверх», а должны стрелять прямо в толпу. Полиция так и делала, о чем свидетельствуют события в д. Новый Поселок Слуцкого уезда, где во время расстрела в январе 1909 г. было убито 6 человек и арестовано 60¹⁰⁵.

Можно понять психологию крестьянина, который забывал об опасности всякий раз, когда сталкивался с угрозой потерять последние пожитки, добытые непосильным трудом. Когда полиция на глазах голодной семьи уводила со двора последнюю корову, тут нельзя винить в пренебрежении к собственной жизни бедняка, бросавшегося с отчаянием обреченного на ружейные пули и штыки. Удивляют лишь бессердечие и тупость царских держиморд-губернаторов, полицмейстеров, мигристов и самого царя, доводивших крестьян до последней черты отчаяния. Невероятную классовую слепоту и дилкое, чингисхановское пренебрежение господствующих классов к народу можно объяснить, очевидно, следующими причинами. Во-первых, сказались века рабства и крепостничества, приучившие господ-помещиков видеть в лице крестьян только «быдло», которое можно было вешать, гноить в тюрьмах, толпами загонять в Сибирь и за которое не нужно было отвечать. Во-вторых, исторически обреченный, уходящий со сцены помещичий класс даже после «безумного 1905 г.», вырванного под его ногами пропасть, оказался не в силах осознать гибельность своей политики. Во всяком случае полицейские расправы над крестьянами не только наводили страх, но и учили ненависти. В. И. Ленин писал: «Столыпин дал русскому народу хороший урок: идти к свободе через свержение царской монархии, под руководством пролетариата, или — идти в рабство к Пуришкевичам...»¹⁰⁶

В процессе борьбы возрастала сознательность крестьянской массы. Это было неизбежно, так как экономиче-

¹⁰⁵ Северо-западный голос, 1909, 5 февр.

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 333.

ские выступления рано или поздно принимали политическую окраску. Крестьяне стали подниматься выше непосредственных материальных интересов, что проявлялось в готовности защищать от полиции своих народных руководителей. В Слуцком уезде 27 июля 1907 г. 35 стражников прибыли в с. Завшицы для обыска и ареста учителя Кетько, занимавшегося революционной агитацией¹⁰⁷. Собравшаяся толпа в 300 человек выступила в защиту учителя, оказав сопротивление полиции. Хотя упорство крестьян в дальнейшем при помощи оружия было сломлено, сам факт примечателен.

В белорусской деревне уже давно прошли времена (период деятельности народников-революционеров), когда политические агитаторы бесплодно бились над инертной, темной массой сельского населения. 1905 г. открыл глаза тысячам крестьян, научил их разбираться в политических партиях, понимать смысл социалистического учения, оберегать и защищать революционеров-агитаторов, которые боролись за интересы трудовой деревни. Эта новая черта крестьянской психологии проявилась еще в революции 1905 г. Недаром В. И. Ленин отмечал, что революция 1905—1907 гг. «глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян...»¹⁰⁸.

После 1905 г. активные участники крестьянских выступлений, тысячи людей вынуждены были под угрозой ареста и полицейских расправ бежать в лесные чащи и болота, чтобы уцелеть и пережить тяжелое время массовых убийств, арестов и преследований. Это в конечном счете приводило к тому, что росло пламя партизанской войны, направленной против царизма и помещиков.

Известно, какое важное значение партизанской войне придавал В. И. Ленин. В работах «От обороны к нападению», «Современное положение России и тактика рабочей партии», «Роспуск Думы и задачи пролетариата», «Уроки Московского восстания», «Партизанская война» и др. В. И. Ленин изложил принципиальную по-

¹⁰⁷ Крестьянское движение в России. Июнь 1907 — июль 1914 гг., с. 507.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 12.

зицию большевиков по отношению к партизанской войне. Он указывал, что партизанская война есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда наступают крупные промежутки между «большими сражениями в гражданской войне». Партизанскую войну, отмечал В. И. Ленин, вызывают «могучие экономические и политические причины. Мы не в силах устранить эти причины и устранить этой борьбы. Наши жалобы на партизанскую борьбу, это — жалобы на нашу партийную слабость в деле восстания»¹⁰⁹. Поэтому В. И. Ленин требовал партийного контроля над партизанскими действиями.

Широкое развитие и распространение партизанская война получила в России в 1906 г. Партизанские выступления, указывал В. И. Ленин, нужно рассматривать не как месть, а как военные действия¹¹⁰. В революционные периоды уничтожение наиболее активных защитников старого режима, жестоких насильников и палачей народной свободы не только правомерно и законно, но и необходимо. В процессе борьбы массы получают боевое воспитание, военные навыки. Партизанская борьба может развернуться как в обстановке революции или гражданской войны, так и при отсутствии таковых, в условиях продолжающейся революционной ситуации, в период разгула контрреволюционного террора.

В России партизанская война была направлена, во-первых, на убийства отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; во-вторых, на конфискацию денежных средств у правительства и частных лиц. Подобные конфискации и экспроприации Ленин называл новой формой борьбы против правительства. Вели партизанскую борьбу отдельные лица и небольшие группы лиц, которые частью принадлежали к революционным организациям, а в некоторых местностях России большей частью не принадлежали ни к какой революционной организации. Таким образом, партизанская война являлась вспомогательным средством революционной борьбы. Пролетарская партия не считала и не могла считать ее единственным или главным средством борьбы. Партизанские выступления в революционные эпохи должны быть подчинены другим, более

¹⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 7.

¹¹⁰ Там же, т. 12, с. 181.

высоким формам борьбы и облагорожены просветительным и организующим влиянием социализма. Партизанскую войну необходимо было «сообразовать с настроением широких масс и с условиями рабочего движения». В. И. Ленин указывал, что эта война была гораздо шире распространена и развита на западной окраине России¹¹¹.

Начавшись в период революции 1905 г., партизанская война не прекратилась в западных районах и в годы реакции. Правда, теперь она являлась не вспомогательным средством революционного восстания, а вылилась в своеобразную форму борьбы против помещиков и царизма либо преследовала оборонительные цели перед лицом наступавшей озверелой контрреволюции. Развитие партизанской войны в этот период объяснялось наличием общей революционной ситуации и состоянием фактически неутихавшей гражданской войны.

В Белоруссии эта война проявлялась в вооруженных действиях многочисленных больших и малых разрозненных отрядов и групп, состоявших главным образом из бежавших в леса рабочих и крестьян — участников революции 1905—1907 гг. Широкою известность в 1908—1909 гг. получило «движение Савицкого», вооруженный отряд которого оперировал на территории восточной части Могилевской и северных уездов Черниговской губерний. Его численность временами достигала 30 человек, помимо значительного числа добровольных помощников. Савицкий опирался на сочувствие и поддержку крестьянской массы, иначе не сумел бы продержаться длительное время. Его тактика отличалась исключительной подвижностью и быстротой действий. По данным официальной печати, только на территории Черниговской губернии до мая 1909 г. отряд Савицкого совершил 78 нападений на помещиков, заводчиков и полицейских. В марте 1909 г. Савицкий внезапно появился в имении Воробьевка Новозыбковского уезда у помещика Петухова, которому угрожал казнью за «дурное обращение с рабочими». Но затем Савицкий потребовал у Петухова денежный штраф и приказал раздать бесплатно беднякам 100 пудов хлеба. Вскоре после этого в апреле 1909 г. отряд совершил нападение на фольварк Борки

¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 4, 9, 20, 6.

Гомельского уезда Могилевской губернии. Пытавшийся оказать сопротивление стражник был убит. Газеты поднимали неистовый шум по поводу «разбойника Савицкого», требуя его скорейшей ликвидации. Перепуганные помещики и чиновники посылали в Петербург телеграммы с призывами о помощи. Однако даже они вынуждены были признать, что Савицкий не раз приходил на помощь крестьянам¹¹².

В феврале 1909 г. исправником г. Умани было получено письмо от Савицкого, в котором последний, принося «поздравление» по случаю прошедшего Нового года, просил приветствовать директора ближайшего сахарного завода, обещая нанести ему «визит». После этого на ст. Христиновка, где обещал быть Савицкий, явился сильный отряд полиции, который никого там не нашел¹¹³.

Могилевская полиция доносила в Петербург, что в 1907 и 1908 гг. пристанищем «анархиста Савицкого» и его отряда являлся постоянный двор на хуторе Синявка Новозыбковского уезда, принадлежавший некоему Фомкину, где собиралось до 30 вооруженных людей. По сведениям полиции, два шахтера, возвращавшихся с Донбасса, привезли на хутор ящики с динамитными зарядами¹¹⁴.

На ликвидацию Савицкого были брошены крупные полицейские силы Могилевской и Черниговской губерний. В конце апреля 1909 г. полиции стало известно, что Савицкий скрывается в гумне возле д. Красное Село (в 8 верстах от Гомеля). 30 апреля гумно было окружено отрядом конных стражников в 20 человек. Завязалась перестрелка, которая продолжалась 5 часов. Один стражник был убит и несколько ранено. Осажденные кричали: «Не сдадимся!» Среди последних было убито 3 человека, в том числе Савицкий. После расправы с Савицким полиция арестовала семь крестьян из его отряда. В районах, охваченных движением, аресты и обыски продолжались еще долгое время. В октябре 1909 г. в д. Замыслово Новозыбковского уезда во время массовых облав полиция обнаружила оружие и большое количество патронов. На допросах выяснилось, что все

¹¹² Полесская мысль, 1909, 16 марта; Могилевский вестник, 1909, 8 сент.; Гомельский вестник, 1909, 9 янв.

¹¹³ Гомельский вестник, 1909, 8 марта.

¹¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 1, д. 12, л. 6.

это — «наследство Савицкого», по делу которого было арестовано 200 крестьян ¹¹⁵.

Узнав об убийстве Савицкого, помещики Могилевской и Черниговской губерний направили коллективные благодарственные письма могилевскому губернатору и полицейскому начальству, руководившему операцией. Они преподнесли гомельской полиции подарок в несколько тысяч рублей. В свою очередь, департамент полиции выделил тысячу рублей для награждения отличившихся полицейских ¹¹⁶.

Эти факты свидетельствуют о том, что помещики и царизм отнюдь не относились к Савицкому как к анархисту или «разбойнику», которых немало было в то время. Они с тревогой видели в лице этого «маленького Пугачева» серьезного противника, который не только угрожал спокойствию помещиков, но и представлял опасность для «устоев» прежде всего своим влиянием на крестьянство, не прекращавшее аграрной борьбы.

С убийством Савицкого заботы властей по «умиротворению» деревни не окончились. Примечательно в этом отношении объявление того же могилевского губернатора Шидловского, опубликованное в газетах в мае 1909 г. В нем говорилось: «Ввиду того, что в печати время от времени появляются заметки о том, что Савицкий жив и скрывается от властей, а злонамеренный элемент, пользуясь его именем, рассылает должностным и частным лицам подметные, угрожающего характера письма, объявляю во всеобщее сведение, что 30 апреля сего года... Савицкий и два его соучастника убиты» ¹¹⁷.

Один предприимчивый московский книгоиздатель решил заработать на популярности Савицкого, выпустив брошюру «Похождения разбойника Савицкого». Однако власти усмотрели в издании этой брошюры (даже в искаженном, казенно-фальсифицированном виде) опасность для существующего режима. Савицкого необходимо было как можно скорее предать забвению, так как во многих губерниях начали появляться «внуки Савицкого». Это были небольшие отряды (в 20—30 человек), принимавшие имя Савицкого и стремившиеся заручить-

¹¹⁵ Полеская мысль, 1909, 1 мая; Могилевский вестник, 1909, 8 сент.; Полеская жизнь, 1908, 28 окт.

¹¹⁶ Могилевский вестник, 1909, 8 сент.

¹¹⁷ Минское эхо, 1909, 20 сент.

ся поддержкой крестьян. Они могли стать особенно опасными в случае «осложнения ситуации», т. е. в период нового подъема крестьянской борьбы. Поэтому все полицейские силы были брошены на их ликвидацию. В сентябре 1909 г. полиции удалось уничтожить отряд «внука Савицкого» Корчмарика, который действовал в Пинском уезде Минской губернии. Отряд насчитывал 15 человек. Корчмарик совершал нападения на усадьбы помещиков, попов и мелкие группы полицейских. В октябре 1909 г. были схвачены участники вооруженного отряда Капустенка, также называвшего себя «внуком Савицкого»¹¹⁸.

В Климовичском уезде Могилевской губернии летом 1909 г. действовала крупная вооруженная группа во главе с крестьянином Шелепенко, которая, согласно донесению полиции, «крестьян не грабила», а нападала на помещиков и казенные учреждения. Она разгромила имение Мужички в Климовичском уезде, где был убит помещик Осмоловский, а в д. Орловке опустошила казенную винную лавку. Шелепенко был выслежен полицией и схвачен в д. Ильюхино, которую оцепили конные стражники, согнанные почти со всего уезда, под руководством уездного исправника¹¹⁹.

В Полесье на протяжении 1907—1910 гг. действовал вооруженный отряд под руководством «внуков Савицкого» Писаренко и Нерона. Он совершил свыше 300 вооруженных нападений на имения помещиков и богатых крестьян. В составе отряда насчитывалось 30 человек, из которых 25 были впоследствии схвачены полицией¹²⁰.

В Могилевской губернии широкую известность в 1908 г. приобрела Лиозненская боевая дружина, во главе которой стоял некто Древин, принадлежавший, согласно донесению жандармерии, к «видным деятелям федеративного комитета социал-демократической рабочей партии». Он был схвачен и сослан в Сибирь, но вооруженные действия боевых групп в этом районе не прекратились.

Наряду с «внуками Савицкого» в Белоруссии действовало немало вооруженных отрядов, многие из которых

¹¹⁸ Минское эхо, 1909, 20 сент.; Полесье, 1909, 17 ноября; Минское слово, 1909, 20 окт.

¹¹⁹ Могилевский вестник, 1909, 17 июля.

¹²⁰ Пинский листок, 1911, 30 янв.

создавались анархистами и эсерами. По лесам, деревням и селам скрывались не только бывшие активные участники революционной борьбы. Немало было разбойничьих шаек, грабивших всех без разбора. Это были грабители и убийцы, не обремененные какими-либо политическими идеалами. Опасность была не только в том, что они вносили анархию и дезорганизацию в хозяйственную жизнь и причиняли ущерб населению. Подделываясь под революционеров, объявляя себя «политическими борцами», анархисты приносили невосполнимый вред революционному делу, вызывая недоверие, а подчас и враждебное отношение к революционерам со стороны крестьянского населения. Власти пытались использовать это обстоятельство в своих контрреволюционных целях. Полиция и царские чиновники вели агитацию среди крестьян, используя случаи грабежей, стремясь восстановить население против «лесных разбойников». Фактически анархисты, бундовцы, эсеры, националисты, создавая «группы экспроприаторов», как они себя громко («пореволюционному») именовали, вырождались в обыкновенные банды насильников и грабителей, помогали полиции.

В Оршанском уезде действовала вооруженная банда анархистов «Черный ворон», которая в ноябре 1908 г. ограбила Любавичское волостное правление и совершила много грабежей и убийств на дорогах. Организованная эсерами группа «Черный ворон» существовала также в Витебске. В эту организацию входил помещик Паулин, владевший имением в Себежском уезде. Он примкнул к анархистам, чтобы нажиться на грабежах ¹²¹.

Крупное нападение анархистов на почтовое отделение произошло в августе 1909 г. в м. Малятичи Чериковского уезда. Между полицией и нападавшими произошла перестрелка, в результате которой трое полицейских были убиты, один ранен.

В Климовичском уезде в апреле 1909 г. в имении Юзефово Милославичской волости к арендатору Лейцину ворвались шесть анархистов, вооруженных браунингами. Они заявили Лейцину, что получили от своего главного комитета задание конфисковать «на революционные нужды» 15 тыс. руб. Когда арендатор отказался дать день-

¹²¹ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 5, ч. 33, л. 77; д. 9, ч. 7, лит. «А», л. 2.

ги, анархисты учинили обыск. Не найдя денег и награбив всего, что попало под руку, они скрылись ¹²².

В июле 1907 г. на ст. Ландварово Гродненской губернии был задержан возвращавшийся из Гродно анархист Д. Адлер, имевший при себе 58 динамитных патронов, 150 капсюлей с гремучей ртутью и 44 аршина бикфордова шнура. Он пытался взорвать гродненскую тюрьму, чтобы освободить сидевших там анархистов. На ст. Човогрудок 29 июля 1908 г. 20 вооруженных эсеров-максималистов («экспроприаторов») напали на почтовый поезд с целью похищения 40 тыс. руб., но были отогнаны огнем охраны. Один из нападавших был убит. В Ошмянском уезде Виленской губернии в 1906—1907 гг. действовал эсеровский отряд «Ураган» ¹²³.

Крупная эсеровско-анархистская банда разбойничала на протяжении 1905—1910 гг. в северной части Горецкого уезда. Она состояла из членов смоленской эсеровской организации и членов этой партии из м. Дуброво Витебской губернии. Банда убивала и грабила путников на дорогах, нападала на винные лавки в д. Мордажевичи и м. Рососна. Полиция выследила и арестовала 10 членов этой организации ¹²⁴.

В научной литературе встречаются утверждения о том, что Савицкий был анархистом, а его отряд занимался лишь грабежами и разбоями. Изучение всех имеющихся материалов и источников показывает, что независимо от убеждений самого Савицкого его движение, хотя и носило анархическую окраску, в целом было направлено против помещиков и царских властей и объективно являлось составной частью антипомещичьей крестьянской борьбы.

Следует отметить, что В. И. Ленин при оценке революционных выступлений, и в частности партизанских действий, призывал изучать новые формы борьбы против царизма, а не отвергать их с порога, квалифицируя как анархизм грабежи и бесчинства. Он указывал, что в революционные эпохи абсолютно неизбежны вооруженные стычки и схватки отдельных групп населения с черпосотенным правительством. И пока социал-демократия

¹²² Могилевский вестник, 1909, 19 авг., 25 апр.

¹²³ Виленский вестник, 1907, 11 дек., 30 сент.

¹²⁴ Могилевские губернские ведомости, 1907, 11 дек.

не овладеет этими формами борьбы, не станет руководить ими, они будут носить стихийный и неорганизованный, подчас анархический характер. Поэтому, писал Ленин, «горделивое самодовольство и нарциссовски-восхищенное повторение заученных в ранней молодости фраз об анархизме, бланкизме, терроризме» только унижает нашу революционную доктрину¹²⁵.

Первая русская революция, как уже указывалось, нанесла сильнейший удар по царистским иллюзиям, подорвала веру значительной части крестьян в царя и его власть. Годы реакции и «думский период» еще больше рассеяли царистские иллюзии. Если в прежние времена крестьяне выступали за «хорошего царя» и против «плохих чиновников и помещиков», то теперь стали быстро расти антимонархические настроения. Об этом сохранилось множество полицейских донесений, из которых видно, что после 1905 г. в деревне выросло число выступлений, квалифицируемых как «оскорбление» царя и членов царствующего дома и выражавших требования замены монархии республикой.

Весьма характерно выступление крестьянина Павла Барановского в феврале 1908 г. в с. Ярминка Осовецкой волости Бобруйского уезда, который, по свидетельству полиции, «публично ругал государя императора и говорил, что если бы было больше таких людей, как он, то давно учредили бы республику, и убеждал крестьян не давать солдат». Полиция отмечала, что Барановский давно высказывал подобные «крамольные» мысли. Еще в ноябре 1907 г. при обсуждении появившегося в газете известия о представлении царю членов Государственной думы он сказал, что «это небольшое счастье представляться государю», и «притом публично ругал государя императора босяком и говорил, что он не достоин звания самодержавного». В феврале 1908 г. Барановский опять «публично ругал правительство и государя императора и говорил, что крестьяне будут дураками, если будут защищать Россию». В 1904 г. во время призыва запасных на войну с Японией Барановский заявил, что «не нужно давать солдат из крестьян, а нужно брать помещиков, так как у них много земли». Летом 1907 г. после панихиды по великому князю Сергею Александровичу

¹²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 6, 9.

вичу тот же Барановский публично заявлял, что «охотно убил бы самого государя, так как от царя нет никакой пользы, и он крестьянам земли не дает»¹²⁶.

Подобные полицейские сообщения поступали и из других мест. Бобруйская полиция доносила в мае 1908 г., что крестьянин Владислав Богданович осуждал порядки, существующие в государстве, и при этом заявлял: «Я бы государя императора сам повесил или застрелил».

По свидетельству пинской полиции, в июне 1908 г. крестьянин Юлиан Зайковский, работавший в фольварке Красовицы Бродницкой волости, «ругал государя бродягой, сукиным сыном, кровопийцей» и говорил: «...скоро мы будем с него кожу драть, да сапоги делать». В Кобринском уезде Гродненской губернии в феврале 1908 г. житель д. Совницы Даниил Жаржицкий «высказывал суждения о необходимости ниспровержения существующего в государстве общественного строя, говоря, что надо свергнуть с престола государя императора и извести его семью для того, чтобы устроить в России республиканский образ правления»¹²⁷.

Число «оскорблений» царя и монархии быстро росло, что свидетельствует о глубоком брожении внутри крестьянства, которое, переосмысливая опыт прошлого, приходило, хотя и медленно, к пониманию причин своей безысходной жизни. В крестьянских «крамольных речах» находили выражение революционные требования передовой части деревни. Ее настроение выразил житель д. Просушино Витебского уезда Тимофей Могучий, который заявил, что «царь старается не за нас, а за богатство»¹²⁸.

Падение царистских иллюзий и изживание веры в Государственную думу были важнейшей новой чертой политического климата в деревне и представляли необходимое условие дальнейшего развития революционного движения. Глубоко был прав В. И. Ленин, который писал: «В 1852 г. Маркс сказал, что у крестьян есть не только предрассудок, но и рассудок. И, указывая теперь

¹²⁶ ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 1052, л. 1.

¹²⁷ Там же, д. 1090, л. 1; оп. 4, д. 848, л. 1—2.

¹²⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 2499, оп. 1, д. 97, л. 2.

крестьянской бедноте на причину ее бедноты, мы можем рассчитывать на успех»¹²⁹. Рост политической сознательности крестьянской массы повышал ее революционную активность и способствовал упрочению союза с городским пролетариатом.

Борьба против столыпинского землеустройства и кулаков-хуторян

Классовые противоречия между сельскохозяйственными рабочими и деревенской беднотой, с одной стороны, кулачеством и капиталистическими предпринимателями — с другой, порождали вторую социальную войну. Если первая социальная война велась за победу демократической революции, то вторая — за социалистическое переустройство общества. В основе последней лежала противоположность между растущими новыми производительными силами и буржуазными производственными отношениями.

Главные направления второй социальной войны были следующие: 1) борьба с кулачеством; 2) забастовки сельскохозяйственных рабочих против капиталистов-предпринимателей; 3) движение против столыпинской аграрной реформы. Каждое из этих направлений реализовалось в определенных формах, мало чем отличавшихся от антипомещичьего движения.

Наиболее распространенной формой борьбы против кулаков были поджоги. За весь период реакции (июнь 1907—1909 гг.) в Белоруссии зарегистрировано 39 поджогов кулацкого имущества, в том числе более 30 у крупных крестьян-землевладельцев и 5 у купцов, мещан и других землевладельцев-капиталистов. «Красный петух» был наиболее удобным средством борьбы не только против помещиков, но и кулаков, давая возможность избегать прямых столкновений с полицией. Причины многих пожаров оставались невыясненными, и это значительно снижает действительную цифру поджогов, так как нами учитывались лишь поджоги, установленные полицейскими властями. Те же поджоги, виновников которых установить не удавалось, попадали в официальной статисти-

¹²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 283.

ке в разряд пожаров, происшедших «от неизвестных причин». Их количество было очень велико. Например, в Виленской губернии в 1908 г., по сообщениям печати, было зарегистрировано 88 поджогов и 422 пожара, которые произошли «от неизвестных» (т. е. неустановленных) причин. За январь—ноябрь 1909 г. в той же губернии было зарегистрировано 80 поджогов (по городам и селам) и 336 пожаров, происшедших «от неизвестных причин»¹³⁰. Значительная часть пожаров, случившихся «от неизвестных причин»,— это были умышленные поджоги, оставшиеся нераскрытыми. Крестьяне жгли усадьбы кулаков, овины и скирды с хлебом, мельницы, гумна, сараи с сельскохозяйственными машинами и другое имущество.

В Могилевском уезде в апреле 1907 г. на хуторе Шафарна Княжицкой волости сгорел дом с надворными постройками и движимым имуществом крестьянина Знайденова. Убытки составили 800 руб. Поджог совершил крестьянин И. Сергеев. В некоторых местах поджоги производились очень часто. «Могилевский вестник» писал в октябре 1908 г., что «пожар от поджога — обычное явление в местечке Дубровне»¹³¹.

Часто горели мельницы, принадлежавшие богатым крестьянам. В апреле 1908 г. в м. Хотовиж Климовичского уезда сгорела мукомольная мельница Шахновича. Поджигателем оказался наемный работник, заявивший, что он совершил поджог из мести за бесчеловечное притеснение Шахновичем своих рабочих¹³².

Иногда поджигались сараи с сельскохозяйственными машинами и орудиями, принадлежавшими кулакам и сельским капиталистам. Например, в Гомельском уезде в августе 1909 г. от поджога сгорело принадлежавшее крестьянину Иванову-Будняковскому гумно с хлебом, молотилкой и двумя веялками. Убыток составил 1533 руб.¹³³

Гомельский уезд в 1909 г. выделялся значительным числом пожаров, на что указывала официальная печать. Газета «Полесская мысль» отмечала в июле 1909 г., что

¹³⁰ Виленские губернские ведомости, 1908, январь—декабрь; 1909, январь—ноябрь.

¹³¹ Могилевский вестник, 1907, 4 сент.

¹³² Там же, 1908, 8 окт.

¹³³ Там же, 1908, 20 мая.

на Гомельщине «красный петух разгулялся» и «участились случаи пожаров»¹³⁴.

От Могилевской не отставала Витебская губерния, где только в 1908 г. произошло 1337 пожаров, принесших убыток на 2119,5 тыс. руб. Из этого числа зарегистрировано 192 поджога, большая часть которых приходилась на сельскую местность¹³⁵. Разумеется, преобладающее число поджогов не отражало классовой борьбы в деревне. Эти поджоги не были направлены против помещиков, сельских капиталистов и кулаков, а производились на почве случайных столкновений или споров между односельчанами и поэтому не учитывались в нашей статистике.

«Красный петух» привольно гулял по усадьбам помещан, купцов и ростовщиков, опутавших население сетями капиталистической кабалы. Так, в с. Погорельцы Новогрудского уезда в октябре 1908 г. были сожжены жилой дом, три хлебных амбара, бакалейная лавка купцов Н. Жданова и М. Лившица. Убытки составили 13 тыс. руб.¹³⁶

Поджоги и угрозы поджогом квалифицировались представителями господствующего класса как «повсеместное и ужасное явление». Можно привести свидетельство «Могилевской земской недели», которая писала: «По деревням и селам почти повсеместно завелось еще одно ужасное явление — это постоянные, иной раз до крайности наглые угрозы пожаром. Против... этого хулиганствующего деревенского элемента никто из более благоразумных и мирных обывателей не только не осмеливается выставлять какого-либо протеста, но боится слова сказать, так как сейчас же услышит угрозу: «А забыл, как у Семена гумно сгорело, а у Ивана стог сена на лугу?» Это страшилище уже давно пугалом витает над нашей темной деревней, всех обывателей оно держит в удручающем страхе и прямо-таки замыкает уста тех немногих единиц, которые при случае могли бы сказать слово обуздания и вразумления»¹³⁷.

На втором месте после поджогов стояла борьба против столыпинской реформы, которая проявлялась глав-

¹³⁴ Полесская мысль, 1909, 13 авг., 7 июня.

¹³⁵ Витебские губернские ведомости, 1909, 20 мая.

¹³⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 295, оп. 1, д. 7832, л. 209.

¹³⁷ Могилевская земская неделя, 1910, № 45-46, с. 26—27.

ным образом в форме отказа выходить на хутора и отруб. На нее приходилось 27 выступлений, из которых почти половина относилась к 1909 г.

«Могилевский вестник» отмечал, что в Чаусском уезде «крестьяне... туго идут на хутора...». Причина нежелания выходить на хутора — «малоземелье». В результате роста населения здесь «из одного двора стало по меньшей мере три, а то и четыре, земли оказалось у каждого двора полнадела». Крестьяне сопротивлялись столыпинским мероприятиям потому, что хуторизация могла им принести только разорение. Это настроение отразили «Витебские губернские ведомости», писавшие: «В деревне Горяне Храповичской волости Витебского уезда вот уже 1,5 месяца сидит землемер с помощником и никак не могут разверстать 19 наделов земли... Каждому крестьянину приходится горевать на 2,5—4,5 десятинах. Только один хозяин Клим имеет 4 надела — 17 дес. Поэтому бедные соседи подумывают продать ему земли и ехать искать счастья в Сибирь. Клим же делается деревенским кулаком»¹³⁸.

В другой корреспонденции из Могилевской губернии под заголовком «Письмо поселянина» говорилось: «Нет ни одного общества, которое бы по единодушному желанию и добровольному согласию... перешло к хуторскому расселению или к отрубным участкам, за исключением тех, которые получили право требовать обязательного выдела вне общих переделов»¹³⁹.

Антихуторские выступления происходили нередко под влиянием агитации. Городокский исправник доносил в апреле 1908 г., что староста Жуковского общества Руднянской волости К. Марков-Дедок «уговаривал крестьян не переходить на хуторское хозяйство, объясняя, что правительство делает это для того, чтобы не дать больше им впоследствии земли»¹⁴⁰.

Острое недовольство хуторизацией проявляли жители д. Князи Витебского уезда, где в августе 1908 г. 12 крестьян выступили против разверстания на хутора. Среди них антихуторскую агитацию вел крестьянин той же деревни Д. Сидоров, о котором донес полиции бога-

¹³⁸ Могилевский вестник, 1909, 27 ноября; Витебские губернские ведомости, 1909, 9 июля.

¹³⁹ Могилевский вестник, 1909, 10 окт.

¹⁴⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2857, л. 1.

тый сосед Шумейко. В августе 1909 г. за агитацию против хуторов был выслан из Могилевской губернии крестьянин Чаусского уезда М. Кондратов ¹⁴¹.

Нередко учинялись разгромы кулацких хуторов, захваты имущества, потравы лугов и выпасов богатых хуторян и отрубников. В августе 1908 г. в д. Свинолупы Городокского уезда была разгромлена усадьба богатого крестьянина Климова. Жители д. Забелье Лепельского уезда в 1909 г. самовольно захватили и скосили луг соседнего купца — владельца имения Вольщина ¹⁴².

Вторая социальная война находила выражение также в стачечной борьбе сельскохозяйственных рабочих против кулаков, землевладельцев-капиталистов и помещиков, которые, обуржуазившись, превратились в капиталистических предпринимателей. Это относится к тем забастовкам, которые носили пролетарский характер, т. е. выдвигали профессиональные рабочие требования (сокращение рабочего дня, повышение зарплаты и т. п.). Однако даже забастовки, направленные против обуржуазившихся помещиков, носили также и антикрепостнический, или общедемократический, характер. В таких забастовках сочетались, сливались воедино антипомещичья и антикапиталистическая борьба, т. е. черты первой и второй социальных войн.

В Белоруссии в годы реакции отмечались единичные случаи сельскохозяйственных стачек, носивших характер второй социальной войны. В мае 1908 г. вспыхнула стачка плотогонов на р. Березине. В ней приняли участие 140 крестьян, предъявивших купцам Кагану и Рачинскому требование увеличить зарплату на 50 коп. в неделю. Администрация согласилась повысить зарплату только на 25 коп. В ответ на это «зачинщики» — жители д. Малые Немки Гомельского уезда Кирилл и Родион Макаренки, Феофилакт Гамжуров, Андрей Барабанов и др. (всего семь человек) — «стали вести себя вызывающе и дерзко и подстрекать остальных рабочих продолжать забастовку». Полиция арестовала всех семерых «подстрекателей». Когда крестьяне потребовали ос-

¹⁴¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2929, л. 3—5; ф. 1430, оп. 42, д. 3329, л. 1.

¹⁴² Минское слово, 1908, 27 авг.; ЦГИА БССР в Минске, ф. 2532, оп. 1, д. 38, л. 8.

вободить арестованных, полицейское начальство стало «увещевать» их, угрожая применением силы. Забастовщики сдались после того, как им пообещали «пресечь обман» со стороны хозяев, которые обвешивали рабочих при отпуске продуктов¹⁴³.

Хотя забастовка не привела к полной победе рабочих в результате отсутствия твердой товарищеской спайки и солидарности, тем не менее она показала, что психология рабочего уже начинала побеждать психологию вчерашнего мелкого хозяйчика и индивидуалиста. Сельскохозяйственные рабочие самой логикой классовой борьбы приучались к организованности и дисциплине, воспитывались в духе ненависти к эксплуататорам и постепенно становились батрацким авангардом трудящейся деревни, который способствовал формированию политической армии революции.

¹⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 110, оп. 417, д. 32, л. 1.

Глава III

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ПОДЪЕМА (1910—1914)

Нарастание революционного движения. Работа большевиков в деревне

Обострение классовых противоречий ускорило процесс разложения третьеиюньской системы, наметившийся с осени 1909 г. Лагерь контрреволюции переживал кризис, выражением которого был крах политики помещичье-буржуазного блока, дальнейшее «полевенние» буржуазии, убийство Столыпина (1 сентября 1911 г.). Это означало, что царизму не удалось с помощью третьеиюньской системы решить задачи буржуазной революции. Под влиянием нарастающего революционного подъема не только кадеты, но и октябристы стали понимать непрочность положения в стране и опасаться за свое будущее. Либеральная буржуазия усилила критику царизма, и даже октябристы, которых В. И. Ленин называл «правительственной партией», перешли в оппозицию к правительству. Буржуазный лагерь стал более настойчиво требовать проведения сверху обещанных царизмом реформ, которые могли бы предотвратить прилив новой революционной волны. Один из кадетских лидеров Маклаков заявил, обращаясь к правому блоку, что «единственный способ предотвратить революции — это их сделать»¹. Либеральная буржуазия надеялась на «мудрость» самодержавия в борьбе с революцией, на то, что царская власть поймет неизбежность проведения «малых реформ» сверху, дабы не допустить большой революции снизу. Реформы, по мнению Маклакова, крайне необходимы были для того, «чтобы добить революцию». При помощи реформ можно было бы «воспитывать общество» в духе отказа от революционного пути. Теперь же, говорил Маклаков, идет обратный процесс: страна «теряет интерес к Думе... Дальше так жить нельзя... Если мы будем идти дальше по тому пути, по

¹ Цит. по кн.: *Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума.* — М., 1968, с. 279.

которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции». Даже такой «благоразумный», умеренный и лояльный представитель буржуазного блока, как октябрист Шидловский, и тот счел необходимым выступить в феврале 1911 г. в Думе с критикой политики царизма. Он заявил, что в стране вместо закона царит полицейское «усмотрение», а «новый» столыпинский строй в управлении ничего не изменил, даже более того, он создал «такое положение», когда явления, «которые были совершенно невозможны во времена Плеве, теперь становятся возможными». Шидловский упрекал правительство в том, что оно не хочет считаться с общественным мнением» (т. е. с буржуазией) и при этом восклицал: «Кто первый революционер в России? — Администрация»². Таким образом, «администрации», т. е. царскому правительству, приписывалась роль «первого революционера». Разумеется, под этим понималось только то, что недалёковидная политика царизма подталкивала страну к революции.

Однако все эти речи не означали каких-либо серьёзных попыток противодействия царскому правительству. Блок буржуазии и октябристов в целом оставался верным столыпинской политике, хотя расходился с правительством в формах и методах осуществления этой политики. Буржуазия требовала проведения в жизнь «принципов манифеста 17 октября», в то время как царизм не шел на это. В результате все больше нарастала атмосфера безнадежности, печатью которой были отмечены все думские выступления представителей октябристско-кадетского блока. Это усиливало противоречия и распри между кадетами и октябристами, хотя они не имели глубокого политического значения. «Кадеты,— писал В. И. Ленин,— борются с октябристами, это несомненно. Но они борются с ними... как их конкуренты, желающие приспособиться к той же власти, служить интересам того же класса... Несколько иначе приспособиться к той же власти — вот чего добиваются кадеты, вот в чем сущность их политики, политики либеральных буржуа»³.

Неправильно было бы делать вывод, что неудачей

² Цит. по кн.: *Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума, с. 281, 291, 292, 293.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 213—214.

политики столыпинского «обновления России» были обеспокоены только буржуазные представители в Думе. Это видели и понимали также царизм и поддерживавшие его черносотенно-правые партии. Разница между либералами и правыми заключалась в том, что первые, неспособные на решительные действия, ограничивались бессильными жалобами, в то время как вторые лихорадочно действовали, стремясь найти выход из критического положения. Однако выхода на путях помещичье-столыпинской политики для старого режима уже не было. Отмечая этот факт, В. И. Ленин писал, что реакционеры и либералы неспособны «ни к какому существенному, самостоятельному, творческому, решающему *прогрессивному* историческому действию», что они «представляют класс, *боящийся* исторической самодеятельности других, более широких слоев, групп и масс населения, других — более многочисленных — классов»⁴. Такими классами были рабочие и крестьяне, поднимавшиеся на новую революционную схватку с царизмом. В авангарде революционной борьбы, как и ранее, шел рабочий класс.

Подъем рабочего и крестьянского движения, начавшийся с конца 1910 г., вызвал новый прилив страха у буржуазии. Опасность приближающегося революционного взрыва почуяли даже некоторые дальновидные представители господствующего класса. Председатель совета объединенного дворянства граф А. Бобринский в своем дневнике 3 декабря 1910 г. записал: «Революция делает свое, и дворянство готовится бороться вновь с «иллюминациями» усадеб при дегенеративном попустительстве правительства... По-видимому, зачинается заря новой революции»⁵.

Начало новому подъему положили массовые революционные выступления 1910 г. В течение 1910—1914 гг. по всей России в стачках приняло участие свыше 4 млн. рабочих, а в деревнях и селах произошло более 13 тыс. крестьянских выступлений⁶.

В Белоруссии на протяжении 1911 г. было организовано 50 стачек, в которых участвовало 3 тыс. человек. В 1912 г. число стачечников превысило 6 тыс. Одноре-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 152.

⁵ Цит. по кн.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума, с. 314.

⁶ История КПСС, с. 166.

менно усилилась волна политических стачек. В 1913 г. в них участвовало более 5 тыс. рабочих⁷.

Руководителем и организатором народного движения выступала, как и ранее, большевистская партия, комитеты и группы которой активно действовали в Минске, Витебске, Гомеле и других пунктах. Большое внимание они уделяли работе в деревне. Как видно из донесения жандармерии за февраль 1910 г., Минская организация РСДРП проводила активную деятельность во всех десяти уездах губернии, причем местные комитеты имелись в нескольких пунктах. Тогда же в полицейской сводке отмечалось, что «в Двинске возникла ученическая организация РСДРП, работающая среди войск Двинского гарнизона». В имении Левантово Мошканской волости, а затем в имении Грузды Сенненского уезда летом 1910 г. проводил политическую работу среди крестьян революционный кружок, организованный Иваном Блукисом, связанным с центральным органом Латышской социал-демократической партии. Бывший военный музыкант пехотного полка Басин, принадлежавший к Двинской военно-революционной организации, в марте 1910 г. был арестован полицией за революционную работу в с. Ректа Быховского уезда⁸.

Важное значение в условиях нового революционного подъема сыграли решения VI Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП, проходившей в январе 1912 г. Конференция укрепила партию идейно и организационно, очистила ее от ликвидаторов и других оппортунистов, наметила новую тактику революционной борьбы, которая велась под лозунгами свержения царской монархии, учреждения демократической республики, 8-часового дня, конфискации помещичьей земли⁹.

Под влиянием Пражской конференции оживилась революционная работа в деревне. По заданию Полеского комитета РСДРП для крестьян выпускались листовки, создавались группы агитаторов (Пинский уезд и др.), в деревнях и селах распространялись газета «Правда» и различная политическая литература¹⁰.

⁷ История БССР.— Минск, 1972, т. 2, с. 76.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 1, д. 5, л. 2, 22; ф. ДП, оп. 1, л. 5, л. 39.

⁹ Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, с. 163.

¹⁰ Там же, с. 166, 181.

Революционная агитация проникала в казарму. В д. Лебяжки Ошмянского уезда во время ночлега в сарае офицеры Смоленского 3-го уланского полка задержали солдата Световостокова, который призывал: «Не надо слушаться, когда прикажут расстреливать, так как все мы братья»¹¹.

В марте 1913 г. в Полоцке полиция раскрыла военно-революционную организацию. Среди ее членов в жандармском донесении назывались «нижние чины» Кравчинский, Новицкий, Доморацкий (последний — выходец из крестьян Горецкого уезда), солдат А. Станишевский (крестьянин д. Кавово Полоцкого уезда)¹².

С каждым месяцем росла популярность большевистской «Правды», которую рабочие и крестьяне называли своей газетой. В то время только большевистские газеты выступали в защиту нужд и чаяний крестьянина. Учитель Могилевской губернии заявлял корреспонденту «Северо-западной жизни»: «Нет для нас газеты, нет для крестьянина газеты. Все эти «Биржевики», «Русское слово», «Современное слово» и другие о деревне заикнуться не хотят. Мужик их не интересуется. Как он живет, чем живет — об этом они и знать не хотят. Провинциальные газеты тоже обходят деревню»¹³. Если официальная (помещичья) и буржуазная печать «обходила деревню», т. е. мало интересовалась ее жизнью, то «Правда» и другие большевистские газеты уделяли крестьянину максимум внимания, систематически публиковали статьи и различные материалы по крестьянскому вопросу.

Возросло распространение в Белоруссии «Рабочей газеты», основанной В. И. Лениным. Из Берна эту газету получали подписчики в Горы-Горках Могилевской губернии. Полиции удалось захватить несколько ее номеров. Туда же пришла прокламация «Первое мая», изданная редакцией «Рабочей газеты»¹⁴.

Как и ранее, большевикам в борьбе за идейное влияние на массы нужно было преодолевать противодействие буржуазно-националистических и оппортунистических партий и групп. Среди мелкобуржуазных партий значительную активность пытались развить бундовцы, эсеры

¹¹ Виленский вестник, 1911, 19 янв.

¹² ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 291, л. 4.

¹³ Северо-западная жизнь, 1913, 9 янв.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 3, л. 3—4.

и меньшевики. Полиция доносила в ноябре 1913 г., что «в последнее время в г. Гомеле организация Бунд усилила свою деятельность. Особенно сильно волнуются по поводу процесса над Бейлисом... Недели две назад бундовцы устроили сходку на хуторе». В марте 1913 г. в Минске под руководством некоего Бахтона стала возрождаться местная организация Бунда, в которой состояло до 15 человек. Они устраивали в различных частях города нелегальные сходки. Бундовцы распространяли листовки, собирали деньги, вели националистическую агитацию среди еврейского населения. В Волковыске и Слониме на еврейских свадьбах бундовцы собирали деньги для своей газеты «Цайт»¹⁵.

Заодно с бундовцами выступали националистические организации Поалей Цион и сионисты. Крупными гнездами сионизма и поалейционизма в Белоруссии накануне первой мировой войны были Гомель и Бобруйск. Небольшая организация поалейционистов летом 1913 г. существовала в Гродно¹⁶. Как отмечает В. Бегун, хотя Поалей Цион формально признавал социализм и классовую борьбу, однако оставался преданным идеям сионизма, который выражал и защищал интересы реакционной еврейской буржуазии и ставил своей задачей «очистить умы от марксизма»¹⁷.

Сионизм проводил политику классового сотрудничества еврейских трудящихся с буржуазией, раздувал националистическую вражду и нетерпимость к другим народам, выступал с позиций шовинизма и расизма.

Значительное влияние в деревне продолжали оказывать эсеры, которые одурманивали крестьян псевдосоциалистической демагогией, спекулируя на их политической отсталости и используя в своих, далеких от социализма целях ненависть к царизму и помещикам. Эсеровские организации накануне войны были в Минске, Гомеле, Бобруйске, Сморгони и других городах. Гомельская группа существовала уже много лет, но ввиду ее бездеятельности полиция эсеров не трогала. Бобруйская эсеровская организация возникла осенью 1912 г. и находилась под руководством студента Клейнермана. Она

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 6, л. 50, 52, 4.

¹⁶ Там же, д. 22, л. 2.

¹⁷ Бегун В. Вторжение без оружия.— Минск, 1980, с. 16, 35.

устраивала сходки в городе и, как явствует из донесения полиции, имела свое знамя, запасы ружей, револьверов и патронов, денежный фонд и гектограф. В Сморгони эсеровская группа вновь организовалась в сентябре 1913 г. В нее входили 13 человек во главе с неким М. Фаенбергом. В некоторых местах эсеры пытались оказывать влияние на крестьянство через устную агитацию и распространение листовок и литературы. 26 января 1911 г. в д. Коверляны Минского уезда полицией был арестован «социалист» М. Кунашко, у которого нашли эсеровскую и анархистскую литературу, и в частности брошюрку «Мария Спиридонова». Кунашко показал, что он получил эсеровскую литературу в Минске от учащегося гимназии В. Бржеского. В брошюре эсерка Спиридонова восхвалялась за то, что в 1905 г. убила тамбовского вице-губернатора Луженовского. У Кунашко были найдены также брошюры анархистов П. Кропоткина «Век ожиданий», сочинения М. Бакунина и др.¹⁸ Анархо-эсеровщина выступала выразителем интересов мелкобуржуазно-кулацкой части населения, которая враждебно относилась к марксизму-ленинизму.

Большую роль в революционном просвещении масс, особенно в изживании царистских и думских иллюзий крестьянства, сыграли выборы в IV Государственную думу, проходившие осенью 1912 г. Большевики использовали избирательную кампанию и думскую трибуну для разъяснения учения социализма и политического воспитания рабочих и крестьян, для того чтобы «готовить армию сознательных борцов новой русской революции»¹⁹.

С началом выборов в Думу в движение пришли буржуазно-помещичьи слои населения, различные монархические, националистические и мелкобуржуазные партии и организации, поддерживавшие царское правительство. Выборы в IV Думу проводились так, что в число выборщиков могли попасть только помещики, буржуазия и представители реакционной интеллигенции. Например, в Могилевской губернии от землевладельцев на выборах в сентябре 1912 г. по 8 уездам в числе выборщиков прошли 39 дворян, 18 священников, четверо «почетных

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 19, л. 12; ЦГИА Литовской ССР, ф. 446, оп. 3, д. 1143, л. 1, 14.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 181.

граждан», трое мещан и один агроном. В Минской губернии из 76 выборщиков правых (монархистов) насчитывалось 35, националистов — 23, кадетов — 2, «прогрессистов» — 10, «левых» — 5, беспартийных — 1²⁰.

В сельской местности от крестьян, как правило, выбирались кулаки и монархически настроенные представители крестьянских учреждений. В то время как беднота относилась к выборам безразлично, сельские богатеи, волостные старшины, кулаки старались попасть в Думу. Об этом журнал «Крестьянин» писал следующее: «Нам сообщают, что раньше по деревням спаивали крестьян только перед выборами волостного старшины и волостных судей, теперь же к этому добавились и выборы в Думу. В некоторых местах более ловкие дельцы уже задабривают крестьян... не жалеют на это никаких расходов: все, мол, потом окупится с лихвой, ведь если выберут, то получу за 5 лет 21 тысячу рублей»²¹.

Царские власти боялись политической активности сельского населения и поэтому старались ограничить его участие в выборах. Газета «Полесье» отмечала, что почти все пропуски в избирательных списках, ошибочные занесения избирателей в низшие разряды и т. д. почему-то «случайно» выпали на долю лиц, которые были известны как «неблагонадежные» или подозревались в оппозиции к властям. Точно так же обнаружилось много случаев неправильного начертания фамилий «опасных избирателей». Кроме того, использовались неосведомленность и неграмотность крестьянского населения. В то время как для него объявления о выборах ограничивались только публикацией в местной официальной газете, которая почти никогда не попадала в деревню, а если и попадала, то не могла быть прочтена из-за неграмотности крестьян, то для помещиков-избирателей, даже живших за сотни верст от Могилева, готовились и рассылались особые именные приглашения. С той же целью (ограничить участие крестьян) выборы назначались в разгар уборочной страды. В результате этого уверенность помещиков в победе на выборах была так велика, что, например, в Климовичском уезде намеченный

²⁰ Могилевский вестник, 1912, 26 сент.

²¹ Крестьянин, 1912, № 5, с. 66.

для избрания земский начальник уже заранее подал в отставку²².

В. И. Ленин писал, что отличительной чертой выборов в IV Думу является бесстыдная подтасовка их правительством²³. Царские власти особенно боялись интеллигенции. В частности, минского губернатора беспокоило «скопление учительского элемента» в некоторых уездах, что могло привести к «нежелательному» влиянию на сельских избирателей. Такую же тревогу выражал виленский губернатор Любимов, который в отчете за 1910 г. сообщал, что во время поездок по губернии и общения с учителями ему «пришлось подметить новонарождающийся тип сельского учителя». На словах этот учитель показывал «горячий патриотизм на национальной почве и преданность историческим основам нашей государственности; на деле же полное к ним равнодушие. В то же время он и не скрывает своей неприязни к крупному землевладению, особенно к дворянам-помещикам, безразлично к какой бы национальности они ни принадлежали, считая их эксплуататорами и врагами крестьян. Равным образом у него отрицательное отношение к властям духовным и светским, которых он считает своей обязанностью обличать... Все это сближает его с революционными элементами». Сделав такой огорчительный вывод, губернатор далее отмечал, что «при весьма туманном понятии нашего крестьянства о чужой земельной собственности, при том чувстве антагонизма, который оно питает к помещикам, как к классу... влияние такого народного учителя на окружающую его среду может принести громадный вред...»²⁴.

Антидемократический и антинародный характер выборов еще раз убеждал крестьянина в беспочвенности надежд на улучшение жизни при царизме и порождал безучастное отношение к Думе.

Минский губернатор Эрдели сообщил в июле 1912 г., что «крестьянское население к выборам относится индифферентно. Среди других слоев населения губернии также не заметно проявления особой предвыборной деятельности». По этой причине выборы уполномочен-

²² Полесье, 1911, 7 февр.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 258.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 17, д. 1685, л. 48—49.

ных от крестьянского населения в декабре 1912 г. в Минской губернии не состоялись. Не состоялись они и в Гродненской губернии. В донесении министру внутренних дел гродненский губернатор сообщал, что «при производстве выборов... никакого интереса как со стороны отдельных классов населения, так и со стороны каких-либо разрядов избирателей, исключая православное духовенство, не замечалось». Это подтверждается и тем, что из 38 отделений избирательного съезда Гродненской губернии по 15 отделениям выборы не были проведены, а по остальным на выборы явилась меньшая часть избирателей. Так, по польской курии в выборах приняло участие лишь немногим более 10% избирателей (697 из 6721), а по остальным даже менее 10% (из 1892 только 108)²⁵.

Еще хуже обстояло дело в Могилевской губернии, где печать отмечала повсеместную «апатию» и полное равнодушие «обывателей» к выборам. «Обыватель, несмотря на горячий призыв к выполнению политического долга,— писала «Гомельская копейка»,—отвечает молчанием и бойкотированием предвыборной кампании... Это просто равнодушие, нежелание идти на выборы, полная незаинтересованность четвертой Думой, отношение к ней, как к лишней, ненужной обузе. Обыватели просто молчат и никуда не идут и не подают никаких заявлений, не принимают никаких мер, не выставляют и не защищают никаких прав, здесь действительно бойкотируют, может быть, самым страшным и пугающим образом. Общее равнодушие, инертность, полное нежелание использовать свои права — так характеризуется выборная кампания»²⁶.

В ходе выборов в Белоруссии оживилась деятельность различных черносотенных групп и организаций. В м. Глубокое Дисненского уезда местный отдел «Союза русского народа», вокруг которого «сгруппировалось все истинно русское, православное», развернул активную предвыборную агитацию²⁷.

В Минске вновь засуетились деятели черносотенного

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 295, оп. 1, д. 9726, л. 58; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 17, оп. 1, д. 39, л. 236.

²⁶ Гомельская копейка, 1912, 15 авг.

²⁷ Северо-западная жизнь, 1912, 6 июня.

отдела «Всероссийского национального союза», организовавшего ряд собраний, посвященных выборам в Думу. На одном из таких собраний в марте 1912 г. выступили известный на всю Россию реакционер и монархист граф Бобринский, помещик Папа-Афаносопуло и другие крупные помещики и земские деятели. Бобринский произнес длинную речь, в которой не преминул обрушиться на поляков и евреев. «Поляки,— заявил он,— охотятся за голосами русских... Русское крестьянство находится в зависимости от помещиков-поляков и евреев». Этот выпад против помещиков-поляков имел чисто демагогическое значение, так как Бобринскому было хорошо известно, что крестьяне находились в зависимости и от русских помещиков. Защитнику «истинно русской» политики в Западном крае Бобринскому нужно было разжечь национальную вражду среди населения. И тут его «патриотическое чувство» выиграло и распалилось при упоминании о евреях. «Евреи в Одессе,— кричал он,— дошли до такой наглости, что пустили по городу собак и к головам их привязали царские короны, а к хвостам — православные кресты». Бобринский пытался оправдать еврейские погромы в Одессе, спровоцированные царской охранкой. Не менее шумная реакционная возня, сопровождавшаяся разгулом черносотенной демагогии, имела место в Витебске, где активно действовал витебский отдел всероссийского «Союза русского народа». Такой же отдел существовал в 1914 г. в м. Дубровно Витебской губернии²⁸.

Говоря о деятельности черносотенных организаций в Белоруссии, нельзя не отметить их тесную связь с русскими черносотенцами. В Минске существовало черносотенное «Народное братство», во главе которого стоял издатель газеты «Северо-западная жизнь» Л. Солоневич. Когда эта газета прогорела, место вожака черносотенцев в 1915 г. занял С. А. Некрасов, выпускавший газету «Северо-западное слово». Примечательно, что минские черносотенцы не только были тесно связаны с московскими, но и существовали на деньги русских черносотенных организаций. Так, Солоневич получал для своей газеты крупные субсидии от Бобринского, ко-

²⁸ Минские ежедневные ведомости, 1912, 31 марта; Витебский вестник, 1912, 5 дек., 27 ноября.

торый издавал «Русское знамя», орган «Союза русского народа»²⁹.

В результате выборов в IV Думу от Белоруссии, как и следовало ожидать, прошли представители помещиков, чиновников, буржуазии, которые составляли 72%³⁰.

Хотя рабочие и крестьяне были фактически отстранены от участия в Думе, тем не менее избирательная борьба и сама деятельность Государственной думы постепенно привели к крушению надежд на «парламентское» законодательство. Период деятельности IV Думы — это был период, когда окончательно рухнули думские упования преобладающей части сельского населения, что имело далеко идущие политические последствия. Крах царистских и думских иллюзий послужил одной из главных причин падения царизма и крушения буржуазного режима в 1917 г. Без горького опыта четырех Дум и разочарования в думской политике рабочий класс, руководимый большевиками, не смог бы в 1917 г. обеспечить прочный союз с крестьянством и осуществить победоносную февральскую революцию, расчистившую дорогу для Октябрьской социалистической революции.

Революционно-демократические требования крестьян. Отношение помещиков и буржуазии к крестьянскому движению

Уже в период первой русской революции крестьянство ясно выразило свои революционно-демократические требования, направленные на ликвидацию помещичьего землевладения путем революционного уничтожения всех пережитков крепостничества и замены самодержавия демократической республикой. Под знаменем этих требований крестьянство продолжало бороться и в последующий период. Главной целью крестьянской борьбы было, как и прежде, радикальное разрешение аграрного вопроса.

Аграрный вопрос в России существовал начиная с «крестьянской реформы» 1861 г., которая оставила большую часть земли в руках помещиков. В конце XIX в.

²⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 295, оп. 1, д. 8539, л. 561—563.

³⁰ История БССР.— Минск, 1954, т. 1, с. 436.

аграрные противоречия обострились, что нашло свое выражение в новом подъеме крестьянского движения, а также в повышенной склонности крестьян «слушать злонамеренную агитацию бунтовщиков, особенно если они говорили о малоземелье и о податях». Царские сановники, члены Государственного совета сокрушались: «Всюду являются проходимцы (агитаторы.— Л. Л.) и доколе они говорят крестьянам об отвлеченных предметах, их вяжут и отдают полиции. Но если они будут говорить о земле, их будут слушать, и они будут иметь влияние»³¹.

Так как революция 1905 г. не разрешила аграрного вопроса, он и в дальнейшем оставался главным вопросом демократического движения. В этом смысле можно сказать, что 1861 г. породил не только 1905 г., но и 1917 г. Крестьянство с каждым годом все более настойчиво требовало земли и ликвидации полукрепостнического гнета.

В. И. Ленин писал в 1912 г., что «чисто капиталистические отношения придавлены еще у нас в *громдных* размерах отношениями *крепостническими*. Борьба массы населения, в первую голову массы крестьянства вообще, с этими именно отношениями — вот в чем своеобразие русского аграрного вопроса. На Западе *такой* «вопрос» существовал во время оно повсеместно, но он давно уже там решен. В России с его решением запоздали, аграрная «реформа» 61-го года не решила его, столыпинская аграрная политика *не может* при данных условиях решить его»³².

Крестьянская борьба за землю не была выражением социалистических требований. Она носила буржуазно-демократический характер. В. И. Ленин указывал, что в России после революции 1905—1907 гг. крестьянство выступало и спланивалось как буржуазно-демократическая сила. Это вытекало из классовой сущности мелкого производителя, который являлся частным собственником. «...Наш мелкий производитель (крестьянин-земледелец и кустарь) есть мелкий буржуа», — писал В. И. Ленин. Но мелкий производитель был не только собственником, но и тружеником. Это тянуло его к про-

³¹ Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России от реформы до революции (1861—1917 гг.).— Курск, 1927, с. 179.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 307.

летариату в общей борьбе против царизма и капитализма, господство которого сохранилось бы и в случае перехода всей земли к крестьянству.

В. И. Ленин отмечал, что «борьба за землю, борьба за свободу есть борьба за условия существования буржуазного общества, ибо господство *капитала* остается и в самой демократической республике и при каком угодно переходе «всей земли народу»³³.

Крестьяне требовали не только ликвидации помещичьего землевладения, конфискации помещичьей земли и национализации всех земель, но и уничтожения крепостнических пережитков в государственных учреждениях, демократизации общественного строя. Это проявилось в речах и выступлениях крестьянских депутатов в Государственной думе. Газета «Северо-западный голос» отмечала в 1908 г., что крестьянские депутаты от Белоруссии в III Думе «не выдержали, они заговорили». Депутаты требовали «заняться крестьянским вопросом». Помещики сетовали на то, что, хотя в Думу попали только представители «крепкого крестьянства», однако даже они высказывали пожелание «удовлетворения важнейших нужд» деревни, выступали «за земельное упорядочение», т. е. за наделение крестьян землей, против сословности и всех пережитков крепостничества — отработков, общинной кабалы, тяжелых повинностей и поборов и т. д.³⁴

Крестьянские депутаты требовали уменьшения налогов, передачи крестьянам сервитутов, упразднения волостных судов и учреждения вместо них демократических выборных органов, устранения произвола местной администрации, употребления родного языка в судах и школах и т. п. Депутат от Минской губернии крестьянин Юркевич, примыкавший к правым и даже к черносотенцам, требовал упразднения антидемократических волостных мировых судов и введения судов коллегияльных «по образцу гминных». Крестьянский представитель от Виленской губернии Циунелис высказался за то, чтобы уездные судьи назначались не из помещиков, а «из всяких образованных и честных граждан». Представи-

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 323; т. 1, с. 513; т. 15, с. 205.

³⁴ Северо-западный голос, 1908, 13 февр.

тель от крестьянского населения Витебской губернии Ермолаев заявил в III Думе, что он стоит «за четыреххвостку» — прямое, равное, тайное и всеобщее голосование при избрании членов уездных землеустроительных комиссий. Крестьянин Тычинин из той же губернии призывал к установлению «надлежащего контроля» за деятельностью мировых судей, а Сазанович (правый крестьянин от Могилевской губернии) требовал уменьшения налогов с крестьян.

Конечно, в Государственной думе звучали и другие крестьянские голоса — в защиту столыпинских мероприятий, шовинистические и реакционно-черносотенные требования, направленные на защиту интересов помещиков и кулаков. Например, крестьянин Наливайко из Минской губернии заявил в Думе о поддержке закона о землеустройстве, которое, по его словам, «может принести нам много пользы», хотя тут же отметил его «некоторые недостатки». Речь Наливайко — типичный образец защиты интересов кулачества, поддерживавшего столыпинскую хуторизацию. В том же духе высказывался помещик Ванькович (Виленская губерния), который требовал разверстания сервитутов, причем заявлял, что «сервитуты — не есть какое-либо особое право крестьян на землю», а нужно «не обижать и помещиков»³⁵.

Исключительно бурные прения в Думе развернулись по вопросу введения родного языка в судах и школах. В то время как черносотенные депутаты высказывались за дальнейшее ограничение прав «инородцев» и недопущение родного языка в государственных и других учреждениях, представители национальных меньшинств выдвигали противоположные требования. Мнение столыпинского лагеря выразил в своей речи черносотенец Замысловский (Виленская губерния), который выступил против права «инородцев» свободно пользоваться своим родным языком. То же требовали правый депутат от Могилевской губернии Сазанович и представитель от Минской губернии — бывший присяжный заседатель Павлович³⁶.

³⁵ Государственная дума. Третий созыв, сессия III. Стенограф. отчет.— Спб., 1910, ч. 1, с. 2725—2726, 2775, 589—590, 3201, 3210, 126, 400.

³⁶ Там же, с. 2960—2963, 2978—2979, 3082.

Противоположные требования выразил депутат ксендз Мацеевич (Гродненская губерния), который защищал право выступать в судах и школах и вести дела на родном языке для поляков и других национальностей. «Польшаки,— заявил он,— как исторический народ имеют право на свой язык»³⁷.

Кстати, Замысловский и другие депутаты от Белоруссии «прославились» своими выступлениями и в IV Государственной думе. Особенно неистовствовал Замысловский, который, выступая от русской курии, выражал крайние реакционные взгляды. Он нападал на социал-демократов, сделавших запрос по поводу жестокого обращения в царских тюрьмах с политическими заключенными. Замысловский договорился до того, что сравнил царские тюрьмы с гостиницами, утверждая, что «режим там слишком мягкий». Он же яростно возражал против упразднения черты еврейской оседлости и против законопроекта о неприкосновенности личности, ратовал за представление права полиции производить обыски даже в квартирах членов Государственной думы, заявляя, что там «могут подготовляться заговоры и восстания»³⁸.

В свою очередь, Мацеевич, выступая от имени «польского кола», отстаивал свободу польского языка в школах, церквях и учреждениях, защищал католическую веру и т. п. В том же духе высказывались помещики Путткамер и Свенцицкий (Виленская губерния). Граф Путткамер, протестуя против закрытия католических религиозных и благотворительных обществ, коснулся вопроса о «хулиганстве». Он заявил, что «хулиганство — это симптом начинающейся болезни социального строя и вызывается... полным крушением веры в существование каких-либо прав... Трудно ожидать, чтобы в душе непригретых сирот, выброшенных на улицу, росло уважение к чужим правам»³⁹.

Что касается крестьянских депутатов, то они требовали расширения землевладения. Правда, в IV Думе эти требования стали звучать глуше и реже, ибо Дума мало занималась аграрным вопросом, да и крестьяне начали понимать нереальность надежд на Думу. Чаще всего вы-

³⁷ Там же, с. 3080.

³⁸ Там же, с. 1224, 1521.

³⁹ Государственная дума. Четвертый созыв, сессия I. Стенограф. отчет.— Спб., 1913, ч. 1, с. 84.

ражались пожелания расширения крестьянского земле владения за счет казенных земель, продажи земли по сниженным ценам из имений Крестьянского банка, передачи сервитутов и т. п. Это означало, что главным требованием крестьянства по-прежнему был вопрос о земле. Вся дореволюционная печать отмечала обострение земельного вопроса. «Виленский вестник» писал: «Земельный вопрос... обострился. Крестьяне идут и идут к помещикам с мучительным вопросом: «Як жа гэта будзе, панок?»... Общее настроение проснувшихся теперь крестьян такое: крестьянин ищет выхода из темного своего положения». Несмотря на поражение революции 1905 г., массы крестьян еще продолжали надеяться на разрешение аграрного вопроса в их интересах. Это отмечал даже могилевский губернатор, который в 1907 г. писал: «В глубине души все еще лелея надежду на то, что разрешении вопроса о передаче им частновладельческих земель отложено лишь временно, крестьяне остаются очень чуткими ко всяким слухам, питающим эти ожидания их»⁴⁰.

В тесной связи с решением аграрного вопроса находилась ликвидация сервитутов. Сервитутный вопрос, представлявший часть аграрного вопроса, мог быть решен в интересах крестьянства только при условии победы демократической революции. Проблема сервитутов особенно обострилась после первой русской революции, что было связано с процессом ускоренного развития капитализма в сельском хозяйстве и проведением столыпинской земельной реформы.

Газета «Минское эхо» в 1908 г. писала, что «в последнее время, особенно начиная с памятного 1905 года, крестьяне возымели сильное желание изменить установившиеся порядки и начали заявлять о своих сервитутных правах»⁴¹.

Росту аграрного движения способствовало разочарование крестьян в Государственной думе. Но оно пришло не сразу. Вначале значительная часть деревни еще верила в Думу. Об этом свидетельствует «Могилевский вестник», который указывал, что в 1906 и 1907 гг., когда только появилась Дума, толпы крестьян в Могилеве

⁴⁰ Виленский вестник, 1907, 14 марта; ЦГИАЛ СССР, библиотека, I отд., отчеты губернаторов за 1907 г., л. 189.

⁴¹ Минское эхо, 1908, 9 авг.

осаждали «уличных адвокатов». Они писали «бумаги в Думу». Эти бумаги, по свидетельству газеты, «заготавливались с невероятной быстротой — и чего только в них не было! Тут — и жалоба на земского начальника, порешившего дело не в пользу просителя, тут — и об отсутствии земли для пастьбы скота, и про то, что писарь волости «больно нехороший человек», и про обиды, учиняемые безнаказанно богатым соседом, и про тысячи мелких горестей бедной, «серой крестьянской жизни, полной невзгод». И все это адресовалось «беспримерно прямо в Государственную думу, в собственные руки!» — Пущай знают про все!» — говорил мужичок и луч надежды загорался в его глазах, надежды, что «бумага» эта, адресованная «беспримерно в Государственную думу, в собственные руки», изменит тяжелую жизнь. Но умерла Дума. Долго ждали мужички ответа на свои «бумаги» — не дождались... Минула полоса несбыточных грез, началось отрезвление»⁴².

О думских иллюзиях в 1907 г. сообщал также начальник Могилевского жандармского управления, который писал: «Большинство крестьян питают надежду, что третья Государственная дума выработает проект об улучшении быта крестьян посредством наделения их землею и взыскания налогов со всех поровну. Крестьяне многих селений, имея надежду на улучшение их быта третьей Думой, высказывают неудовольствие к помещикам соседних имений за то, что последние спешат продать свои леса торговцам, а эти уничтожают леса ежегодно сплавом по рекам...»⁴³

Однако скоро стало расти разочарование в Думе. Об этом в марте 1908 г. доносили жандармы из Вилейского и Дисненского уездов. «Крестьяне говорят, — указывали они — что, как видно, Дума ничего хорошего не выдумает». Другой жандармский офицер сообщал летом 1909 г.: «...получены сведения от некоторых крестьян, что в Государственной думе большинство помещиков, и поэтому крестьяне улучшения своего быта от них не ожидают».

Посылая депутатов в Думу, крестьяне требовали отстаивать их интересы. Когда же они убеждались, что сельские богатеи, попадавшие в Думу, стоят за одно с

⁴² Могилевский вестник, 1913, 10 марта.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 1, д. 41, ч. 9, л. 42.

помещиками и начальством, негодованием их не было предела. В рапорте губернатору в мае 1907 г. полоцкий уездный исправник сообщал, что прибывший на пасхальные каникулы правый депутат от крестьян Полоцкого уезда Петроченко выступил с речью в д. Заборье Владимирской волости. Когда крестьяне поняли, что Петроченко «тянет руку правительства», они заволновались, слышались негодующие крики: «Нам не нужно таких депутатов! Мы не для того тебя выбирали, чтобы ты был заодно с правительством!» Сам Петроченко в жалобе губернатору писал, что «крестьяне хотели убить его»⁴⁴.

Если крестьянство в целом боролось за радикальное разрешение аграрного вопроса, выдвигало революционно-демократические требования, то буржуазия, не говоря уже о помещиках, была против революционно-демократических преобразований. Даже либеральная буржуазия, которую представляли кадеты и «прогрессисты», занимала контрреволюционные позиции. «Кадеты,— указывал В. И. Ленин,— продолжают называть себя демократами, будучи на деле контрреволюционными либералами»⁴⁵. Либеральная буржуазия и обуржуазившиеся помещики в Белоруссии, как и во всей России, относились глубоко враждебно к революционному движению и крестьянской борьбе. Особенно возросла контрреволюционность буржуазии после революции 1905—1907 гг., которая смертельно напугала господствующие классы. Буржуазия опасалась «крайностей» народного движения, грозившего уничтожить вслед за феодально-помещичьей буржуазную частную собственность. Это отразилось в высказываниях, речах и заявлениях либеральных земских деятелей, взгляды которых попадали на страницы печати. В этой связи представляет интерес статья в газете «Северо-западная жизнь», подписанная «Белорус из Быховского уезда», который, как видно, был земским деятелем-помещиком. В начале статьи он сетует на «социальную разруху» и «глубокую деморализацию» деревни, проявившуюся в последнее десятилетие. Эта «социальная разруха» (имеется в виду революция 1905—1907 гг.) «подрыла до основания идеологию пахаря». Она уничтожила «все лучшее в натуре крестьянина», заменив его «сплошным хулиганством, разгулом, безобразием», а в низах город-

⁴⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2768, л. 14.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 244.

ского населения «освободительное движение 1904—1905 гг. ...воплотилось в революционный анархизм»⁴⁶.

Либерального деятеля пугала и возмущала угроза посягательства на частную собственность. Извращая социальные требования ликвидации частной собственности, критикуя социалистов, он патетически восклицал: «Собственность должна принадлежать всем! Человек, имеющий шубу, — буржуй, чиновник — враг народа... Как и следовало ожидать, деревня в лице своей молодежи быстро восприняла этот катехизис, реализуя его на практике». По этому поводу нельзя не вспомнить пророческие слова К. Маркса и Ф. Энгельса, высказанные в «Манифесте Коммунистической партии». Великие основоположники научного коммунизма отмечали, что буржуазия еще на заре зарождения коммунистического движения бросала «клеящее обвинение» коммунистам в том, что они якобы хотят «уничтожить собственность, лично приобретенную, добытую своим трудом, собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности»⁴⁷.

Ужас буржуазии проистекал из того, что под собственностью она понимала частную собственность, порождающую эксплуатацию наемного труда капиталом. Давая отповедь буржуазным апологетам, Маркс и Энгельс писали: «Мы вовсе не намерены уничтожить... личное присвоение продуктов труда... присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создать власть над чужим трудом»⁴⁸. Как и реакционные критики марксизма, быховский либерал стремится вызвать у крестьян неприязнь к революционерам, приписывая им абсурдные намерения упразднения личной собственности. Сетует на то, что «картина общественной жизни 1905—1906 гг. была хаотична и сумбурна», он выдвигает свою программу социальных преобразований, которые не должны идти дальше буржуазных реформ под эгидой конституционно-монархического строя. В частности, он ратовал за свободу «политических банкетов» и «съездов общественных деятелей», которым нужно дать право «проектировать переустройство государства на новых началах».

⁴⁶ Северо-западная жизнь, 1912, 7 июня.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 438.

⁴⁸ Там же, с. 439.

Под последним подразумевались улучшение деятельности и «демократизация» чиновничьего аппарата, предоставление широких прав земствам и некоторых прав крестьянам, «сотрудничество» царя с Государственной думой на основе совместной законодательной деятельности во имя «новой культурной России»⁴⁹. Всецело поддерживая столыпинскую реформу, либеральный земец в то же время с ненавистью отзывался о народном движении 1905 г. «Когда в Петербург съезжались представители народа,— писал он,— и с трибуны Государственной думы среди революционной шумихи раздавались трезвые речи о новой культурной России,— в это время по деревням и селам нашего просторного отечества Иваны жгли помещичьи экономии, резали скот, рубили сады... убивали на дорогах урядников. Одна за другой рушились вековые традиции... В грохоте и треске прошел революционный период жизни русского народа. Кровавый кошмар, давивший страну, рассеялся. Минули баррикады, аграрные беспорядки, еврейские погромы, трескучие митинги. Азефы и Савицкие, провокации и экспроприации были последним аккордом трагической и безумной оперы русской революции». Но когда все это «безумное время» прошло и буржуазия вкупе с помещиками стала надеяться, что жизнь потечет по-старому, оказалось, что «деревня потеряла прежний облик и стала неузнаваемой», ибо «в сердцевину здорового и крепкого ствола крестьянской психики вточился революционный червь и подгрыз это могучее дерево». К ужасу либеральных помещиков «революционность деревни превратилась в хулиганство, непризнание собственности за помещиком ближайшего имени переросло в неуважение к собственности своего соседа, такого же крестьянина»⁵⁰ (разумеется, сельского кулака).

Касаясь причин тяжелого положения крестьян, которое было очевидно и которое отрицать никак было нельзя, земский либерал повторяет обычную помещичью басню, которую много раз использовала официально казенная и буржуазная пресса. Причины бедности крестьянства — это-де лень, пьянство, картежная игра. Особенно пугал власть имущих тот факт, что молодежь находи-

⁴⁹ Северо-западная жизнь, 1912, 7 июля.

⁵⁰ Там же, 7 июня.

лась «под влиянием новых веяний». А это очень опасно, и «так дальше продолжаться не должно». Нужно предпринять немедленные меры для «исцеления государственного организма от язв революционного лихолетья». Главное внимание предлагалось обратить на идеологию крестьян, ибо «оздоровление деревни является делом первейшей важности». Для «оздоровления деревни», оказывается, нужно было наряду с полицейским «усмирением» идти следующими двумя «мирными» путями: 1) пустить в ход идеологические методы борьбы против «революционной заразы», т. е. пропаганду и «просвещение» крестьянства в духе «уважения священной частности собственности»; 2) стать на путь капиталистической перестройки деревни в духе столыпинских требований. Обращаясь к интеллигенции, земский деятель восклицал: «Устраивайте народные театры, учреждайте при земских школах библиотеки, организуйте чтения с гуманными картинками, прививайте крестьянину сельскохозяйственные знания, создавайте по деревням кооперативные учреждения... Спасайте деревню, выводите ее из тупика самопожирания и гибели»⁵¹. Такова программа либерального защитника старой России, которая почти не расходилась с реакционной программой столыпинского правительства.

Буржуазия и помещики не ограничивались открытым выражением глубокой враждебности к революционному движению, пожеланиями создания «новой культурной России», призывами поддержки капиталистического развития страны. Они пытались на деле «искоренить» последствия 1905 г. во всех сферах социальной жизни. Выражением таких контрреволюционных действий явилось создание виленского общества «Крестьянин» (издававшего журнал под тем же названием) и других организаций. Официально ставя своей целью «содействие умственному и нравственному развитию крестьян» (как было сказано в уставе), общество в действительности занималось идеологической обработкой сельского населения в духе черносотенно-монархических требований. Глава общества С. Ковалюк одновременно состоял председателем черносотенного «Национального союза», созданного в Вильно 30 марта 1912 г. Он ставил целью «объединить

⁵¹ Там же.

всех русских людей, чтобы сердца их бились любовью к царю». Такие же реакционно-монархические цели преследовало «Западно-русское общество», возникшее в Вильно 6 декабря 1912 г. В своей программе оно выдвигало задачу «защищать русских людей от натиска на них поляков, евреев и немцев», а также «помогать подъему земледелия, промышленности и торговли русских людей», создавать коммерческие общества и потребительские лавки, распространять образование, собирать исторические памятники и т. д. Иными словами, это была программа русификации, помощи кулакам и помещикам в преобразовании хозяйства на капиталистических началах. Какое большое значение царизм придавал этому обществу, видно из того, что председателем его был избран член Государственной думы Чихачев, а в состав общества вошли члены Государственного совета Д. И. Пихно, Я. Н. Офросимов, депутаты В. В. Шульгин, А. С. Чижицкий, сенатор Е. Ф. Тарау, графиня М. Бобринская и другие высокопоставленные царские чиновники и помещики⁵².

В 1908 г. общество «Крестьянин» выступило с инициативой созыва съезда «представителей крестьян» от всей Белоруссии. Как указывалось в объявлениях комитета, созданного этим обществом, цель съезда заключалась в том, чтобы «насадить в крае всестороннюю культуру», укрепить в народе «любовь к царю и отечеству». Комитет в своем воззвании подчеркивал, что «нужды и печальное положение крестьянина-белоруса уже всеми осознаны» и теперь надо принимать меры, чтобы вывести его «на культурную дорогу». В состав комитета вербовались учителя, священники, старосты, писари, известные своей «благонадежностью», т. е. преданностью царизму. Реакционная сущность комитета видна из его программы, которая включала: «1) местное самоуправление, необходимость его и в каком виде оно желательна; 2) показательные поля и необходимость перехода на хуторские хозяйства; 3) ознакомление крестьян с переселением в Сибирь; 4) укрепление в народе любви к правде, труду, честности и своей самобытности; 5) борьба с распущенностью деревенской молодежи и неуважением к чужой собственности»⁵³.

⁵² Крестьянин, 1912, № 5.

⁵³ Минское эхо, 1909, 12 февр.

Наряду с этими «столыпинскими» пунктами были и еще более реакционные и черносотенные, такие как ликвидация «засилья евреев в деле снабжения школ писчебумажными принадлежностями», вопрос «о засилье поляков в земском деле», «о нашествии немцев-колонизаторов в Белоруссию» и т. п.⁵⁴

Таким образом, программа съезда полностью отвечала реакционной столыпинской политике «реформирования» России и носила грязные следы влияния националистической реакции и контрреволюции, выступавшей с позиций демагогии, расизма и махрового шовинизма. Даже буржуазно-помещичья пресса, находившаяся под контролем царской цензуры, отмечала реакционный характер виленского сборища. «Гомельский вестник» писал, что «белорусское общество «Крестьянин» как-то ухитряется объединить в своей программе белорусизм с основными чертами программы «Союза русского народа» и с пожеланиями местного начальства»⁵⁵.

Программа была разослана по всем захолустным уголкам Белоруссии, причем комитет просил крестьян, священников и учителей прислать своих депутатов в Вильно на съезд для обсуждения «нужд деревенской жизни». В некоторых местах это обращение возымело действие, и доверчивые крестьяне посылали в Вильно «депутатов». Всего на съезд прибыло 300 делегатов, из которых большинство были чиновники и священники. На третьем месте стояли учителя, но их было мало. Еще меньше было представителей крестьян, да и те принадлежали к сельской верхушке. Крестьяне явились на съезд с целью, как они выражались, «заявить властям и депутатам Думы о своих нуждах»⁵⁶.

Съезд открылся в Вильно 30 декабря 1908 г. На его заседаниях присутствовали правые депутаты Государственной думы Сазанович, Замысловский и Павлович. Сазанович и другие черносотенцы выступили с речами, которые вызвали неприязнь большинства депутатов. Так, Сазанович говорил о ненужности школ и народного образования, а когда стал пренебрежительно отзываться о нуждах учителей, раздались крики: «Довольно! Вон Сазановича!»

⁵⁴ Гомельский вестник, 1909, 12 февр.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Минское эхо, 1909, 12 февр.; Гомельский вестник, 1909, 13 янв.

В целом съезд не оправдал надежд его устроителей. Широкие крестьянские массы, исключая кулаков и сельскую буржуазию (новых столыпинских «помещиков»), безучастно, а иногда и враждебно относились к деятельности виленского комитета. Об этом рассказал корреспондент «Минского эха», описавший беседу с крестьянами одной из деревень Белоруссии. Избранный виленским съездом «депутат» читает программу и объясняет ее крестьянам. На вопрос, какое самоуправление нужно крестьянам, слышится ответ из толпы:

«— Какое угодно, барин, только смотри, чтобы было поменьше начальства.

— А хочешь ли переехать на хутор?

— Не-е... Землицы бы побольше,— отмечает мужичок, почесывая затылок. Чтение кончилось тем, что под возгласы: «Ерунда все эти съезды! Подвох!»— толпа разошлась»⁵⁷.

Более дальновидные представители помещичьего класса понимали невозможность «жить по-старому» и неизбежность изменения существующего положения, некоего, хотя бы частичного, наделения крестьян землей. Выражением таких настроений было выступление князя Друцкого-Любецкого в Минске на собрании выборщиков в Думу, который заявил: «Хотя я и землевладелец и имею 2,5 тыс. дес., но я полагаю, что земля должна принадлежать тем, кто над нею в поте лица работает». Хотя это было только демагогическое пожелание, исходившее от одного из крупных представителей господствующего класса, тем не менее оно вызвало переполох и враждебные нападки на Друцкого-Любецкого со стороны помещиков и чиновников. Дело кончилось судебным процессом над Друцким-Любецким и заключением его под стражу⁵⁸.

Противоречивую позицию по отношению к революционному движению занимала БСГ, которая после поражения революции 1905—1907 гг. повернула еще больше вправо. Она стала на путь приспособления к столыпинской политике. В 1907 г. в Докшицах Минской губернии состоялся последний съезд БСГ, на котором был провозглашен роспуск партии. Однако это был только такти-

⁵⁷ Гомельский вестник, 1909, 13 янв.

⁵⁸ Минский голос, 1910, 18 мая.

ческий ход, на самом деле деятельность БСГ не прекратилась. Печатным органом партии вместо газеты «Наша доля» стала «Наша нива», выходявшая с ноября 1906 по август 1915 г.

Идея отсутствия классов и классовой борьбы пропагандировалась правыми элементами БСГ и в предвоенные годы, причем еще более настойчиво. «Наша нива» писала в 1912 г.: «Все белорусы — это родные братья, это одна семья... Интересно посмотреть, где они, белорусские буржуи? Даже смешно... Посмотреть бы на них, как на белых воробьев»⁵⁹.

Громадовцы поддерживали столыпинскую реформу, помогали царизму в насаждении хуторов и отрубов. Выражая интересы кулаков, «Наша нива» требовала «ликвидировать чересполосицу, межи и разбить землю на такие хозяйства, чтобы у каждого хозяина (владельца) земля была в одном куске» (т. е. создать фольварковое или хуторское хозяйство). Громадовцы стояли за введение земства в Белоруссии и передачу в его руки всех мероприятий по осуществлению столыпинской реформы. «Хутора, — писала «Наша нива», — лучший способ спасти нашу деревню»⁶⁰.

Великую Октябрьскую революцию большинство белорусских громадовцев встретило с неприязнью и повело против нее активную борьбу. Это обусловило в конечном счете полное идейное и политическое банкротство этой партии, определило тот факт, что она быстро сошла с исторической сцены. Уже на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. из всех партий самый меньший процент голосов получили белорусские националисты. За них голосовало только 0,3% избирателей⁶¹.

Первая социальная война

Вслед за подъемом рабочего движения в 1910—1914 гг. усилилось крестьянское движение в Белоруссии, проявлявшееся, как и ранее, в двух социальных войнах.

⁵⁹ Карнейчык Я. Беларуская нацыя, с. 202.

⁶⁰ Наша нива, 1909, № 12.

⁶¹ Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции. — Минск, 1962, с. 387.

Оно было составной частью общероссийского революционного движения, с угрожающей быстротой охватывавшего всю страну. На протяжении 1910—1914 гг. по всей России, по данным С. М. Дубровского, произошло 2144 крестьянских выступления⁶². Однако это не полные сведения. Только на современной территории Белоруссии зарегистрировано за 1910—1913 гг. и первую половину 1914 г. более 560 выступлений. По сравнению с периодом реакции в годы подъема каких-либо изменений в формах аграрной борьбы не отмечалось (исключая период войны). Но заметно изменился характер движения, которое стало более активным и наступательным. Усилилась и обострилась вторая социальная война, что было связано с ростом капитализма и столыпинским реформированием деревни. Развитие капитализма в сельском хозяйстве, ускорившееся в период столыпинщины, неизбежно приводило к крушению патриархальной идеологии крестьянства и обострению социальных противоречий в деревне. Главной линией классовой борьбы являлась первая социальная война, на которую в 1910—1913 гг. и первой половине 1914 г. приходилось в совокупности 408 выступлений из 563, или более 72%. По сравнению с периодом реакции произошел рост удельного веса крестьянских выступлений, относившихся ко второй социальной войне.

По отдельным годам крестьянская борьба развивалась следующим образом: в 1910 г. произошло 96 выступлений, в 1911 г.— 114, в 1912 г.— 141, в 1913 г.— 151 и в первой половине 1914 г.— 60 (табл. 7—9).

После периода реакции новое нарастание аграрной борьбы началось в 1911 г., наивысшая волна которой приходится на 1912—1914 гг. За последние два с половиной года (1912—1914 гг.) в среднем за год происходило 140 выступлений, т. е. значительно больше, чем в среднем за год в период реакции. На крестьянское движение этого периода оказало влияние революционное рабочее движение, начало которому положил Ленский расстрел на далеких сибирских золотых приисках. После Ленского расстрела сотни тысяч рабочих активно включились в стачечную борьбу.

⁶² Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа.— М., 1963, с. 518.

В 1913 г. в России бастовало 1272 тыс. рабочих, а в первой половине 1914 г. стачечная волна превысила волну забастовок 1905 г. В Белоруссии в 1912—1913 гг. в стачках участвовало свыше 11 тыс. рабочих⁶³. Подъем рабочего движения, изменение общего политического климата в стране, отступление контрреволюции способствовали росту крестьянского движения. «Медленно, но верно,— писал В. И. Ленин,— революционная стачка шевелит, будит, просвещает и организует народные массы для революции»⁶⁴.

Наиболее сильное движение в годы подъема (1910—1913 гг. и первая половина 1914 г.) отмечалось в Минской губернии, на которую приходилось 335 выступлений, или около 60%. За ней шли Витебская губерния (5 уездов) — 70 выступлений (12,4%), Могилевская — 79 (14,0%), Виленская (4 уезда) — 44 (7,9%), Гродненская (6 уездов) — 35 (6,2%). Минская губерния занимала первое место по активности крестьянской борьбы не только в Белоруссии, но и во всей Российской империи⁶⁵.

Причины крайнего обострения аграрных противоречий в Минской губернии были следующие:

— широкое распространение пережитков крепостничества (господство помещичьих латифундий, острое малоземелье, вопиющая нищета деревни, распространение отработков и кабалы всех видов, непосильное бремя податей и повинностей, засилье ростовщического капитала и т. п.). Гнет крепостнических пережитков усиливал крестьянский натиск на помещиков, порождал острые столкновения по аграрному вопросу;

— более широкое, чем в других губерниях, распространение сервитутов, которые в 1912 г. охватывали свыше 40% всех помещичьих имений и более половины крестьянских дворов. Ожесточенная борьба за сервитуты с каждым годом все больше обострялась по мере развития капитализма в сельском хозяйстве. Превращение помещичьего хозяйства в рыночное, где ценность земли быстро возрастала, побуждало владельцев усиливать наступление на сервитутные права крестьян, а это, в свою оче-

⁶³ Очерки истории СССР, с. 175, 177, 233; Гісторыя Беларускай ССР.— Мінск, 1972, т. 2, с. 496.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 304.

⁶⁵ ЦГАОР СССР, ф. 102, д. 40, ч. 1, л. 113.

Крестьянское движение в Белоруссии в годы нового

Уезд	Первая социальная война									
	Порубки леса	Пастба скота	Борьба за сервантуы	Захват земли и леса	Поджоги имений и имущества	Поджоги имущества лесняков	Поджоги казенных винных лавок	Разгром квартир лесняков	Убийства помещиков, арендаторов	Убийства лесняков, старост, полицейских
Минский	—	5	8	—	12	—	—	—	1	2
Бобруйский	3	4	9	2	5	1	—	—	1	4
Борисовский	2	—	2	1	4	—	—	—	—	—
Игуменский	—	6	13	2	4	—	—	—	—	—
Мозырский	2	3	17	4	8	—	—	—	—	—
Новогрудский	1	—	7	—	5	—	—	1	—	—
Пинский	3	7	9	—	15	2	—	—	1	3
Речицкий	—	2	5	—	6	5	—	—	1	1
Слуцкий	1	3	5	—	2	—	—	—	1	—
Могилевский	—	—	—	—	5	—	—	—	—	1
Гомельский	1	2	—	4	11	—	—	—	—	3
Мстиславский	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Оршанский	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Рогачевский	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—
Сенненский	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Климовичский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Быховский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чериковский	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—
Горецкий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Витебский	—	—	—	—	9	1	—	—	—	—
Городокский	1	—	—	—	8	—	—	—	—	1
Полоцкий	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—
Лепельский	—	—	—	—	9	—	—	—	—	—
Дриссенский	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Гродненский	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
Брестский	4	1	—	1	3	—	—	—	—	—
Волковысский	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Кобринский	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Слонимский	—	1	—	1	—	1	—	—	—	2
Вилейский	—	—	—	—	12	—	—	—	—	3
Дисненский	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
Лидский	—	—	2	—	4	—	—	—	—	—
Ошмянский	—	—	—	—	5	—	—	—	—	1
Всего	19	36	78	18	140	11	1	2	6	22
В %	3,4	6,0	13,9	3,2	24,8	2,0	0,2	0,4	1,1	4,0

Таблица 7

революционного подъема (1910—июль 1914 гг.)

				Вторая социальная война											
Отказ от уплаты налогов и сборов	Забастовки сельскохозяйственных рабочих	Сопровождение властям и полиции	Другие выступления	Забастовки сельскохозяйственных рабочих	Потравы лугов хуторян	Захват земли хуторян	Поджоги имущества кулаков и капиталистов	Убийства кулаков	Отказ выходить на хутора	Сопровождение властям и землемерам	Поджоги кварталов землемеров	Разгром хуторов	Всего		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	52		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	43		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	34		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7		
6	3	33	33	3	4	1	88	10	30	16	1	2	563		
1,1	0,5	5,8	5,8	0,5	0,8	0,2	15,8	1,9	5,2	2,8	0,2	0,4	100		

Крестьянское движение в Белоруссии

Уезд	Январь		Февраль		Март		Апрель		Май	
	1910	1911	1910	1911	1910	1911	1910	1911	1910	1911
Минский	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Бобруйский	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Борисовский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Игуменский	—	1	—	—	—	1	1	1	—	2
Мозырский	—	1	—	—	4	—	—	—	1	1
Новогрудский	—	1	—	1	—	1	—	—	—	1
Пинский	—	1	2	—	3	—	1	—	1	—
Речицкий	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—
Слуцкий	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Витебский	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Городокский	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—
Лепельский	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—
Полоцкий	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—
Дриссенский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Могилевский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гомельский	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Горецкий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Климовичский	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Чериковский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мстиславский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Оршанский	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Рогачевский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Сенненский	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—
Гродненский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Волковысский	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—
Брестский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вилейский	—	—	—	—	—	1	—	3	—	1
Дисненский	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Лидский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Ошмянский	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Всего	3	6	4	6	12	3	4	9	8	12
В %	1,4	2,9	1,5	2,9	5,7	1,4	1,5	4,2	3,8	5,7

Таблица 8

в 1910—1911 гг. (по месяцам)

Июнь		Июль		Август		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Всего
1910	1911	1910	1911	1910	1911	1910	1911	1910	1911	1910	1911	1910	1911	
1	1	—	—	1	—	—	2	—	2	2	—	—	—	12
1	—	1	2	—	1	—	1	—	3	—	2	—	1	14
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
1	7	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	17
2	3	—	1	—	—	3	—	1	—	—	3	—	—	20
—	1	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	11
—	2	—	—	—	1	—	—	—	1	3	—	—	—	15
—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1	3	10
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	5
—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	4
4	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	10
3	—	—	—	1	—	—	—	—	1	1	2	—	3	14
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	1	2	2	—	—	—	3	1	2	1	2	—	18
1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2
—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
1	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	4
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	3
—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	4
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
—	2	—	2	2	1	—	—	1	5	—	—	—	—	18
—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	4
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	3
18	19	3	13	7	6	10	5	7	15	16	9	5	11	211
8,6	9,0	1,4	6,1	3,3	2,9	5,0	2,3	3,3	7,1	7,9	4,2	2,3	5,6	100

Крестьянское движение в Белоруссии

Уезд	Январь			Февраль			Март			Апрель			Май	
	1912	1913	1914	1912	1913	1914	1912	1913	1914	1912	1913	1914	1912	1913
	Минский	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Бобруйский	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Борисовский	—	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Игуменский	1	—	—	1	—	1	—	—	—	6	—	—	—	—
Мозырский	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Новогрудский	2	—	—	—	—	—	—	1	—	3	1	—	5	4
Пинский	—	1	—	—	3	1	1	2	—	3	4	3	5	2
Речицкий	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—
Слуцкий	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	2	2
Могилевский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гомельский	—	—	1	—	1	—	1	—	—	2	—	—	—	2
Быховский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Горецкий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Оршанский	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Рогачевский	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сенненский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мстиславский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Климовичский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Чериковский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Гродненский	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Брестский	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Волковысский	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кобринский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Слонимский	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	2
Витебский	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
Городокский	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лепельский	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Полоцкий	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Дриссенский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вилейский	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дясненский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Лидский	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Ошмянский	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Всего	10	4	6	4	7	4	4	11	4	19	19	10	28	20
В %	2,9	1,2	1,8	1,2	2,0	1,2	1,2	3,1	1,2	5,6	5,5	2,0	8,0	5,8

редь, увеличивало число крестьянских выступлений против помещиков и царизма;

— влияние столыпинской реформы, которая, разоряя деревню, вынуждала крестьян оказывать сопротивление новой аграрной политике царизма. В Минской губернии более сильно проявлялось нежелание крестьян выходить на хутора, так как они в массе своей не были связаны с общинным землепользованием. Господство подворно-наследственного землевладения затрудняло для царских землеустроителей осуществление политики хуторизации.

В Могилевской губернии обострению аграрных противоречий способствовал рост пролетаризации деревни в результате интенсивного разрушения общины и провала переселенческой политики. «Волна переселений в Сибирь,— отмечал «Могилевский вестник»,— охватила весь земледельческий класс... Нет, кажется, ни одного селения в нашей Могилевской губернии, из которого не поехало бы на переселение по нескольку семейств крестьян, а из городов — мещан». Большая часть земли находилась в руках помещиков, а та земля, которая принадлежала крестьянам, усиленно дробилась. Если при освобождении от крепостной зависимости крестьяне Могилевской губернии получили в среднем на ревизскую душу от 4,5 до 5,5 дес., то к началу XX в. не осталось и половины этой нормы, ибо крестьянское население губернии удвоилось уже к 1890 г. Тяжелые условия жизни в Сибири, трудности устройства на новом месте приводили к увеличению волны обратных переселенцев, а это, в свою очередь, усиливало обнищание и пролетаризацию деревни, вызывало рост недовольства в крестьянстве. «Возвратившихся из Сибири в Могилевскую губернию семей масса,— писала газета.— Теперь они по возвращении составляют целую армию деревенского пролетариата... Таким образом, банк и переселение не успокоили население, а, наоборот... подлили масла в огонь: больше сделали недовольных и беспокойных»⁶⁶.

Очагами наиболее сильного движения были девять белорусских уездов, из которых семь относились к Минской губернии, а остальные — к Витебской и Могилевской. Из них на Пинский уезд приходилось больше всего — 65 выступлений, или 11,5%; на Бобруйский —

⁶⁶ Могилевский вестник, 1909, 21 авг.

52 (9,3%), Мозырский — 33 (7,7%), Минский — 38 (6,8%), Игуменский — 36 (6,4%), Новогрудский — 34 (6,0%), Речицкий — 31 (5,2%), Гомельский — 33 (5,9%), Городокский — 28 (5,0%). В этих девяти уездах зарегистрировано в общей сложности 350 выступлений, или более 62%. В Могилевской губернии, как уже отмечалось, по числу выступлений выделялся Гомельский уезд, на который приходилось более 40% всех крестьянских выступлений в губернии. В Витебской губернии значительное число выступлений зарегистрировано кроме Городокского в Лепельском уезде (19). На эти два уезда, вместе взятые, приходилось более 67% крестьянских выступлений в белорусских уездах губернии. В Гродненской губернии выделялись Брестский и Волковысский уезды, в которых отмечено 20 выступлений, или свыше 60% от их общего числа; в Вилейском уезде Виленской губернии — 23 выступления (свыше 50%) (табл. 7—9).

По формам борьбы движение представляло собой следующую картину: порубки леса составляли 3,4% всех выступлений, самовольная пастьба скота — 6,0, борьба за сервитуты — 13,9, захват помещичьей земли и леса — 3,2, поджоги помещичьих и казенных имений и имущества — 24,8, поджоги имущества лесников и пр. — 2,0, разгром квартир лесников — 0,4, убийства помещиков, управляющих, арендаторов — 1,1, убийства лесников, старост, полицейских — 4,0, отказ от уплаты податей и сборов — 1,1, забастовки помещичьих рабочих — 0,5, сопротивление властям и полиции — 5,8, убийства кулаков и капиталистов — 1,9, поджоги имущества кулаков и капиталистов — 15,8, поджоги квартир землемеров — 0,2, разгром хуторов — 0,4, захват имущества хуторян — 0,2, погрызы лугов и выпасов хуторян — 0,8, захват земли хуторян — 0,2, отказ выходить на хутора и отруба — 5,2, сопротивление землемерам и полиции — 2,8, другие выступления — 5,8% (табл. 7—9).

Как показывают приведенные данные, больше половины (54,5%) выступлений приходилось на два вида борьбы — за сервитуты и поджоги имений и имущества помещиков и сельской буржуазии. Борьба за землю и сервитуты, с одной стороны, и выступления против столыпинского землеустройства и кулаков-хуторян — с дру-

гой, были в этот период основными направлениями крестьянского движения в Минской губернии⁶⁷.

Наиболее активное движение приходится на 1912—1913 гг. Крупные выступления в 1910 г. происходили в 13 деревнях пяти уездов Минской губернии, а в 1911 г. ими было охвачено 19 деревень пяти уездов.

В Виленской губернии длительные волнения на почве сервитутных споров происходили начиная с 1909 г. в д. Докудово Лидского уезда. Крестьяне боролись за сервитутный лес, который поспешно вырубался арендатором имения Докудово⁶⁸. В Минской губернии на протяжении 1910—1911 гг. упорная борьба за сервитутные угодья происходила в населенных пунктах Вязычино, Березов, Кольно, Дубровно, Парохонск, Прилуки, Станьково и др.

В 1912—1913 гг. и первой половине 1914 г. в Белоруссии на этой почве произошло 52 выступления в 62 населенных пунктах Минской, Гродненской и Виленской губерний. Из них 50 выступлений, охвативших свыше 50 сел и деревень, приходились на Минскую губернию.

Революция 1905 г. заставила царизм провести реформу уездной полиции, ввести так называемую земскую полицейскую стражу. Если раньше непосредственные карательные полицейские функции на селе выполняли сотские и десятские, которые выбирались самими крестьянами, то теперь пришлось от них отказаться, ибо они стали ненадежными. Царское правительство в 1905—1907 гг. вынуждено было часто направлять в деревни и села отряды солдат и казаков, но последние тоже не всегда подчинялись офицерам. Чтобы укрепить аппарат полиции и отдалить ее от народа, 29 сентября 1905 г. был принят закон, по которому во всех уездах создавались регулярные конные и пешие отряды полицейских стражников, находившиеся под начальством исправников и приставов и расположенные по всему уезду. Например, в Виленской губернии в 1913 г. стражники были расквартированы в 138 пунктах⁶⁹. Урядники и стражники получали высокое жалованье и набирались из «благонадежных» элементов, являясь послушным орудием в руках властей. Сотские и десятские переводились в подчинение волостных и

⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 1, д. 40, л. 118.

⁶⁸ Крестьянин, 1911, № 34.

⁶⁹ Памятная книжка Виленской губернии на 1913 г.— Вильно, 1913, ч. 2, с. 58—64.

сельских правлений в качестве низших служащих внутренней сельской полиции.

Одновременно помещики получили право создавать на свои средства конную и пешую полицейскую стражу «для охраны имений». В частности, владелец имения Гольчицы Слуцкого уезда Мельников ходатайствовал весной 1912 г. об учреждении на его средства должностей конных полицейских стражников. Это ходатайство было удовлетворено, как и многие другие подобного рода. Благодаря реформе полиции царизм получил в свои руки более эффективное средство борьбы с «бунтующим» крестьянством. Конная полиция была значительно более надежной силой по сравнению с солдатскими командами. Этим объясняется тот факт, что в 1910—1914 гг. почти не наблюдалось случаев использования воинских частей против революционных выступлений крестьян. Однако никакие реформы и усиление карательных мер не могли погасить пламя крестьянской войны в деревне.

Упорную борьбу за сервитуты летом 1912 г. вели крестьяне д. Хабовичи Кобринского уезда. По распоряжению исправника в Хабовичи был послан отряд конной полиции, которому с трудом удалось подавить выступление⁷⁰.

В Новогрудском уезде в 1912 г. движение охватило Островскую и Кривошинскую волости, а также д. Старое и Новое село, Малые Жуховичи, Рогачи, Изву, Марино и др. С апреля 1913 г. начались волнения крестьян д. Великий Мелешев Мозырского уезда, которые самовольно пасли скот на землях помещика Матвеева, избивали и прогоняли лесных сторожей. В этом же уезде ожесточенные столкновения на почве сервитутных споров происходили в 1912—1914 гг. в деревнях и селах Конковичи, Санюки, Велемичи, Глиницы, Свидное, Гришев и др. В Пинском уезде движением были охвачены населенные пункты Малые Циолковичи, Гориничи, Изино, Вулька, Бродница; в Игуменском — Дзеханы, Луково, Покрижье, Драчково, Старина, Мошна.

Борьба за сервитуты была тесно связана с борьбой за землю, являлась ее разновидностью. В течение 1910—1914 гг. по всей Белоруссии зарегистрировано 18 крупных захватов земли и леса (из них в Минской губер-

⁷⁰ Минские ежедневные ведомости, 1912, 24 мая; Крестьянское движение в России. Июнь 1907—июль 1914 гг.— М.—Л., 1966, с. 594.

нии —9, Могилевской —5, Гродненской —4)⁷¹. Выступлениями в этой форме было охвачено 19 сел и деревень девяти уездов. В Могилевской губернии захваты помещичьей земли и леса отмечались в Гомельском и Мстиславском уездах. В Гомельском уезде весной 1913 г. крестьяне селения Черного захватили спорный участок земли в имении помещика Завтиевича, не допуская последнего к отмежеванию земли и оказывая сопротивление полиции⁷².

Захваты помещичьих угодий имели место также в д. Капличи и Дублин Речицкого уезда, селениях Скородное, Усово, Кормы и многих других. Чаще всего борьба шла из-за лугов и пастбищ, так как именно эти угодья помещики повсеместно отбирали у крестьян во время реформы 1861 г. и после нее.

Характерной чертой изучаемого периода являлась возросшая активность крестьян в борьбе за помещичью собственность. Так, в д. Старицы Гродненского уезда крестьяне, захватив участок луга в имении Пеляжин графа Коссаковского, почти всю весну и лето 1914 г. дружно отстаивали его, оказывая сопротивление полиции⁷³.

В захватах помещичьей земли нашла свое выражение борьба за уравнилельное распределение земли, которая на практике выражала желание уничтожить крепостнические пережитки, сделать всех равными собственниками и поэтому носила революционный характер. Но в зависимости от конкретной ситуации идея равенства могла иметь и реакционное содержание. В. И. Ленин писал: «Идея равенства мелких производителей реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции. Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного общественного производства». В. И. Ленин критиковал эсеров и народников, называл их взгляды ошибочными и реакционными за то, что они считали, будто равенство может сохраниться в условиях товарного производства⁷⁴. «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками,— писал В. И. Ленин,— самым сильным

⁷¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 34577, л. 144—147; ф. 295, оп. 1, д. 357, л. 3.

⁷² Крестьянское движение в России..., с. 609.

⁷³ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 410, оп. 1, д. 100, л. 237.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 225—226.

идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства,— и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков»⁷⁵. Таким образом, до падения царизма идея равенства служила выражением задач буржуазно-демократической революции. Экономическое равенство мелких производителей являлось условием полного и свободного развития капитализма в сельском хозяйстве.

В тесной связи с борьбой за сервитуты и землю находились менее активные формы крестьянского движения — самовольная пастьба скота, порубки леса, поджоги имений и др. Самовольная пастьба, потравы помещичьих посевов, лугов и выпасов были широко распространены и представляли собой низшие формы крестьянского протеста. В течение 1910—1913 гг. и первой половины 1914 г. в Белоруссии зарегистрировано 36 крупных случаев самовольной пастьбы скота, из которых более 80% приходилось на Минскую губернию, около 20% — на Могилевскую и Гродненскую. Что же касается мелких потрав, то их было во много раз больше.

Острая борьба осенью 1911 г. разгорелась между крестьянами д. Хотимск Чериковского уезда и помещиком Голыньским, на полях которого производилась систематическая самовольная пастьба скота⁷⁶. В Гомельском уезде летом 1913 г. неоднократные потравы в имении помещика Сеноженского производили жители селения Хальч, что привело к резкому обострению отношений между ними и вызвало новые крестьянские выступления — порубки леса, захваты и поджоги имущества и т. п.

В октябре 1911 г. в имении Хальч от поджога сгорело 13 стогов сена⁷⁷.

В Слуцком уезде Минской губернии самовольная пастьба нередко практиковалась на землях князя Г. Радзивилла. Особенно досаждали Радзивиллу жители д. Заракова Химковичской волости и Карцевичи Лань-

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 226—227.

⁷⁶ Гомельское слово, 1911, 6 ноября.

⁷⁷ Гомельская мысль, 1913, 6 июня.

ской волости. Они в течение весны 1914 г. пасли скот на лесных угодьях помещика, причем в этом участвовали одновременно по 20—35 и более дворов, выгонявших в лес до 100 голов скота ⁷⁸.

Наряду с потравами крестьяне прибегали к порубкам леса. «Нужда не знает закона» — гласит немецкая поговорка. Почти полное отсутствие леса у крестьян вынуждало их производить порубки в помещичьих владениях. На этой почве в изучаемое время были совершены сотни больших и мелких порубок леса, из них 19 крупных, охвативших 24 деревни. В таких порубках одновременно участвовали большие толпы крестьян, и почти всегда они заканчивались схватками с помещичьей вооруженной стражей и полицией. Мелких порубок, как всегда, было великое множество и учесть все даже царским властям не представлялось возможным. Из Старосельской волости Витебского уезда сообщали в феврале 1913 г., что в помещичьих и казенных лесах «ежегодно совершается масса порубок» ⁷⁹.

В Могилевской губернии только в 1912 г. различные официальные инстанции рассмотрели 8230 дел о порубках помещичьего и казенного леса и 1802 дела о самовольной пастьбе скота. За то же время в Минской губернии земскими начальниками были расследованы 2002 дела о крестьянских порубках и 144 о потравах ⁸⁰.

В ноябре 1913 г. близ д. Селяхи Брестского уезда в помещичьем лесу произошла схватка между крестьянами, рубившими лес, и вооруженными помещичьими лесными сторожами, в результате которой один крестьянин был убит. Такая же схватка произошла в апреле 1912 г. в д. Михосельцы Новоградского уезда ⁸¹.

Весьма широкое распространение получили поджоги помещичьих имений и имущества. В общей сложности в рассматриваемый период в белорусских губерниях отмечено более 150 поджогов, относившихся к первой социальной войне (табл. 7). Наибольшим числом поджогов отличались Минская и Витебская губернии.

⁷⁸ ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 4, д. 4844, л. 1—4.

⁷⁹ Витебский вестник, 1913, 2 февр.

⁸⁰ Обзор Могилевской губернии за 1912 г.— Могилев, 1913, с. 48; Обзор Минской губернии за 1913 г.— Минск, 1913, с. 62.

⁸¹ Наш край, 1913, 13 ноября; Крестьянское движение в России, с. 354.

Некоторые советские историки игнорируют указанную форму борьбы. Излишне говорить, что это обедняет, извращает картину крестьянского движения. Можно напомнить, какое большое значение таким выступлениям придавал В. И. Ленин, который выражал сожаление, что крестьяне в 1905 г. слишком мало (только 1/15 часть) сожгли и уничтожили дворянских усадеб в России⁸².

Как и в годы реакции, в период подъема 1910—1914 гг. «пожарная эпидемия» не уменьшилась, но даже выросла по сравнению с 1905—1907 гг. Многочисленные свидетельства об этом мы находим в дореволюционной печати. В работе С. Ермолова «Современная пожарная эпидемия» указывалось, что революция 1905 г. увеличила число пожаров. Но вот наступило «успокоение». И что же? Оказалось, что во многих губерниях России число пожаров увеличилось в 2—2,5 раза. Ежегодно огнем уничтожалось имущества на 400 млн. руб.⁸³

Печать била тревогу по поводу участвовавших пожаров, особенно поджогов леса. Газета «Минский голос» в статье «Лесные пожары» писала, что в Мухомеевском лесничестве Речицкого уезда «ежедневно происходят пожары леса от поджога. Для охраны леса командированы отряды стражников». Весной 1913 г. та же газета снова сетовала: «В нашей губернии не прекращаются опустошительные лесные пожары»⁸⁴.

Бороться против поджигателей было трудно и поэтому многие случаи поджогов оставались нераскрытыми. Так, в Витебской губернии в 1910 г. было зарегистрировано 1317 пожаров, из них поджоги были установлены только в 219 случаях. В Виленской губернии в том же году было зафиксировано 107 поджогов и 452 пожара «от неизвестных причин». Всего в этой губернии за 7 лет (1908—1914) было зарегистрировано 2493 пожара и, кроме того, 645 поджогов. Значительную часть пожаров составляли поджоги помещичьего и кулацкого имущества. То же наблюдалось в Гродненской губернии, в которой за 1902—1911 гг. число пожаров возросло в 1,5 раза (с 479 до 710). Из 710 пожаров в 1911 г. 208 произошло от поджога, 317 — по неизвестным причинам⁸⁵.

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 322.

⁸³ Цит. по: Полесье, 1912, 7 июля.

⁸⁴ Минский голос, 1910, 20 мая; 1913, 20 апр.

⁸⁵ Виленские губернские ведомости, 1911, январь—декабрь.

В 1913 г. поджоги заметно участились в Могилевской губернии. Осенью 1913 г. пожары в Могилевской губернии отмечались в фольварке Михалево, в имениях Сметаничи, Бабчин, Белыничи и др.⁸⁶ Неоднократные поджоги в 1914 г. производились в имении Лопатино Чериковского уезда. В ночь с 11 на 12 мая здесь в м. Малятичи сгорел скотный сарай помещика Мацкевича, одного из «самых культурных» хозяев уезда. В огне погибло 50 дойных коров. «Культурность» этого хозяйства, по свидетельству «Могилевского вестника», заключалась в том, что все отрасли земледелия были поставлены «на должную высоту», особое же предпочтение уделялось скотоводству. Газета сокрушалась по поводу «бесчеловечности» поджигателей — соседних крестьян, которые «видя его (помещика.— Л. Л.) улучшения, охали и удивлялись, но подражать не думали», а «всячески старались причинить ему вред то поджогами, то отравками полей»⁸⁷. Только в течение предшествующих 10 лет у Мацкевича несколько раз сгорала мельница. Он строил новую, но тут же сжигались овины с хлебом, сараи с сеном и т. п.⁸⁸

Отмечаея растущую «огненную стихию», газета писала: «Лето — сезон пожаров, разгул «красного петуха»... Но еще более становится, когда слышишь, что эти пожары происходят от поджогов, из мести, из хулиганских побуждений»⁸⁹.

Спустя три дня после поджога в имении Лопатино в соседнем с. Доброе было сожжено «из мести» имущество помещика Михалевича, причем, по свидетельству газеты, поджигатель-крестьянин перед этим грозил помещику: «Все равно жить тебе не дам!» В д. Лядогоща Мстиславского уезда от поджога, произведенного «из хулиганского побуждения», сгорело 4 двора зажиточных крестьян⁹⁰. Таким образом, поджоги одинаково применялись как против помещиков, так и против кулаков. Официальная печать пыталась объяснить поджоги «хулиганскими побуждениями» отдельных крестьян. В действительности

⁸⁶ Северо-западная жизнь, 1912, 31 июля; ЦГАОР СССР, ф. 102, д. 41, ч. 1, л. 3, 5, 12.

⁸⁷ Могилевский вестник, 1914, 18 мая.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, 24 мая.

⁹⁰ Там же.

дело было не в «хулиганстве», а в классовой ненависти к помещикам и сельскому кулачеству.

Наряду с помещичьим добром поджигалось казенное имущество. В 1912 г. в Могилевской губернии отмечались случаи поджогов казенных винных лавок. Под рубрикой «Горит деревенская Россия» «Могилевский вестник» сообщал, что в д. Грязино Мошканской волости Оршанского уезда в июле 1912 г. от поджога сгорела казенная лавка с вином и другим имуществом⁹¹.

Однако в целом преобладали поджоги помещичьего имущества — хлеба, сена, зданий и т. п. В имении Мядель Вилейского уезда у помещика Поклевского-Козелло только за первое полугодие 1911 г. произошло пять пожаров. Выяснилось, что все пять поджогов совершил крестьянский подросток 14 лет Петр Бернякович, служивший в имении пастухом. Причина поджогов — месть со стороны дворни за беспрерывные притеснения и преследования⁹².

В Минском уезде осенью 1910 г. в д. Бокачи крестьяне вели судебную тяжбу с владельцем Гурским из-за потравы лугов. Как только тяжба окончилась в пользу помещика, у последнего сгорело гумно с хлебом. Убитки составили 12 тыс. руб. Полицией был установлен поджог. Для выяснения виновных в Бокачи был командирован агент Минского сыскного отделения некий Шишло, который явился туда под видом продавца икон. Пробыв в деревне пару дней, Шишло пригласил полицию, которая арестовала двоих братьев Хлебенко⁹³.

Нередко поджигалось имущество помещичьих служащих-экономов, управляющих, лесников. В октябре 1910 г. в имении Роман графа Тышкевича (Минская губерния) сгорели гумно и скотный сарай лесничего Братковского. В поджоге обвинили наемных работников (батраков) Станкевича и Пташника. На следствии Станкевич признался, что он и Пташник задумали убить Братковского «за произвол и зверское обращение с народом». Но так как убить не удалось, они решили поджечь гумно и скрыться в Америку⁹⁴.

В длинной цепи крестьянских посягательств на поме-

⁹¹ Могилевский вестник, 1912, 8 авг.

⁹² Минское слово, 1911, 25 янв.

⁹³ Минский голос, 1910, 4 ноября.

⁹⁴ Там же, 6 ноября.

щичью собственность поучительно выступление жителей д. Верхние Жары Речицкого уезда. Обострение отношений между крестьянами и соседним помещиком Рыбинковым началось в 1911 г., когда последний стал взыскивать деньги по исполнительным листам за самовольную пастьбу скота и порубки леса. С этого времени у помещика начались поджоги. Горели хозяйственные постройки, скирды сена, запасы хлеба, принадлежавшие не только Рыбинкову, но и его служащим, преследовавшим крестьян за самовольные порубки и потравы. Организаторами поджогов были местные крестьяне Михаил Блудчий и особенно Дмитрий Ющенко, служивший матросом на броненосце «Потемкин» и прошедший там школу политической борьбы. Полиция доносила, что Ющенко «участвовал в бунте матросов этого броненосца, но был выручен товарищами». Далее в донесении отмечалось, что «по возвращении из военной службы Ющенко привез много брошюр и прокламаций революционного содержания, собирал неоднократно молодежь... говорил противоправительственные речи и пел с ними революционные песни», агитировал против помещиков и говорил, что «земля должна быть общая» и что «надо сравнять богатых и бедных». По инициативе Ющенко была создана группа крестьян, производившая поджоги, причем для нее собирались деньги со всего населения в виде добровольных пожертвований. Когда зажиточный крестьянин Кулик отказался внести деньги на организацию поджогов, Ющенко сказал ему с укоризной: «Вы не хотите положить своей жизни за народ?» Вслед за этим в имении Рыбинкова были сожжены скирда овса, сенопрессовальный завод и постройки трех служащих — крестьянина Кулика, лесников К. Блудчего и И. Ющенко. По решению полицейских властей пятеро крестьянских «главарей», в том числе Д. Ющенко, были сосланы на два года в северные губернии России⁹⁵.

Туда же в 1913 г. был отправлен крестьянин д. Бечи Мозырского уезда Тит Якубовский, который, согласно донесению полиции, не имея никакого хозяйства, угрожал «сравнять всех богатых с бедными» и лично участвовал в поджогах имущества богачей⁹⁶.

Растущая враждебность к царизму и помещикам про-

⁹⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 295, л. 38—39.

⁹⁶ Северо-западный голос, 1913, 19 янв.

являлась и в таких формах борьбы, как отказ от службы в царской армии. Официальная печать после революции 1905—1907 гг. многократно отмечала случаи уклонения крестьян от военной службы, рост дезертирства, нежелание являться на призывные пункты. Только в Минском уезде ежегодно привлекалось к ответственности от 500 до 600 человек, уклонявшихся от приписки к призывным участкам. Были случаи нападения новобранцев на военные конвои, побег, попытки уничтожения делопроизводства воинских присутствий. Так, в м. Клецк Слуцкого уезда в ноябре 1911 г. группа новобранцев напала на конвой, перевозивший на девяти подводах дела уездного воинского присутствия в Несвиж, пыталась их уничтожить, но потерпела неудачу⁹⁷.

Антагонизм крестьянских и помещичьих интересов, непримиримая вражда между ними были причиной терроризма, который выражался в избиениях и убийствах наиболее ненавистных представителей господствующего класса. На протяжении 1910—1913 гг. и первой половины 1914 г. в Белоруссии зарегистрировано 28 случаев убийств помещиков, управляющих, лесников, полицейских. На Минскую губернию приходилось 15 случаев. Убийства помещиков были редким явлением. Нами учтено всего шесть случаев убийства помещиков, управляющих и арендаторов имений. Это объяснялось тем, что сами помещики уклонялись от непосредственных сношений с крестьянами и часто не жили в имениях. Поэтому жертвами крестьянского террора становились лесные сторожа, экононы, арендаторы и другие панские прислужники.

В Лидском уезде Виленской губернии в 1912 г. крестьяне убили владельца имения Богдановщина Лясса за то, что он часто судился с ними за порубки и потравы. В Гродненской губернии крестьяне Слонимского уезда в мае 1912 г. напали на лесного сторожа имения Зеленый Двор О. Петраша и жестоко избили его. Спустя некоторое время трое крестьян ворвались в дом, чтобы прикончить лесника, но он притворился мертвым. На другой день нападавшие были арестованы⁹⁸.

⁹⁷ Минское слово, 1908, 12 авг.; Минский голос, 1911, 19 ноября.

⁹⁸ Лидское слово, 1913, 18 янв.; Северо-западная жизнь, 1912, 1 июля.

В Бобруйском уезде жители д. Боянич П. Донеико, Г. Кондратеня и В. Курс напали весной 1912 г. на лесного сторожа Татура с намерением убить его. До этого в имени Боянич часто производились захваты помещичьего имущества, порубки леса, потравы угодий, за что Татур жестоко преследовал крестьян. 28 мая 1912 г. Донеико, Кондратеня и Курс подстерегли лесника на сенокосе, где в кустах была устроена засада. Нападавшие оглушили Татура обухом топора, били кольями, забили рот травой, сломали ребра, а затем потащили повесить, но по дороге бросили и ушли⁹⁹. Этот факт свидетельствует о крайнем обострении классовых противоречий в деревне и беспредельной ненависти крестьян к помещикам, накопившейся за многие годы.

В с. Поколюбичи Гомельского уезда в августе 1910 г. был убит сельский староста К. Дедков. Причиной убийства послужило то, что староста «не потворствовал» крестьянам, «строго взыскивал за потраву и прочие поущения». Это вызвало враждебное отношение к нему жителей деревни, прежде всего молодежи. Недовольные не раз угрожали Дедкову, даже однажды разбили голову пущенным в темноте камнем. Описывая этот случай, «Могилевский вестник» отмечал, что «это не первый случай буйства и своеволия» поколюбичской молодежи. Движение здесь почти никогда не затихало начиная с 1905 г. Село Поколюбичи находилось недалеко от Гомеля, откуда революционное влияние быстро распространялось на окружающие местности. Указывая на этот факт, та же газета писала: «Надобно заметить, что селение это пригородное и бурлящие волны освободительного движения никогда так сильно не задевали и нигде так ярко не отразились, как на жителях этого села. Своеволье, легкомыслие и буйство того времени (т. е. 1905 г.—Л. Л.) крепко привилось поколюбичской молодежи». Мы видим, что революционная энергия крестьянства не угасала, несмотря на кровавую черносотенную оргию 1907—1908 гг. Как и ранее, деревня испытывала революционизирующее влияние крупных промышленных центров и рабочего класса, который поддерживал борьбу крестьянских масс. В этом заключалось одно из проявлений руководящей роли рабочего класса по отношению к крестьянству и другим слоям трудового населения.

⁹⁹ Минский голос, 1913, 15 окт.

«Буйство и своеволие» были характерны для многих сел и деревень Могилевщины, где в годы подъема продолжалась борьба в форме нападений вооруженных отрядов на помещиков, полицейских и представителей царской власти. В официальных документах они именовались «разбойничьим терроризмом», в действительности же представляли собой форму крестьянской борьбы, направленную против помещиков и царизма. Непрерывавшееся в годы реакции, это движение вновь усилилось в 1912—1914 гг. Одной из причин его оживления была новая волна карательных репрессий, обрушившихся на сельское население в 1912—1913 гг. Развитию крестьянского «терроризма» способствовало наличие традиций партизанской борьбы, которая с незапамятных времен велась против иноземных захватчиков.

Летом 1912 г. движение настолько усилилось, что вызвало тревогу в Петербурге. «Могилевский вестник» писал, что «разбойники терроризировали в последнее время население трех смежных уездов — Могилевского, Оршанского и Горецкого». Под «населением» следует понимать богатые классы — помещиков, кулаков, купцов, промышленников и др. Против «разбойников» по распоряжению могилевского губернатора Пильца была брошена почти вся уездная полиция и полицейские отряды Могилева¹⁰⁰.

Что в действительности представляли собой «разбойники», показывает следующий пример. 19 октября 1910 г. ночью вооруженная группа из пяти человек напала на имение Хорошуново Гомельского уезда. Они забрали у помещика оружие и деньги. Когда впоследствии нападавших схватили, выяснилось, что среди них был солдат, бежавший в лес, так как ему угрожал арест, а остальные — городские мастеровые. Некоторые из них состояли в 1905 г. «в бандах, производивших беспорядки». Таким образом, вся группа состояла из рабочих и крестьян, вынужденных скрываться в лесу от полиции. Нападения на полицию совершались также в порядке самозащиты. Например, в д. Заречье Могилевского уезда 7 сентября 1912 г. убийство урядника Лукашева было совершено при попытке арестовать «агитатора» Якова Процакова. Защищая его от полиции, крестьяне (семь человек)

¹⁰⁰ Могилевский вестник, 1912, 3 июля.

вынуждены были расправиться с урядником, который отличался необузданной свирепостью ¹⁰¹.

В мае 1914 г. произошло столкновение крестьян с полицией в с. Поколюбичи, о котором говорилось выше. Все началось с того, что урядник, проходивший мимо толпы споривших между собою крестьян, попытался их разогнать. В ответ они обезоружили урядника, избили его и тяжело ранили в голову. На выручку уряднику поспешили стражники, которые арестовали «зачинщиков» братьев Кулагиных, но толпа отбила их. В Поколюбичи выехал исправник с отрядом конной полиции. Три брата Кулагины были снова схвачены, а вместе с ними и многие «бунтовавшие» крестьяне ¹⁰².

Перед началом войны 1914 г. вся правительственная и земская печать с тревогой писала о небывалом развитии «преступности» и «хулиганства» в деревне. «Северо-западная жизнь» отмечала в 1912 г., что «хулиганство и преступность у нас, как и вообще в деревне, растут с каждым днем и принимают грозные размеры». О том же писал «Могилевский вестник». В статье «Хулиганство и борьба с ним» он сокрушался: «Злобою дня для русских городов и деревень стало хулиганство. Беззащитная деревня и хорошо охраняемый многолюдный город одинаково стонут от хулиганского поветрия, от дикой разнузданности, проявляемой современной молодежью... Пьянство, скандалы, грабежи, насилия, убийства за последнее время принимают характер массового бедствия» ¹⁰³.

Крестьянское «хулиганство» было проявлением главным образом нарастающего народного недовольства и ненависти против помещиков и царизма. «Могилевский вестник» указывал, что «период российской смуты (1905—1907 гг.— Л. Л.) оказался особенно благоприятным для того, чтобы выдвинуть развитие хулиганства так широко и в таких размерах, какие в обстановке нормальной жизни едва ли бы оказались возможными». Газета признавала, что «хулиганство в резкой форме выступило только с великой разрухи 1905 года, до тех пор оно не носило массового характера, а проявлялось в ред-

¹⁰¹ Могилевский вестник, 1912, 3 июля; Гомельская копейка, 1912, 17 марта.

¹⁰² Гомельская копейка, 1914, 17 мая.

¹⁰³ Там же; Северо-западная жизнь, 1912, 2 сент.

ких отдельных случаях, даже само слово «хулиганство» пошло свободно гулять по Руси с того памятного года». Отметив этот прискорбный для господствующих классов факт, газета пытается выяснить причину его: «Не в самих ли явлениях нашей общественной жизни нужно прежде всего искать причины такой болезни?»¹⁰⁴.

Главным средством борьбы против «хулиганства» были карательные экспедиции и массовые репрессии, но наряду с ними использовались и идеологические средства. На местах делались попытки устройства лекций и концертов с целью идеологического влияния на крестьян в монархически-охранительном духе, т. е. привития «уважения к частной собственности» и сознания незыблемости самодержавного строя. Между тем население относилось крайне равнодушно к подобной деятельности полицейско-помещичьих властей. Оно либо игнорировало официальные мероприятия, либо открыто высказывало свою враждебность к ним. «Всякая попытка с устройством чтений, концертов, вечеров, спектаклей разбивается от невероятных трудностей», — признавал «Могилевский вестник». Встретив глухую стену враждебности, в ноябре царские власти стали усиливать репрессии. Так, Пинское уездное земство в январе 1913 г. направило в Минскую губернскую управу доклад «Об организации борьбы с хулиганством в деревнях». Земство предлагало принудительные меры (арест и заключение в так называемые работные дома), расширение «нравственно-воспитательного» воздействия на крестьян, «повышение уровня» образования, борьбу с пьянством и т. п.¹⁰⁵

Однако все эти меры оказались неэффективными. Потерпев поражение в революции 1905 г., не получив осуществления своих сокровенных чаяний на землю и волю, крестьянская масса не покорилась. Недовольство и озлобление стали выливаться в различные формы индивидуального и группового сопротивления и протеста, которое господствующие классы называли «хулиганством». Правильную оценку этому явлению дал В. И. Ленин, который писал: «То, что называют хулиганством, есть следствие главным образом невероятного озлобления крестьян и первоначальных форм их протеста.

¹⁰⁴ Могилевский вестник, 1912, 19 авг.

¹⁰⁵ Там же, 3 ноября; Минский голос, 1913, 4 янв.

Никакие преследования, никакие усиления наказаний не устранят этого озлобления и этого протеста миллионов голодных крестьян...»¹⁰⁶

Вторая социальная война

По мере осуществления столыпинской аграрной реформы развивалась вторая социальная война. Основные направления ее были те же, что и в период реакции. Если за 2,5 года реакции в Белоруссии отмечено 80 выступлений против столыпинской реформы и сельской буржуазии, то за 4,5 года подъема — более 150 (табл. 7, 8).

Острые противоречия внутри крестьянства в годы подъема отмечались в Минской губернии, на которую приходилось 70 выступлений (45,2%). Затем шли белорусские уезды Витебской губернии — 32 выступления (более 20%). В Могилевской губернии произошло 36 выступлений (23,2%). Слабее движение проявлялось в белорусских уездах Виленской губернии — 11 выступлений (7,1%) и Гродненской — 6 (3,9) (табл. 7).

В Минской губернии крестьяне более активно сопротивлялись столыпинской хуторизации. Как уже указывалось, на эту губернию приходился самый низкий процент дворов, перешедших к участковому землепользованию. Это объяснялось исключительным малоземельем крестьян и наличием остатков крепостничества в виде обширных латифундий, сервитутов и т. д., существование которых в обстановке растущего обнищания деревни делало особенно непопулярной идею расселения на хутора и отруба. «Крестьяне не хотят переходить на хутора, — писали из Минской губернии в 1912 г., — потому, что боятся потерять сервитуты»¹⁰⁷.

На шесть уездов (Бобруйский, Новогрудский, Речицкий, Городокский, Лепельский, Гомельский) приходилось в совокупности около половины всех выступлений, относившихся ко второй социальной войне. Преобладали поджоги имущества кулаков и капиталистов — 88 выступлений (51,0%), из них в Минской губернии — 32 поджога (20,1%).

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 274.

¹⁰⁷ Государственная дума. Четвертый созыв, сессия I, ч. 1, с. 4772.

Значительное развитие получила борьба в форме отказа выходить на хутора и отруба — 30 выступлений, из них в Минской губернии — 18. Из других форм борьбы следует отметить сопротивление землемерам и полиции (16 выступлений, или более 10%), а также убийства кулаков и капиталистов — 10 (около 7%) (табл. 7).

Крестьяне часто прибегали к поджогам из мести за притеснение односельчан кулаками, чаще всего после проигранных судебных тяжб из-за земли, самовольных захватов имущества и т. п. В д. Сельцы Бобруйского уезда в январе 1914 г. сгорела паровая мельница некоего Горелика. Убытки достигли 15 тыс. руб. Полиция арестовала по обвинению в поджоге троих крестьян¹⁰⁸.

В Могилевском уезде 3 ноября 1910 г. на хуторе Сухая Лоза от поджога сгорели два сарая богатого крестьянина И. Захаренко, было уничтожено 5 тыс. пудов немолоченного хлеба, 9 лошадей, 5 свиней, 18 штук сельскохозяйственных орудий. Убытки составили 5 тыс. руб. Часто учинялись поджоги мельниц. В д. Ивановке Телешевской волости Гомельского уезда весной 1911 г. сгорели две ветряные мельницы крестьянина Курьянова. Поджог учинил односельчанин Островский¹⁰⁹. В с. Поповке Гомельского уезда ночью 11 апреля 1912 г. сгорело гумно богатого хозяина Степченко. В огне были уничтожены 400 пудов приготовленного для продажи лука, веялки, молотилка, хлеб и другое имущество. Поджог совершил из мести крестьянин того же села Куркай.

Инициатором поджогов кулацкого имущества выступала беднота. Так, в д. Бечи Мозырского уезда в 1913 г. неоднократные поджоги производил крестьянин Тит Якубовский, «проживший все свое имущество»¹¹⁰.

Ту же цель, что и поджоги, преследовали убийства ненавистных хуторян. Они происходили главным образом в Минской и Могилевской губерниях. В Кохановской волости Оршанского уезда крестьянин Д. Дранкович 13 мая 1910 г. убил хуторянина Ежемского, у которого он служил в батраках, а затем сжег его дом. Такая же участь постигла хуторянина д. Коровяки Горецкого уезда Гудыно, на которого в июле 1910 г. напала группа

¹⁰⁸ Северо-западная жизнь, 1914, 11 янв.

¹⁰⁹ Могилевский вестник, 1910, 19 ноября; Гомельское слово, 1911, 17 апр.

¹¹⁰ Гомельское слово, 1912, 18 апр.; Минский голос, 1913, 17 янв.

крестьян (семь человек) и убила его. Это была месть за то, что Гудыно выступал на суде свидетелем в защиту помещика ¹¹¹.

Одновременно велась борьба против землемеров, чиновников землеустроительных комиссий и других ревностных защитников и проводников новой аграрной политики. Против них иногда поднимались целые селения. Это затрудняло борьбу властей с антихуторским движением, ибо упорство крестьян в таких случаях возрастало. В качестве примера можно привести судебный процесс в Бобруйском уезде, где летом 1913 г. под судом оказалось сразу 25 человек, которые обвинялись в «оскорблении» члена землеустроительной комиссии Войнова. Последний был избит за неправильный отвод хуторов, т. е. за то, что выделял хуторские участки «лишь за хабар», который получал от богатых крестьян ¹¹².

Корреспондент из Быховского уезда в 1914 г. писал, что крестьяне «о хуторах слышать не хотят, не верят тому, что на участках лучше жить».

Медленно шел процесс расселения на хутора в Лепельском уезде Витебской губернии. «Северо-западная жизнь» отмечала, что «хуторское хозяйство еще мало прививается и деятельность землеустроительных комиссий в этой области пока ничтожна... Малоземелье и много других причин мешают деревне разделиться на хутора» ¹¹³.

Одной из причин отказа выходить на хутора была угроза разорения и полного обнищания. Это особенно наглядно проявилось при попытке расселения на хутора крестьян Любоничской волости Бобруйского уезда. Здесь в мае 1912 г. уездный предводитель дворянства и неперемный член землеустроительной комиссии упорно, но безуспешно добивались на волостном сходе согласия крестьян для расселения на хутора. Большинство крестьян этой волости располагали наделами до 3 дес. При общем пастбище они еще могли кое-как держать по две коровы и по одной лошади, а на трехдесятинных хуторах прокормить скот было невозможно. Поэтому на сходе крестьян

¹¹¹ Могилевский вестник, 1910, 10 дек.

¹¹² Северо-западная жизнь, 1913, 18 июня; Вестник Могилевско-го земства, 1914, № 8-9, с. 38; ЦГАОР СССР, ф. 102, д. 41, ч. 1, л. 56; Северо-западная жизнь, 1912, 11 февр.

¹¹³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 2334, л. 13.

не требовали прирезки земли и только при этом условии были согласны «дать приговор» на расселение. «Минские ежедневные ведомости» отмечали, что «более всех высказывались против расселения малоземельные, которые ничего не выигрывали»¹¹⁴.

Организаторами антихуторских выступлений были более сознательные крестьяне, которые вели агитацию по деревням и селам. Так, в д. Якубово Оршанского уезда Могилевской губернии агитацию против хуторов вел крестьянин Алексей Гавренков, который, согласно донесению, будучи «изобличенным в противодействии проведению в жизнь закона 9 ноября 1906 г.», по постановлению министра внутренних дел был выслан под гласный надзор полиции в Витебск. Однако и после этого борьба против столыпинщины, начавшаяся весной 1909 г., не прекратилась. Полиция доносила в июле 1910 г., что «крестьянское население деревни Якубово... враждебно настроено против укрепления в личную собственность надельных земель вообще и в частности против хуторского расселения». Причиной этого, по словам полиции, являлось влияние «административно высланного Алексея Гавренкова, часто отлучающегося из места ссылки и проживающего нелегально на родине», за что последний был вторично привлечен к судебной ответственности¹¹⁵.

Активную агитацию против столыпинского землеустройства проводили летом 1911 г. пятеро крестьян с. Великие Луки Новогрудского уезда. Они призывали односельчан отказываться от нарезки хуторов. В м. Хотимск Климовичского уезда такой же пропагандой занимался крестьянин Т. Могилевцев¹¹⁶.

Осуществление столыпинской реформы усугубляло социальное размежевание внутри крестьянства, ускоряло поворот кулачества в сторону контрреволюции. В. И. Ленин указывал, что столыпинщина привела к соединению «земских начальников и богатых крестьян» для совместного грабежа крестьянской земли¹¹⁷.

Постепенно внутри крестьянства разгоралась классовая борьба, которая местами принимала ожесточенный

¹¹⁴ Минские ежедневные ведомости, 1912, 3 июня.

¹¹⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 2, д. 3357, л. 9.

¹¹⁶ Крестьянское движение в России, с. 530, 532.

¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 73.

характер. Так, в 1913 г. в Минском уезде крестьяне разрушили усадьбу зажиточного хуторянина Скворчевского, а в Речицком — разгромили дома богатых хуторян Курганенко, Федотенко, Хоменко и др.¹¹⁸

Наряду с выступлениями против кулачества и вообще аграрной буржуазии не прекращалась стачечная борьба батраков и поденщиков, направленная против буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Правда, она в годы подъема была слабой, что объяснялось жестокими репрессиями против сельскохозяйственных рабочих, а также большей уступчивостью со стороны хозяев, старавшихся предотвратить забастовки, ибо они грозили дезорганизацией хозяйственной жизни. Кроме того, владельцы боялись влияния батрацких выступлений на крестьянскую массу, которая и так почти непрерывно «бунтовала». Нужно было не допустить соединения крестьянского и батрацкого движения в единый поток. Революция 1905 г. показала, к каким тяжелым последствиям это могло привести.

Следует также учитывать особые условия, в которых находились сельские батраки и безземельные крестьяне, работавшие по найму. К числу таких условий К. Маркс относил сильную зависимость батрака от своего господина и более низкий уровень его политической сознательности по сравнению с промышленным рабочим. Зависимость от помещика и сельского капиталиста затрудняла деревенскому пролетарию приобщение к движению городских рабочих. «Сельскохозяйственный пролетариат, — писал К. Маркс, — представляет собой ту часть рабочего класса, которая с наибольшим трудом и позднее других уясняет себе свои собственные интересы, свое собственное общественное положение; иными словами, это — та часть, которая дольше всего остается бессознательным орудием в руках эксплуатирующего ее привилегированного класса»¹¹⁹.

Тем не менее революционная борьба встряхивала и будила батрачество, постепенно объединяя его в политическую армию, которая в послефевральские дни 1917 г. выступила в роли авангарда крестьянского движения, направленного против Временного буржуазного правительства и помещичьего класса.

¹¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 1, д. 40, л. 28.

¹¹⁹ Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 341.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Классовая борьба в деревне в 1907—1914 гг. развертывалась в новой политической обстановке и на новой, более широкой социальной основе. Несмотря на жестокий террор и разгул контрреволюции, в этот период расширились и углубились классовые противоречия, которые послужили основой для развертывания широкого крестьянского движения. Вместе с первой социальной войной в деревне разгорался пожар второй социальной войны. Все это создавало ту общественно-политическую атмосферу, которую В. И. Ленин в 1908 г. охарактеризовал как гражданскую войну и «состояние с трудом сдерживаемого восстания»¹.

Главное острие крестьянской борьбы было направлено против помещиков и царских властей. Из 866 выступлений, которые нами учтены за период с июня 1907 по июль 1914 г., на первую социальную войну приходилось около 73,0% и 27% — на вторую социальную войну. Из 866 выступлений на Минскую губернию приходилось 439 (50,7%), Могилевскую — 150 (17,3), Гродненскую (6 уездов) — 64 (7,4), Витебскую (5 уездов) — 164 (18,0), Виленскую (4 уезда) — 49 (6,0%). На каждые 10 тыс. человек крестьянского населения * по всей Белоруссии (35 уездов) в среднем приходилось за указанные 7 лет 1,2 выступления, в том числе в Минской губернии — 2,0, Могилевской — 0,7, Витебской — 2,3, Гродненской — 0,5, Виленской — 0,5 выступления. На каждые 10 тыс. квадратных верст в Минской губернии приходилось 54,5 выступления, Могилевской — 38, Гродненской — 24,4, Витебской — 101,7, Виленской — 23,6. Эти цифры показывают, что по интенсивности борьбы на первом месте стояли белорусские уезды Витебской губернии, а Минская —

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 449.

* Численность крестьянского населения взята за 1913 г.

Таблица 10

Волости и населенные пункты, охваченные крестьянскими выступлениями, по губерниям и уездам (июнь 1907—июль 1914 гг.)*

Губерния, уезд	Всех волостей в уезде		Число волостей, где происходили крестьянские выступления						Число сел и деревень, охваченных движениями						Число имений, охваченных движениями			
	Всего	Дважды	В том числе с повторными выступлениями			Всего	Дважды	Трижды	В том числе с повторными выступлениями			Всего	Дважды	Трижды	В том числе с повторными выступлениями			
			Более 3 раз	В том числе 5 раз и более	10 раз и более				Более 3 раз	Трижды	Более 3 раз				5 раз и более			
																Более 3 раз	Трижды	Более 3 раз
Минская	202	174	48	22	32	7	2	301	60	11	2	2	88	2	—	—		
Минский	16	16	4	4	3	—	1	53	9	1	—	—	11	—	—	—		
Пинский	23	23	5	4	7	1	1	40	8	3	—	—	14	—	—	—		
Бобруйский	22	22	10	—	7	—	—	37	7	2	—	—	11	—	—	—		
Борисовский	27	14	4	—	—	—	—	12	3	—	—	—	5	—	—	—		
Речицкий	23	16	3	2	2	1	—	23	5	—	—	—	14	—	—	—		
Игуменский	22	22	2	5	3	1	—	35	9	4	—	—	8	—	—	—		
Слуцкий	24	18	5	3	1	—	—	26	6	—	—	—	3	—	—	—		
Мозырский	22	20	5	3	5	3	—	41	6	1	—	—	9	—	—	—		
Новогрудский	23	23	10	1	4	1	—	34	7	—	—	—	13	—	—	—		
Могилевская	146	92	21	9	4	1	—	103	7	—	—	—	27	2	1	—		
Могилевский	13	13	5	1	—	—	—	10	1	—	—	—	7	—	—	—		
Мстиславский	10	5	1	2	—	—	—	12	—	—	—	—	1	—	—	—		
Баховский	10	3	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—		
Горецкий	12	7	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—		
Оршанский	16	11	4	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—		
Рогачевский	14	8	2	—	—	—	—	7	—	—	—	—	3	—	—	—		

Гомельский	18	18	3	3	4	—	—	—	24	4	—	—	—	—	7	—	—
Чериковский	16	13	1	1	—	—	—	9	1	1	—	—	—	—	1	—	—
Климовичский	13	8	1	2	—	—	—	10	1	—	—	—	—	—	2	—	—
Сенненский	15	5	1	—	—	1	—	6	—	—	1	—	—	—	1	—	—
Чаусский	9	1	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гродзенская	138	58	8	1	—	—	—	68	6	—	—	—	—	—	11	—	—
Гродненский	21	20	3	—	—	—	—	20	3	—	—	—	—	—	1	—	—
Слонимский	23	8	—	—	—	—	—	7	1	—	—	—	—	—	1	—	—
Волковысский	22	8	3	—	—	—	—	19	1	—	—	—	—	—	1	—	—
Брестский	23	16	2	1	—	—	—	17	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Кобринский	30	4	—	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	6	—	—
Пружанский	19	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Витебская	95	80	23	5	6	6	—	131	3	—	—	—	—	—	1	—	—
Витебский	15	15	7	1	—	—	—	20	—	—	—	—	—	—	49	—	1
Городокский	21	21	4	2	3	1	—	41	1	—	—	—	—	—	10	—	1
Полоцкий	15	15	2	1	3	2	—	24	—	—	—	—	—	—	11	—	—
Лепельский	27	21	7	1	—	3	—	32	2	—	—	—	—	—	8	—	—
Дриссенский	17	8	3	—	—	—	—	14	—	—	—	—	—	—	16	—	—
Виленская	92	32	5	1	—	1	—	27	1	—	—	—	—	—	4	—	—
Вилейский	25	11	3	—	—	1	—	12	—	—	—	—	—	—	21	—	1
Дятненский	21	5	1	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	9	—	—
Лидский	23	6	1	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	4	—	—
Ошмянский	23	10	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Всего по пяти губерниям	673	436	105	38	42	15	2	630	77	11	2	3	196	5	1	2	—

* Чтобы составить верную картину размаха аграрного движения, следует к числу сел и деревень, где происходили крестьянские выступления, прибавить количество имений, охваченных движением, ибо в официальных документах часто не указывались селения, а назывались только имения, в которых отмечались беспорядки. Поэтому в нашей таблице сселения и имения с одноименными названиями учитывались только один раз.

на втором. Причиной более высокой революционной активности крестьянского населения в Витебской губернии были острое малоземелье и широкое распространение пережитков крепостничества.

Из 673 волостей, которые входили в состав Белоруссии, движением были охвачены 436 волостей (64,8%). Из них дважды выступления происходили в 105, трижды — в 38, более трех раз — в 59 волостях. В Минской губернии крестьянскими выступлениями были охвачены свыше 70% всех волостей, Могилевской — 63, Гродненской — 42, Витебской — 84, Виленской — около 35%. Таким образом, и по количеству охваченных волостей на первом месте стояла Витебская губерния, на втором — Минская.

За рассматриваемый период крестьянские выступления происходили в 826 населенных пунктах, в том числе в 630 селах и деревнях и 196 имениях. В Минской губернии движением было охвачено 389 населенных пунктов (из них 88 имений), Могилевской — 130 населенных пунктов, Гродненской — 79, Витебской — 180, Виленской — 48. Следовательно, около 69% всех населенных пунктов приходилось на Минскую и Витебскую губернии (табл. 10).

Гнет помещичьих латифундий, широкое распространение сервитутов, острое малоземелье и столыпинское разорение деревни послужили главными причинами широкого крестьянского движения в названных губерниях.

Растущее революционное брожение в деревне свидетельствовало о полном крахе столыпинской аграрной политики и неизбежности наступления новой революции, грозные симптомы которой проявились в первой половине 1914 г., когда сила стачечного движения по всей стране превысила уровень 1905 г. Только разразившаяся в июле 1914 г. первая мировая империалистическая война прервала дальнейшее развитие революционного процесса, отдалила революцию на несколько лет, но в то же время сделала ее более грозной и бескомпромиссной. Родившийся из пламени бесчисленных локальных революционных вспышек великий революционный пожар 1917 г. испепелил старое социальное и государственное здание России и расчистил почву для построения нового мира.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Сельскохозяйственные машины в крестьянских хозяйствах Белоруссии в 1910 г.

Губерния	Сеялки	Жатки	Сенокосилки	Конные грабли	Молотилки			Веялки	Всего	% к общему итогу по 5 губерниям
					ручные	конные	паровые			
Минская	6	18	2	2	644	9266	—	5358	15296	33,9
Гродненская	7	107	4	13	516	968	—	1146	2761	5,6
Могилевская	1	8	—	—	1269	1028	2	3841	6149	13,1
Витебская	31	49	18	9	2168	2091	6	8236	12608	27,1
Виленская	2	5	—	—	2464	4619	61	2272	9423	20,3
Всего	47	187	24	24	7061	17972	69	20853	46237	100

Статистика Российской империи: Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской России в 1910 г.— Спб., 1913.

2. Сельскохозяйственные машины в помещичьих хозяйствах Белоруссии в 1910 г.

Губерния	Сеялки	Жатки	Сенокосилки	Конные грабли	Молотилки			Веялки	Всего	% к общему итогу по 5 губерниям
					ручные	конные	паровые			
Минская	1407	1429	730	1273	413	4594	151	6499	16496	31,7
Гродненская	909	1083	455	928	199	1765	130	2427	7896	15,1
Могилевская	572	325	243	410	357	1209	77	2102	5295	10,1
Витебская	381	400	419	492	1048	2250	87	5046	10123	19,6
Виленская	716	580	374	883	737	4053	76	4825	12244	23,5
Всего	3985	3817	2221	3986	2754	13871	521	20899	52054	100

Статистика Российской империи, с. 4 — 7, 18 — 19, 38 — 41.

3. Крестьянское движение в Белоруссии

Год	Губерния	Первая социаль								
		Порубки леса	Пастьба скота	Борьба за сервитуты	Захват земли и леса	Поджоги имений и имущества помещиков и казны	Убийства помещиков, управляющих, арендаторов	Убийства лесников, полицейских, старост	Захват имущества	Отказ от повинностей
<i>Июнь 1907—</i>										
Июнь— декабрь 1907	Минская	—	4	1	—	1	1	—	2	—
	Могилевская	—	1	—	1	7	1	2	—	—
	Гродненская*	1	3	1	—	—	—	—	—	—
	Витебская	6	5	1	3	9	—	—	—	—
	Виленская	—	—	—	—	—	1	—	—	—
1908	Минская	2	4	7	2	20	—	5	—	—
	Могилевская	—	—	—	—	3	—	—	—	—
	Гродненская	1	5	1	—	2	—	—	—	—
	Витебская	12	3	1	5	5	—	—	—	1
	Виленская	—	—	—	—	1	—	1	—	—
1909	Минская	—	1	3	1	3	3	2	—	—
	Могилевская	—	1	—	1	7	3	4	—	1
	Гродненская	1	4	2	—	—	1	—	—	—
	Витебская	3	2	—	1	8	—	—	—	1
	Виленская	—	—	—	1	0	—	—	—	—
	Всего	26	33	17	15	66	10	14	2	3
	В %	8,6	10,9	5,7	5,1	21,8	13,3	14,5	0,6	1,1

* В данной таблице и в следующей в Гродненской губернии учитывались 6

в 1907 — 1911 гг. по губерниям

ная война						Вторая социальная война						Всего
Отказ от уплаты налогов и сборов	Смещение сельских старост	Забастовки сельско-хозяйственных рабочих	Снятие рабочих в ямниках	Сопровождение властям и полиции	Другие выступления	Поджоги имущества кулаков и капиталистов	Потравы угодий кулаков	Отказ выходить на хутора	Сопровождение землемерам и полиции	Забастовки сельско-хозяйственных рабочих	Разгром усадеб кулаков	
1	—	1	—	2	1	—	—	2	—	—	—	16
1	—	4	—	—	2	5	—	2	—	—	—	26
—	—	—	1	—	—	—	—	—	3	—	—	9
1	—	—	1	—	1	—	—	1	—	—	—	28
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2
1	—	—	—	5	1	11	1	4	1	1	—	65
—	—	—	—	—	—	5	—	2	—	—	2	12
—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	11
1	1	2	—	1	1	2	1	3	1	—	1	41
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	1	—	1	—	1	1	4	1	—	1	23
—	—	—	—	3	—	8	—	5	—	—	—	33
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	9
—	1	—	—	—	—	6	—	3	—	—	—	25
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
5	2	8	2	13	7	39	3	27	6	1	4	303
1,6	0,6	2,9	0,6	4,3	2,4	12,8	0,9	9,0	1,8	0,3	1,2	100

уездов, в Витебской — 5, в Виленской — 4 уезда.

Год	Губерния	Первая социаль							
		Порубки леса	Постыба скота	Борьба за серантуты	Захват земли и леса	Поджоги имений и имущества помещиков и казны	Убийства помещиков, управляющих, арендаторов	Убийства лесников, полицейских, старост	Захват имущества

1910 —

1910	Минская	2	5	11	—	11	—	1	—	—
	Могилевская	—	1	—	1	7	—	3	—	—
	Гродненская	—	—	—	1	—	—	—	—	—
	Витебская	1	—	—	—	9	—	1	—	—
	Виленская	—	—	—	—	2	—	—	—	—
1911	Минская	2	6	14	2	12	—	2	—	—
	Могилевская	1	1	—	2	4	1	—	—	—
	Гродненская	1	—	—	—	—	—	—	—	—
	Витебская	—	—	—	—	7	—	—	—	—
	Виленская	—	—	1	—	12	—	3	—	—
	Всего	7	13	26	6	64	1	10	—	—
	В %	3,5	6,2	11,9	2,9	30,0	0,5	5,0	—	—

Продолжение

ная война						Вторая социальная война						
Отказ от уплаты налогов и сборов	Смещение сельских старост	Забастовки сельско-хозяйственных рабочих	Снятие рабочих в именах	Сопроотивление властям и полиции	Другие выступления	Потравы угодий кулаков	Поджоги имущества кулаков и капиталистов	Отказ выходить на хутора	Сопроотивление землемерам и полиции	Забастовки сельско-хозяйственных рабочих	Разгром угодий кулаков	Всего

1911 г.

—	—	—	—	6	3	—	2	2	—	—	—	43
—	—	—	—	—	2	—	4	2	4	—	—	24
1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	4
—	—	—	—	—	1	—	5	1	1	3	—	22
—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	4
1	—	—	—	5	5	—	9	—	4	—	—	62
—	—	—	—	—	—	—	3	2	—	—	—	14
1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	11
—	—	1	—	—	1	—	5	—	—	—	—	23
3	—	1	—	13	13	—	34	7	10	3	—	211
1,5	—	0,5	—	6,2	6,2	—	15,8	3,5	5,0	1,5	—	100

4. Крестьянское движение в Белоруссии

Губерния	Первая социаль									
	Порубки леса	Пастба скота	Борьба за сервитуты	Захват земли и леса	Поджоги помещичьих и казенных имений и имущества помещиков и казны	Поджоги имущества лесников	Разгром квартир лесников	Убийства помещиков, управляющих, арендаторов	Убийства лесников, полицейских и старост	Отказ от уплаты налогов и сборов
<i>1912 г.</i>										
Минская	3	9	23	4	11	3	2	—	3	—
Могилевская	—	—	—	1	2	—	—	—	2	—
Гродненская	2	2	1	1	1	—	—	—	—	1
Витебская	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
Виленская	—	—	1	—	4	—	—	—	1	—
<i>1913 г.</i>										
Минская	5	8	21	3	21	3	—	3	3	—
Могилевская	—	1	—	1	8	—	—	—	—	—
Гродненская	2	1	—	2	2	—	—	—	—	—
Витебская	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—
Виленская	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—
<i>1914 г. (пер</i>										
Минская	—	2	6	—	6	2	—	2	1	—
Могилевская	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—
Гродненская	—	—	—	1	—	—	—	—	2	—
Витебская	—	—	—	—	11	1	—	—	—	—
Всего	12	23	52	13	76	11	2	5	12	3
В %	3,5	6,8	15,0	3,8	22,1	3,2	0,4	1,2	3,5	0,7

в 1912 — июль 1914 гг. по губерниям

ная война				Вторая социальная война									
Забастовки сельскохо- зяйственных рабочих	Спротивление властям и полиции	Другие выступления	Убийства кулаков и капиталистов	Поджоги имущества кулаков и капиталистов	Поджоги квартир землемеров	Разгром хуторов	Захват имущества хуторов	Потравы лугов и выпасов хуторян	Захват земли хуторян	Отказ выходить на хутора и отруба	Спротивление земле- мерам и полиции	Забастовки сельскохо- зяйственных рабочих	Всего (первая и вторая война)
2	8	4	1	9	—	—	—	—	1	5	2	—	90
—	1	—	1	5	—	—	—	—	—	—	1	—	13
—	2	1	—	3	—	—	—	—	—	1	1	—	16
—	1	—	—	7	—	—	—	—	—	—	1	—	12
—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	9
—	4	13	4	4	1	2	—	3	—	10	—	—	108
—	—	1	1	3	—	—	—	—	—	5	1	—	21
—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	7
—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	7
<i>вая половина)</i>													
—	2	—	—	8	—	—	1	1	—	1	—	—	32
—	1	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	7
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	18
2	20	21	8	54	1	2	1	4	1	23	6	—	352
0,4	5,8	6,0	2,4	15,1	0,2	0,4	0,2	0,8	0,2	6,8	1,5	—	100

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. Социально-экономическое положение деревни после революции 1905—1907 гг.</i>	10
Развитие капитализма в сельском хозяйстве	10
Пережитки крепостничества и положение крестьянских масс	26
<i>Глава II. Крестьянская борьба в годы столыпинской реакции (1907—1909)</i>	42
Разгул контрреволюции. Выборы в III Государственную думу	42
Революционная агитация в деревне. Борьба большевиков за влияние на крестьянские массы	51
Крестьянские выступления против помещиков и царских властей	71
Борьба против столыпинского землеустройства и кулаков-хуторян	104
<i>Глава III. Революционное движение в деревне в годы подъема (1910—1914)</i>	110
Нарастание революционного движения. Работа большевиков в деревне	110
Революционно-демократические требования крестьян. Отношение помещиков и буржуазии к крестьянскому движению	121
Первая социальная война	135
Вторая социальная война	160
Заключение	165
Приложения	169

Леонид Павлович Липинский

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ 1907—1914

Редактор *Н. Н. Филитович*. Оформление *А. А. Петровского*. Младший редактор *В. В. Соколова*. Художественный редактор *Л. Г. Медведева*. Технический редактор *В. П. Безбородова*. Корректор *З. М. Машкевич*.

ИБ № 516

Сдано в набор 25.09.80. Подписано в печать 02.03.81. АТ. 05049. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,77. Уч.-изд. л. 10,05. Тираж 2000 экз. Заказ 1491. Цена 1 р. 60 к. Издательство Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина Минвуза БССР и Госкомиздата БССР. Минск, проспект Машерова, 11. Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. Минск, Ленинский пр., 79.